

ВЫСШИЕ АЛЬФАЧИ

Вадим Меджитов

Весь мир представляет собой одно обширное государство, которое живёт в согласии и процветании. Но так было не всегда — в прошлом люди различных рас и вероисповеданий ссорились друг с другом, а величайшие духи подогревали мировой конфликт, стравливая целые народы. Измучавшись жить вечными войнами и распрями, люди решили обратиться к сильным мира сего, надеясь разорвать круг агрессии и насилия. На зов страждущих откликнулись Герои, храбрые самоотверженные люди, положившие начало борьбы с беззаконием и злодейским самовластием. А когда деспотичные правители, злобные могущественные маги и великие духи, объединившись, стали давать отпор Героям, то появились... Альфахи. Беспринципные, бессовестные, наглые, но чрезвычайно эффективные. И была одержана Великая Победа над злом, и ушли Герои и Альфахи на покой, народы объединились в единое целое, воцарился на землях мир, о коем никто и мечтать не смел, и магия начала исчезать. А легенды о прошлом стали забываться...

Содержит нецензурную брань.

Вадим Меджитов

Высшие альфачи

Все события и персонажи, описанные в данном произведении, вымышлены, любые совпадения или сходства с реально живущими или когда-либо жившими людьми, а также с реально произошедшими событиями случайны.

Он лежал на простыне из травяной беспорядочной зеленой массы, что покрывала весь простор его воображения до самых горизонтов.

Ему было хорошо, даже очень, но это не могло сравниться с чувством бескрайнего удовольствия, которое досталось ей, лежащей рядом с ним.

— Магия, — прошептала она довольно. — Магия исчезла.

Он это слышал. Слышал часто, слышал много, но никогда не уставал от подобных рассказней. Действительно, магия исчезла, испарилась, истончилась, а он теперь лежит и думает о вечном.

— Ну и хрен с ней! — рассмеялся он, затыгиваясь новой порцией отборного вещества.

— Да, — последний раз промурлыкала она ему в ухо перед тем, как исчезнуть окончательно.

Они договорились. Это был последний раз. Она вежливо попросила его разорвать привычный круг бытия и найти ее сестер. А он не смел ей отказать.

Сложно отказать девушке, чья кожа сливается с ярко-сочным цветом травы. Принимая во внимание также, что травы до ее появления не было — она проросла вместе с ее любовью.

Парень смеялся. Смеялся отчаянно, вскрикивая и сотрясаясь всем телом, словно в гомерическом приступе, хватаясь руками за воздух и разрывая одежду на теле. Наркотики смешались с его естеством, закрутили его сознание в неудержимом танце, щекотали его тело тысячью мягких иголок.

Ему было хорошо. А она, счастливая и спокойная, поселилась в его душе. Она всегда будет любить его — самого милого ей наркомана на свете.

Магия и взаправду исчезла. От нее оставались то там, то сям лишь жалкие рудименты — слабые источники маны, постепенно исчезающие и не передающиеся из поколения в поколение рунологические искусства, свитки, которые уже практически никто не понимал, как активировать.

Зато гоблины остались, мерзкие алчные создания, коими их всегда считали остальные расы. И гремлины, пусть эти демонята и тщательно скрывались от человеческого взора.

Да, много всякой различной живности бродит по нашему миру, требуя от цивилизованных народов своего полнейшего уничтожения ради всеобщего радостного прогресса. На такие славные деяния годятся герои из зарегистрированных гильдий.

Конечно же, героем может стать далеко не каждый. Нужно соответствующее образование, затем получить надлежащий разряд, оформиться к своему нанимателю. Не стоит забывать и про квартальные отчеты, которые включают в себя...

Сильный удар сзади чуть не впечатал Коса в ткацкий станок, на котором он бессовестно храпел.

— Чо за хня? — недовольным сердитым голосом спросил начальник цеха, главный ткач.

— А? Извиняюсь, задремал слегка, — сонно прошелестел Кос, оглядываясь по сторонам.

На него смотрели все соратники по ткацкому делу, в том числе и женщины. Точнее, не смотрели, потому что отлынивание от своих трудовых обязанностей шло наперекор Трудовому Кодексу. Для многих плыть против жизненного течения было равнозначно смерти.

— Ты чо, ебанулся малость, а? Какой, на хрен, задремал? Ты ткань слюнями обляпал, паскуда ты...

Начальник начал взвинчиваться как неисправный гудящий чайник, а Кос все еще смотрел на не смотрящих на него коллег.

— Да нормально все, — равнодушно махнул рукой Кос, принимаясь обратно за работу.

— Чо нормально? Чо нормально, ты скажи мне? Я тебя ща вышвырну отсюда, поглядим, как нормально!

— За сон на рабочем месте нельзя уволить, господин начальник, — мягко улыбнулся парень. — Я же не прогулял.

— Ты мне еще тут повякай! Я тя... к Директору пойдешь!

Вокруг зашептались. Директора никто никогда не видел, но поговаривали, что с ним лучше не встречаться. Никто не знал почему, но суеверия — дело тонкое.

— Ладно, — шумно зевнул Кос, как ребенок, которому надоели уроки, но он терпит взрослых, обещая им, что обязательно проживет такую же скучную жизнь, как и они.

— Объяснительную мне напиши, понял! И медсправку представишь, все как положено! Думаешь, меня накрутишь? Да я сам тебя накручу! — начальник принялся размахивать руками, как мельница.

— Медсправку-то зачем? — удивился Кос.

— Затем!!! — предоставил окончательный довод начальник перед тем, как уйти в свою берлогу.

Что-то зашевелилось в груди у Коса. Затрепетало. Захотелось приключений.

В конце дня он подал на стол начальнику объяснительную, а также заявление на увольнение. Но его заставили

отработать еще месяц.

Счастье на время оборвалось. Пришлось опять впахивать. Но про медсправку забыли, и то хорошо.

Говорят, что на севере страны живут рисийцы. Их область зовется Рисией, сами тамошние жители обзываются рисийцами, а едят они рис. Который и выращивают с помощью специальных технологий. На севере очень холодно, поэтому крестьянам приходится устанавливать своеобразные парники и теплицы, покрытые шкурами убитых зверских хищников (хотя ничто в мире не сравнится со зверством самого рисийца, который вознамерился выращивать рис).

В самом начале их долгого тернистого исторического рисового пути рисийцы занимались суходольным рисоводством, но затем, после изучения технологии растапливания ледниковых массивов, перешли и на поливное.

Конечно, рис производят не только на севере, но и в других частях страны. Но нигде вы не сыщите риса лучше, чем в Рисии. Поэтому он так ценится, поэтому он настолько дорог...

Ровно через месяц Кос отчалил в импровизированное путешествие, забрав из жилого барака свой скудный скарб, а также галантно экспроприировав немного люстрина на случай холодов.

Его никто не провожал, лишь пара женщин тоскливо посмотрели ему вслед да вернулись к своим станкам.

Небольшая гидроэлектростанция лениво крутила лопастями турбины, перемалывая воду из реки Ленточка в ценнейший энергетический ресурс. Птички что-то там пели, душа наслаждалась свободой, а увольнительная компенсация приятно оттягивала карман.

Он не знал, куда направить свои стопы, поэтому решил не уходить слишком далеко. Придерживаясь линии речного берега, он весьма неторопливо шел, ночью останавливаясь на ночлег на открытом воздухе. Еду он приобретал у бродячих торговцев да крестьян, то и дело курсировавших по этой протяженной дороге, которая в конечном итоге должна была упереться в город Колосик.

Две недели он брел, получая духовную релаксацию от видов природы, от временного избавления от рабочей каторги. Он понимал, что по приезде в город ему будет необходимо найти другую работу, чтобы освоиться и перебиться первое время, но это его вовсе не смущало. Благо теперь он не собирался задерживаться на одном месте.

На ткацкой фабрике он просидел целых два года, попав туда в неполные шестнадцать лет. Там вкусно кормили, давали бесплатное жилье, платили исправно и вовремя (хоть и немного). Там же, около фабрики, в лесной чаще, он познакомился со своей зеленокожей дриадой, которую заметил однажды на выходных, гуляя по лесу.

Он ей очень понравился, поэтому она вменила себе в обязанность заботиться о Косе, причесывая его непослушные каштановые волосы и снабжая его дурманящими веществами да замысловатыми, туго свернутыми трубочками.

Им было очень хорошо вместе, но недавно она ушла, поселившись в его душе, а он понял, что его больше ничто не держит в этом месте.

«Найди моих сестер», — сказала она ему напоследок.

Он не понимал, что это значит, но это было и неважно. Он всегда жил сегодняшним днем, поэтому и сейчас он затянулся косяком, благодушно поглядывая на потрясающий закат, раскинувшийся над утихомирившимся лесным шумом.

Город Колосик славился своим сельскохозяйственным брендом, будучи узнаваемым поставщиком всевозможных переработанных плодородных урожайностей.

Правящая партия состояла практически полностью из Синих, что задавало тон настроению и духовному дизайну городской инфраструктуры — аккуратные чистые светлые улочки, освещаемые уютными вечерами мягким светом электрических фонарей; благоустроенные парки, сады, скверы, захватившие своими пышными зелеными насаждениями весь город; малоэтажные уютные домики, стоящие на рынке недвижимости целое состояние.

Город также славился и своими рынками, где зарегистрированные «свои» крестьяне продавали дорогие, но очень вкусные фермерские продукты. Их же можно было купить в престижных продовольственных бутиках в других городах необъятной славной страны.

Город возглавляло Общее собрание Садоводческого товарищества, выездным представителем которого был Господин Председатель.

В общем и целом, Колосик представлял собой образцовый город, если не обращать внимание на некоторые мелочи.

Или, говоря проще, если *закрывать* глаза на некоторые мелочи.

Кос потратил на свой путь всего две недели и совсем немного личных сбережений. Частенько ему удавалось своим обаянием и харизмой упросить дать ему еду за просто так, особенно если случайный путник оказывался добродушной крестьянкой.

В Колосике он гулял и слонялся недолго, желая до наступления ночи узнать про цены проживания в гостиницах, постоялых дворах или съемных комнатках.

Заоблачная стоимость даже самых захудалых номеров изрядно удивила Коса, привыкшего к дармовому жилью, поэтому он вышел из города и провел ночь на свежем воздухе, обсуждая свои дальнейшие планы с белочкой.

Наутро он отправился в дачный поселок, где принялся опрашивать тамошних богачей (по меркам Коса), что ему делать. Один миролюбивый старичок пригласил юношу к себе в деревянную обитель, упросив Коса поработать пару месяцев вместо его внука, который в данный момент лежал с лихорадкой.

— Что за работа? — просто спросил Кос, усаживаясь за столик с ароматным чаем, который приготовил добрый старик.

— Лес валить. На лесопилку исчо, может, устроят. А может, что и нет, — пожал плечами старик.

Он разлил чай из отполированного до золотого блеска самовара, а затем слегка притушил голос:

— Работа недолгая, сынок, подменить надобно. Ну-с, перебиться сможешь... внучок место терять не хочет, ты пойми...

Кос только слегка улыбнулся.

— А разве много платят? — спросил он, охватывая взглядом богатые хоромы гостеприимного старика.

— Не, — помотал головой старик. — Просто он лес любит валить уж очень. Понимаешь? Это ж та человеческая занятость, шо осязательный результат дает. Мм?

Перед сном Кос заглянул в комнату внука, который лежал на кровати, весь покрытый маслянистым потом, кутаясь в мех. На ногу был неумело наложен гипс; за врачом послали аж в Сартию, где базировались одни из лучших докторов в стране.

Дерево неудачно упало, так сказали Косу. А синяки по всему телу также от дерева? Парень фыркнул. Природа нынче с кулаками — за просто так лес не отдает.

Кос понял две вещи. Во-первых, работа, пусть и временная, но явно на больший период, чем пару месяцев, если учитывать состояние горе-дровосека. Во-вторых, в Колосике не все так просто.

Хотя что еще ожидать от больших городов, кроме опасностей?

Форма правления и государственного устройства в каждом отдельном городе страны отличается. В некоторых городах управление передано специальным коллегиальным органам, члены которых избираются путем голосования. В других мы увидим настоящую монархию, где августейшая особа правит вместе с доверенными придворными.

Важнейшие дела страны решаются на Совете Городов, когда представители всех городов съезжаются в одно место для проведения Общего Собрания.

Если вы интересуетесь политикой, то в кулуарных беседах вы частенько можете услышать мнение, что страной правят вовсе не городские представители, а некий высший государственный орган, которому подотчетны все города. Говорят о таких вещах обычно тихо, потому что известны случаи, когда особо говорливых вызывали на допрос, где весь день пытались бесконечными вопросами о погоде и заставляли решать сложные математические уравнения (для особенно ретивых предусматривалось чтение законодательных актов... вслух, пока не упадешь). В конце дня, после разъяснительной беседы, гражданину вменялось подписать бумаги об отсутствии мотивов к подстрекательской или иной экстремистской деятельности согласно главе 1 статьи 2 Основного Свода Законов. После такой тщательной головомойки каждый готов был уверовать в то, что никакого закулисного высшего органа власти не существует.

Для контроля за городскими настроениями и индексом социальной напряженности правители многих городов нанимали так называемых тайных подсыльщиков, кем мог вполне оказаться ваш сосед по комнате, милая старушка на скамеечке и даже кот, перебегающий дорогу.

Коса, как новичка, отправили на выборочную вырубку, а не на сплошную, выделив юноше специального инструктора-древоруба старшего разряда.

— Только оформим сперва, понял? Без бумажек не принимаем, понял? Затрахали эти проверяющие уже, — грузно вздохнул начальник лесозаготовительного участка.

Пришлось Косу на день смотаться в местный ЦОЗ (центр организованной занятости) для перевода на новую должность и отметки в своей трудовой книжке. На лесоруба он не учился, поэтому разряд ему не был присвоен, следовательно, и оплата была мизерной — как у подсобного рабочего. В общем, все как положено в развитой и процветающей стране.

— Срочный трудовой договор оформляем, понял? Чтоб тут не задерживался, понял? У нас тут очередь из таких, как ты, понял? А ты пришел без рекомендаций, без блата, без...

— Понял, — отмахнулся Кос от начальника, отправляясь за рабочим инвентарем.

Его наставником оказался грустный мужчина лет сорока по имени Игорь. Он был родом из Червони, далекой области, славящейся своими болотами и депрессивными людьми.

— Ты, эт... давай не напрягайся, паренек, слышь? Не напрягай свое очко, — сказал Игорь, уныло бредя по направлению к зоне вырубки.

— За такие-то копейки, — усмехнулся Кос. — Ни в жизнь.

— Хочется зарабатывать нормальные деньги, не сильно напрягая свое очко...

— Так мало платят? У тебя какой разряд?

Игорь лишь устало покачал головой, как будто все разряды мира не смогут окупить тяжелый мужской труд.

— Четвертый, и чо? Каждый день надрываю свое очко, а сил потом и нет... не помню, когда последний раз отпуск брал...

Он сел на пень и достал помятую пачку сигарет.

— Будешь?

— У меня свои, — Кос также достал косяк из глубокого кармана. — Начальство не заметит, что мы отлыниваем?

— А мы разве отлыниваем? Мы же пришли на эту сраную работу, — логично заметил Игорь. — Некоторые и вовсе не приходят, спиваются. Благодарны должны быть нам.

Он затыкнулся и задумчиво посмотрел в небо.

— Щас отдохнем перед работой, а потом поизображаем эту самую работу. Все равно вчера вырубил больше, чем нужно. Ты откуда будешь, паренек?

— Из Brentona, — наугад соврал Кос.

— Хера се. Продвинутый паренек. А чо свалил-то? Говорят, что там такие деньжищи...

— Все уже давно занято.

— Угу. Как и везде, — угрюмо пробормотал Игорь. — Знаешь, я уже готов за гроши устроиться куда-нить в библиотеку, чем здесь надирать свое очко. Да только пробовал, а там бабы одни, не пуцают. Так и сдохну где-нибудь под деревом...

— Как тот самый? — осторожно и будто невзначай спросил Кос про внука своего гостеприимного хозяина.

— Э-э, да он косякнул, — и, видимо, понимая, что проговорился, Игорь сразу же сменил тему. — Ты вот куда хошь устроиться? Где побаче и делать не хер, да?

— Тип того.

— Куда-нить, где бумажки, — мечтательно вздохнул Игорь. — Много бумажек. Ляпота-херота. Всю смену шихуешь, имитируешь все подряд, весь в запаре... очко, опять-таки, не напрягаешь...

Кос уже не слушал. В принципе, он услышал все, что хотел. Теперь он отчетливо понимал, что в области или даже в самом городе орудует настоящая организованная преступность. А говорили еще, что Колосик безопасен.

Он вспомнил мужчину с неестественно выгнутой ногой, сломанными ребрами и бесчисленными синяками по всему телу.

Надо быть поосторожнее...

Страна звалась Вайтпилл, а деды говорят, что давным-давно ее называли по-другому. Но только все забыли, как именно.

Страна раскинулась по всему, единственному в мире, континенту и по близлежащим мелким островкам. Наверное, предки завещали людям жить в мире, согласии и народном единстве, поэтому история хранит редкие упоминания попыток отсоединения и создания независимых государств. Хотя есть версия, что из исторических учебников изъяли подробности восстаний, чтобы у детей не кружилась голова от пятен крови, коими покрыта история любого мира, в том числе и нашего.

Бунты, вооруженные столкновения, массовые протесты, выливающиеся в создание суверенных государств, жестко подавлялись, а с мятежниками расправлялись крайне изощренными способами в назидание другим. Конечно, подобные события происходили давно, даже очень, но доверенные люди, имеющие доступ к Архиву Знаний, лучше всех понимают, что миролюбивая страна остается такой, пока граждане действуют в рамках приличия. Эти же люди догадываются (или знают определенно), что страна управляется не Советом Городов, а более высшим органом государственной власти.

Для простых людей видение мира является понятным — страна одна, разделена она на городские области, где заседают власть имущие, а важные вопросы, определяющие курс развития страны, решаются на Совете Городов. Некоторые, правда, сомневаются в подлинности представляемого им порядка вещей, но если об этом и говорят, то очень-очень тихо.

Как говорится, даже у стен есть уши. В Вайтпилле иногда кажется, что у стен есть и глаза, которые следят за вами днем и ночью.

По пятницам Кос вместе с Игорем останавливались отдохнуть в захудалой харчевне, что располагалась в рабочем поселке в разумном отдалении от Колосика. Завсегдатаи туда приходили явно не с изысканными манерами, а с грубой речью, дурным запахом и простотой обывательского мышления — то были в основном

наемные крестьяне с близлежащих полей, вкалывающие за гроши, а также рабочие из города, выполняющие тяжелый труд в настоящем ради тяжелого труда в будущем.

В общем, народ был беспросветный, безнадежный и безденежный. Как и Кос, впрочем. Только его это особо не волновало.

— Накосычил я однажды, бл, — проговорил Игорь в похмельном угаре.

Кос решил тоже для разрядки приложиться к бутылке, благо местное пойло вырубало наотмашь — разумный человеческий организм не мог позволить своему хозяину выпить слишком много, поэтому отключался заблаговременно для сохранения дальнейшей жизнеспособности.

— Чо? — вежливо уточнил Кос, смачно рыгая.

— Да спиздил топор, панимашь? А пропажу повесили, — тут он икнул, весь вздрогнув, — на паренька нашенького. Молодой который, весь в веснушках, а?

— Ну и забей болт, — успокоил товарища добрый Кос. — Не ты же в дураках.

— Я, енто, иногда раздумываю, мой друг, что я, бл, всю жизнь в дураках, — неожиданно произнес Игорь довольно взвешенную мудрую фразу.

Кос лишь пожал плечами. Что тут горевать? Счастье определяется с рождения, а дальше уже живешь как можешь без задней мысли. Не всем Жизнь раздает удачные карты, среди которых одни козыри да тузы. Некоторым вообще ничего не раздает, даже игроком не станешь, чистишь сортиры да улыбаешься.

Игоря внезапно вырвало — смачно, громко и протяжно. Кос закрыл глаза — такое случалось не в первый раз и являлось обыденностью для подобного рода заведений.

— Ты чо, блядь, охренел, друг?! — раздался раскатистый мощный голос.

Кос резко открыл глаза. Его испугал не сам голос, а слово «друг». Никогда... поверьте, никогда-никогда хорошие вещи в жизни не начинаются с такого слова.

И правда — над ними нависал, словно гора мяса, мускулистый рабочий бугай, весь покрытый чем-то склизким и неприятным.

— Накосычил, бл, — прошептал Игорь совсем тихо.

— Да уж, — промычал Кос, тоже испуганно вздрогнув на рослого детину, у которого один кулак был, что голова Коса.

Горемычные друзья одновременно сглотнули. Что делать?

— Я тебя спросил, мать твою, вопрос тебе задал! Ты чо наделал?

— Я... енто... тут... ну... — принялся оправдываться Игорь.

Кос осторожно потянулся в карман за косяком. Если умирать, то обкуренным и веселым, чем грустным и в говне. Такова была его житейская молодая мудрость. И сейчас он откровенно боялся, что до взрослой опытной мудрости он попросту не доживет.

— Значится так, — угрожающе прошипел бугай в их сторону. — Пойдемте со мной, ребята.

Он схватил их за грудки одним резким мощным движением. У них не оставалось выбора, как дрыгать в воздухе ногами словно неловкие жалкие кузнечики.

— Будем вас учить, а? Вы, сука, попутали слегка...

Его попытку жизненного образования, к сожалению, прервали, потому что три тела одновременно упали на пол, сотрясая грохотом всю харчевню. Кос не умел группироваться в воздухе, поэтому рухнул на пол как навозный куль, Игорь приземлился на задницу, а бугай опрокинулся на спину, обнажая всему миру здоровенную шишку на голове.

Над ним стоял очень кра...

Игоря снова вырвало. И снова на бедного бугая.

— Игорь, ты заебал, прекращай, — заругался на своего друга Кос.

— Та я не специально. Мошь посмотреть, я свое очко не порвал?

— Я тебе сам сейчас очку порву!

Национальным девизом Вайтпилла был нерушимый принцип единства, сплоченности и взаимоподдержки. Конечно, не обходилось и без борьбы мировоззрений, поэтому с течением исторического времени в стране были созданы негласные неофициальные незарегистрированные «партии», кои, впрочем, всюду были узнаваемы и признаваемы.

Они делились по цветам радуги, а белый цвет был ключевым, символом страны. Он означал веру в то, что все можно исправить, начать с чистого листа. Хотя некоторые скептики говорили (очень-очень тихо), что белый цвет — это ничто, безнадежность и что ни делай, все равно придешь к одному и тому же.

Среди самых известных цветов-мировоззрений выделяли синий, красный и черный. Обычно, если городом управлял коллегиальный орган, то для народа было принято указывать, люди каких мировоззрений управляют городом. Бывало такое, что преимущественно правящее собрание состояло из людей «одного цвета» (как в случае с

Колосиком — им управляли Синие), но также существовали и города, где можно было встретить управленцев абсолютно разных мировоззрений. Это считалось положительным явлением, ведь тогда вопросы и проблемы рассматривались с абсолютно разных точек зрения, что позволяло вынести справедливое решение.

Их спасителем оказался высокий статный молодец с узким пронзительным взором, желтовато-атласной кожей и выразительным красивым лицом. Его взгляд охотника буравил двух незадачливых пьянчуг, сидящих на грязном полу с ошарашенным видом, а носок его ботинка высокомерно указывал на поверженного верзилу.

— Уберите, — повелительно сказал он, и сразу же несколько постояльцев бросились исполнять поручение.

Никто в нашем мире не отказывает красивым людям, умеющим правильно подать себя.

Уже через пару минут они сидели за одним столиком, а Кос вместе с Игорем проставлялись победителю сегодняшнего вечера.

— Тут пойло, господин, не ахти, не обессы... — икнул Игорь.

— Не обессудь, — поправил его Кос, стуча друга по спине.

— Пойдет, — вальяжно произнес незнакомец, одним залпом осушая целую кружку мерзкого пива.

К ним подошла пухленькая женщина, лучезарно улыбаясь и неся на ржавом подносе еще несколько полных кружек.

— Это за счет заведения, милсдарь. Эко вы его отмудохали! — похвалила она парня, заискивающе проводя полной ручкой по его плечу.

— Угу, — согласился красавец, обрабатывая очередную емкость с пенной отравой.

— Только мой муженек просит передать, — прошептала она всей компании, подаваясь вперед, — чтоб вы боле к нам не захаживали.

— А почто? — недоуменно спросил Игорь, не забывая вовсе поглядывать на пышные груди хозяйки харчевни.

— Ибо набедокурили вы малость, — сказала женщина, шутливо грозя Игорю пальцем. — Замахнулись аж на гранта самого Большого Джо!

— Хрм, — равнодушно пробурчал незнакомец, забирая у Коса хлеб и сыр для закуски.

— А это кто, сударыня? Важная птица? — участливо спросил Кос у хозяйки.

— А вы не знаете? — всплеснула руками женщина, деланно изображая удивление на лице. — Бандюга же наш местный, он же...

— Зося, а ну шуруй сюда, быстро! — пророкотал хозяин, подзывая свою женушку.

— Иду!

Когда муж отвернулся, то покрасневшая розовощекая прелестница напоследок тепло обняла незнакомца и со всего женского размаху чмокнула его в щеку, что он покачнулся. И упорхнула за стойку.

— Епт, мне б так... — мечтательно произнес Игорь, направляя свой жадный взор вслед за женщиной. — Люблю жопастых...

— Жопастых он любит! Только больше ее не увидишь, дурень! — больно стукнул Кос своего друга по голове. — Меньше нажираться надо!

— Так я, — Игорь снова икнул, — косякнул малеха. Вы, енто, не в обиде ж?

— Мне вообще по хуй, — честно признался незнакомец.

И осушил очередную кружку.

— Еще, — приказал он своим собутыльникам, которые, впрочем, последнее время и не пили вовсе.

— Сию минуту, — радушно произнес Кос, подзывая хозяина. — А как звать-то тебя?

— Чед, — ответил красавец.

Весь оставшийся вечер они провели в хорошем настроении, особенно Кос. Несмотря на то, что им запретили больше появляться в харчевне (не больно-то и хотелось, хотя пойло тут было дешевым), Кос узнал имя главного преступного элемента Колосиковской области, встретил чудесного флегматичного немногословного красивого юношу, коего уже считал практически своим другом, а также у него стали постепенно появляться цели в жизни, ведь Чеду нужна была помощь.

Ну а Игорь был в своем репертуаре — бесил всех и вся.

— А ты че, ты ж рисиец, а? — спросил изрядно поддатый Игорь. — Вы ж там один рис жрете, ха-ха-ха... один рис! Один рис! Од...

Игорь поперхнулся. Кос потер покрасневшийся локоть, улыбкой извиняясь перед Чедом.

— Будешь? — спросил он у своего нового друга, доставая из сумки косяк.

— Угу, — угрюмо согласился Чед.

Через мгновение его пристальный узкий взгляд, присущий людям его народности, превратился в совсем тоненькие щелочки, через которые он осматривал мир хищным взором.

Но даже в таком совершенно укуренном, обдолбанном и хмельном виде он оставался чарующе прекрасным.

Дриада не оставила Коса без подарка — уж очень она его любила. После ее ухода у парня появилась способность доставать косяки из любого хранилища, будь то карман куртки (своей либо чужой, без разницы) или грязная жестяная банка. Кос пользовался своим удивительным даром постоянно, но делился им только с самыми близкими людьми. Поэтому если Кос дает вам косяк, значит, он вас любит.

К сожалению, более тяжелые вещества приходилось покупать, но Кос пока что обходился и легкой курительной смесью, которую он, как укуренный фокусник, доставал из своего кармана.

Чеда друзья помогли устроить на лесопилку, ведь у парня совершенно не было работы. Уже несколько недель он бродяжничал, просил милостыню в Колосике, а когда его выгнали за черту города, стал побираться у добрых крестьян и равнодушных женщин. По нему было видно, что ему уже все равно на свое внешнее состояние, он не беспокоился за свою жизнь, а о приходе зимы даже не думал. При таком беспечном образе жизни, когда он спал на открытом воздухе, а ел что придется, ходить по брэнной земле ему оставалось недолго.

Он снял свою изорванную рубаху, и теперь солнце согревало его роскошные мышцы, высвечивая прекрасное фигурное тело лучезарным ореолом. Руки его, державшие острый топор, рассекали воздух на шелковые блестящие прядки, а коричневато-бурые стружки летели во все стороны.

— Пиздюрики... — ахнул Игорь, раскрыв рот от удивления. — Да кто ж так рубит...

— Нармальна, — одобрительно протянул Кос, который лежал на траве, курил косяк и блаженно смотрел на проплывающие мимо облака.

— Таки он норму всю выполнит за несколько часов...

— Заебись.

Обрадованный Игорь, который был абсолютно счастлив в любые нерабочие моменты, пригласил Чеда жить к себе в халупу (Игорь по-доброму называл ее «халупа-залупа»). Конечно, это были не хоромы, но Чеду, судя по всему, было не привыкать. Даже темная комнатуха без единого окна, без кровати, лишь с наспех постеленной соломой показалась ему раем.

В субботу, после окончания рабочей смены, друзья отправились в не-рабочий лес (так назывался тот лес, который они пока что не рубили) и устроили там настоящий праздничный пикник. Они, правда, так и не определились, что именно они празднуют, но через пару бутылок дешевого пива это уже было не важно. Всю ночь они жарили и ели шашлыки из маринованной свинины, горланили песни, курили, пили, танцевали у костра. Это было истинно животное приземленное веселье, которое объединяло их души, скрепляло их духовные и дружеские узы.

Первый раз за долгое время Кос почувствовал себя по-настоящему счастливым.

В современном Вайтпилле не наблюдалось ни единой открытой религии, верования или любого другого контакта с высшими мистическими силами. Возможно, что кто-то втайне и практиковал нечто подобное, но делать это было необходимо в строжайшей тайне от властей.

Не то чтобы религия была под запретом... ее будто вовсе не существовало. Жителей Вайтпилла нельзя было назвать атеистами, ведь атеизм, по своей сути, является отрицанием, своеобразным неверием в веру. То есть, если поразмыслить, атеизм — это та же вера.

Доверенные люди, имеющие доступ к Архиву Знаний, смогут найти множество сведений о бесчисленных репрессиях, направленных против верующих и неверующих. О любом виде мистицизма в Вайтпилле лучше было молчать в тряпочку, а за неаккуратно произнесенное словосочетание «О боги!» следовало шиканье со стороны разумных окружающих.

Богов в Вайтпилле не было. Равно как и храмов, верований и подношений.

Хотя, если признаться честно, несколько храмов существуют и в наши дни (с разрешения властей страны). Например, Храм Тела в Рисии, где до сих пор воспитывают настоящих боевых монахов. Адепты Храма верят, что возможности человеческого тела довольно велики, поэтому они тренируют учеников развивать свою физическую форму для духовного совершенствования и просветления. Это не религия, а своеобразное поклонение упорному труду и духовной прилежности.

Монахи каждый день подвергают себя изнурительным тренировкам, занимаются медитацией, душевным успокоением, отказывая себе во многих мирских благах — мясе, алкоголе, азартных играх и, конечно же, женщинах.

Вознаграждением за столь невиданное духовное самопожертвование является возможность посмотреть на мир с совершенного другого угла, вдали от суеты больших городов, а также вы сможете поразить родных поистине чудесной сноровкой собственного тела — некоторые монахи умеют рубить кирпичи одним лишь ударом ладони, стоя на одном пальце руки и даже ходить по воде (пусть и непродолжительное время).

У монахов нет цели в жизни, лишь Духовный Путь, а за нарушение Обетов их изгоняют из монастыря. И да, в Храме Тела не принимают женщин (кроме как временных гостей, допускаемых лишь в определенные кварталы).

В один прекрасный светлый выходной Кос прогуливался по мощеной чистой улочке Колосика, напевая себе

под нос веселый мотивчик да раскуривая свежий косяк, который достал из внутреннего кармана. Конечно, в городе наркотики были под официальным запретом, но стражники если и ловили наркоманов, то совсем опущенных, кто сидел на игле да всяческих солях. Впрочем, подобную шваль давно уже выгнали из «синего позитивного» города поганой метлой.

Краем глаза он заметил, как рядом с одним из аккуратных домиков производятся погрузочно-разгрузочные работы. Работяги, скрипя зубами и матерясь, поднимали с телеги тяжелые мебельные комплектующие, которые затем несли через широко открытую дверь в проходную. Там уже флегматичный мастер собирал части в единое удобоваримое целое, которое грозило не развалиться в ближайшее время вплоть до истечения гарантийного срока.

Один из рабочих с напарником в этот самый момент как раз тащили нечто железно-монолитное весом в центнер или более, если судить по их страдающим от натуги лицам. Они шаг за шагом продвигались вперед, к заветному дверному проему, вцепившись в гладкую отполированную поверхность толстого блестящего листа.

Как вдруг... они остановились...

— Ну чо там, блядь? — гневно спросил напарник, который не видел препятствия за широченной спиной своего коллеги по адскому неблагодарному труду.

— Еп... — только и мог вымолвить работяга, обливаясь потом и метафорической пролетарской кровью.

Кос подошел поближе. Его легкие уже вкусили благодатный нагретый воздух, наполненный легчайшими частичками истинного экстаза, ноздри наслаждались сладким чарующим ароматом дыма, а все тело юноши будто наполняла живительная энергия, заставляя даже идти вприпрыжку. Кос улыбался, Кос радовался жизни, и теперь весь мир казался ему не мрачным и серым, а полным удивительных событий.

На пути у рабочих стояла маленькая девочка в обнимку с куклой. Она встала как вкопанная, раскрыв свои большие детские невинные глаза, и всю глазела на спину работяги, стоящего перед ней. Работяги, который весь дрожал от натуги, который не мог вымолвить и слова.

Кос обогнул работяг и подошел к ребенку, обняв ее за нежные детские плечи.

— Пойдем-ка, малышка, хе-хе-хех... — сказал он, обдувая девочку манящим ореолом наркотических фантазий.

Девочка вся расплылась, прильнула к нему и отошла под ручку с Косом в сторону. Работяга, с благодарностью посмотрев на своего спасителя, перевел дух, потоптался на месте, как нерешительный, но мощный медведь, а затем резво направился к разгрузочному пункту.

— Не стой на пути у взрослых! — принялся учить девочку Кос, всю лыбясь. — У них рабский труд, уважать надо!

— Уважать? — с интересом переспросила девочка, наклонив свою чудесную белокурую головку. — А это что?

— Это... — Кос невольно задумался, не зная, как ответить на столь невинный вопрос. — Это... в общем, забей. Не стой на пути у взрослых, а то они так тебе конфет не принесут, поняла?

— Ага! — девочка радостно захлопала в ладоши и куда-то ускакала по своим важным делам.

Кос хотел было уже также ускакать, благо в выходные он обыкновенно был занят утилизацией дешевых отвратительных напитков вместе со своими друзьями (они как раз в этот момент по всему городу искали эти самые дешевые напитки, что было не так просто — продукты в Колосике стоили немерено, потому что цены занижали только на экспортные товары для продажи в другие города, а для собственного рынка накручивали до небес), но тут к нему подошел тот самый работяга, бесцеремонно схватив юношу за руку.

— Спасибо! — грузный пролетарий весь расплылся в улыбке. — Спасибо!

Он тряс руку Коса с таким неистовством, что, казалось, вот-вот оторвет.

— А чо сам не прогнал? — быстро переменял тему Кос, вырывая свою руку из лапы силача.

— Ну так... — грузчик жалобно взглянул на парня. — Ребенок же. А вдруг поругали б?

— Кто? — усмехнулся Кос, не понимая.

— Да мать хотя б... знаешь, сколько таких случа... — и тут он снова резко расплылся в улыбке, будто именно он принимал наркотики, а не Кос. — Спасибо! Спасибо! Спасибо!! Я могу что-то для тебя сделать в качестве благодарности?

Он смотрел на Коса с выраженьем щенячьей преданности. Глаза у работяги были маслянистые, покрытые красными нездоровыми прожилками. Видно, что он был не в своем уме, но от него не чувствовалось ни алкоголизма, ни наркозависимости... он был чист. Абсолютно чист. И абсолютно безумен.

Но Кос был не из тех, кто разбрасывался знакомыми.

— Можешь. Но не сейчас. Где тебя найти в случае чего?

Здоровяк назвал свой адрес, а Кос прилежно записал в свою Книжку Друзей. Косяк он предлагать не стал, это показалось лишним, но имя напоследок спросил.

— Дилан! Зови меня Дилан! — работяга на прощание еще раз пожал руку Косу и ушел собирать шкафы, столы

и прочие предметы интерьера, что городские богатеи заказывали в свои роскошно обставленные хоромы.

Классовая дистанция... классовый разрыв... что он делает с простыми людьми? Кос покачал головой и закурил очередной косяк.

Впереди его ожидала веселая попойка, а затем очередная неделька адского труда на лесопилке.

Синяя партия отличалась, прежде всего, позитивизмом, открытостью и верой в светлое, прекрасное и хорошее. Их идеологическими противниками выступали Черные, которые верили, что жизнь зависит от Старта, поэтому как ни старайся, но выше головы не прыгнешь.

Синие были убеждены в том, что жизнь — это бесконечная череда саморазвития, а каждая новая веха совершенствования должна была улучшать положение человека в несколько раз.

Они верили, что даже крестьянин может стать королем, если того захочет. Конечно, они не отрицали, что Жизненный Старт имеет место быть, а классовое неравенство — это повсеместное обыденное явление, но также они всем советовали не вешать нос и продолжать работать.

В Вайтпилле Синие пользовались огромной поддержкой у многих жителей страны, потому что каждому человеку хочется жить с мыслью, что завтра будет еще лучше, еще ярче. И, самое главное, что свою жизнь можно изменить, что ею можно управлять, а фатализм — это не более чем вздорный детский максимализм.

Синие редко выступали против капитализма, поддерживая идею разнообразия на рынке, голосовали за процветание продавцов «товаров и услуг для самосовершенствования» — то были психологи, владельцы букинистических лавочек, директора фитнес-центров и магазинов со здоровой едой.

Власти городов, где преобладали Синие, сосредотачивались на развитии «современной городской инфраструктуры», то есть создавали притягательный городской образ — роскошные парки, ухоженные улочки, места для проведения спокойного досуга.

Синие презирали разного рода извращения, проституцию, порочные низменные желания, алкоголизм, наркоманию и прочее темное и притягательное для «недалеких умов». Светлый образ, который создавали Синие в своих пропагандистских речах, заключался во взрослом целомудренном человеке, имеющем свои Принципы, заботящемся о близких, помогающем другим людям, не разводящем негатив и чернуху среди окружающих, старающемся самосовершенствоваться во многих направлениях.

— Так в чем конкретно проблема? — спросил Кос, косясь на угрюмого Чеда.

Игорь уже давно валялся на траве в отключке, иногда смешно дрыгая ногами и крича что-то про злых кабанов, угнетение и мировую революцию.

— Моего друга упекли. В каталажку, — сказал Чед, одним махом опрокидывая в себя целую бутылку пива.

— За что?

— Хуй поймешь, — мрачно ответил Чед. — Он приехал сюда раньше меня. Я прихожу — он сидит.

Чед сплюнул, а затем лег на траву и гневно уставился на небо и звезды, словно именно они были во всем виноваты. Впрочем, возможно, что именно так и было.

Кос почесал затылок, потом пожал плечами и лег рядом с Чедом, закуривая косяк. Хорошо, что погода все еще оставалась прекрасной, — можно было ночевать под открытым небом, как счастливый и безмятежный бомж. Удручало только то, что в понедельник надо было на работу.

— Ты поговорил с ним хоть? — спросил Кос.

— Угу. Он, как всегда, улыбается. Насмешливая такая мерзенькая улыбочка, знаешь? Из-за нее и попал впросак... или из-за того, что он черный.

— Черный? — недоуменно переспросил Кос. — То есть верит во всю эту идеологическую поеботу?

— Да не, — отмахнулся Чед. — Черный он. Как смоль. Негр, знаешь?

— Типа да, — протянул Кос. — Типа... попал тогда он. Он из Зумбии, что ль?

— Угу. Именно оттуда.

Они продолжали лежать и смотреть на иссиня-черное небо с моргающими, подмигивающими звездами. Теперь весь мир казался им черным, темным, непрозрачным, манящим, чарующим...

Зумбия... они затаились, вдохнули в себя частички психоактивных веществ, а их легкие наполнились воздушным прекрасным дымом.

Перед их парящим невесомым единым сознанием предстали шаманы, бьющие в барабаны, огромные комары, почему-то держащие во всех лапках по бутылке пива, высокие разноцветные зикураты, с которых лилась бесконечная кровь бесконечных девственниц, а затем мир закрутился, и они оказались в джунглях, в руках их блестили острые скимитары, а попугай вопил: «Революция! Долой кабанов! А-а-а!».

Пираты поигрывали сочными мускулами, деревья обнажались, море превращалось в лед, везде трещали девочки-кузнечики с зелеными крыльшками и тонкими усиками, а по небу лазали ядовитые обезьяны, глодающие полумесяц в приступе яростного голода.

Друзья заснули. Во сне они приносили кабанчиков в жертву, а те пытались откупиться деньгами, но тщетно.

Во сне идея стояла выше всех мировых ценностей.

Вот только в чем заключалась эта идея, они сразу же забыли, как проснулись.

Конечно, «синее» мировоззрение имело свои недостатки и краеугольные камни, которые обсасывали и стачивали бесконечными дискуссиями Черные, а к ним уже быстро примкнуло отличающееся оппозиционными настроениями население. Главный вопрос, который задавали Черные, был прост: как так получилось, что сколь ни развивайся, а результата не видно?

А также дополнительные вопросы на раздумье. А нужно ли это развитие? А как ты будешь развиваться, если человеку, который находится «сверху», невыгоден твой рост?

Черные выступали не за равенство, не за свержение действующего порядка, но за честность, открытость и искренность. Свои речи они снабжали мощными запоминающимися формулировками, навреде: «Если говно пахнет, что чего вечно изображать, что твой нос заложен? Говорите прямо, осуждайте!».

Синие обожали обвинять Черных, что последние ни черта не делают, а лишь ноют да вносят демотивационные нотки в общественное настроение, но Черные парировали такие суждения, как они называли, Базовыми Истинными Фактами. Они по праву считали себя «базированными» людьми, то есть идеологически состоявшимися.

Фиолетовые, когда вылезали из своей бесконечной хандры и депрессии, усмехались подобным лозунгам, но не опровергали их, а говорили: «Удивительно, как просто в наше время быть адекватным и психически стабильным, по мнению Черных. Всего-то необходимо в красках описать то, что и так видят твои глаза».

Черных отнюдь не смущали подобные ядовитые реплики, они были даже им рады. Ведь они действительно любили говорить о том, что все видят, но стесняются озвучить.

Часто из вежливости, говорили Черные, люди прощали (проходили мимо, относились снисходительно) хамство, высокомерное или фамильярное отношение, безалаберность, социальное неравенство, привилегированное положение отдельного человека в, казалось бы, равноправной группе и прочее-прочее.

Они зывали к людям, чтобы те «начинали Великий Срач». Ибо если в споре не рождается истина, то в сраче можно эту истину запихнуть буквально в глотку своему оппоненту.

Простые люди сначала боялись подходить к Черному пропагандисту, когда тот орал на городской площади, но невольно заслушивались, приближались... и окунались в подобное мировоззрение с головой. Конечно, далеко не все поддерживали Черных, особенно фанаты Синих, но приверженцев Истинной Истины хватало.

Действительно, если родители, знакомые или «любимые» избивали тебя, надругивались над твоими честью и достоинством, то Синие могли предложить лишь смирение да походы к психологу. Но Черные были не согласны с такими методами, более того — они считали их вредными. Они открыто заявляли, что о подобных случаях ни за что на свете нельзя молчать, нужно кричать, причем кричать так громко, чтобы слышали даже в джунглях Зумбии.

Если же ваш коллега по работе имеет фавор со стороны руководства, то об этом также стоит кричать. Жаловаться. Бить ногами. Делать все, чтобы жизнь привилегированного человека стала достоянием широкой общественности.

Также Черные учили своих слушателей Ядовитым Экспромтам. Это когда вы во всеуслышание заявляете о коррупции в отдельном городе, но преподносите ситуацию в настолько обидных выражениях, насколько у вас хватает совести. А если вас будут упрекать в чересчур резких словах, то стоит наброситься на своего оппонента с криками: «А ты не за Правду? Ты хочешь, чтобы и дальше воровали? Чтобы расхищали народное достояние?! Да ты такой же преступник!».

Черные обожали публичные выступления, диспуты, форумы для обсуждения, в общем — все способы яркого и громкого выражения своих мыслей. Любили они и писать, постоянно строча гневные публикации, наполняя бездушную бумагу живительной Истиной.

Некоторые философы и мыслители считают Синие и Черные мировоззрения положительными общественными явлениями, потому что одни пытаются построить положительный притягательный образ, а другие следят, чтобы за красивым фасадом никто не припрятал кучу говна. В общем и целом, эти идеологические противники прекрасно дополняли друг друга, двигая социум вперед.

Отдел Стражи городского округа Колосик находился в областном сельскохозяйственном поселке, который выглядел гораздо приличнее того рабочего поселка, где существовал Игорь (теперь вместе с Чедом).

Здесь проживали упитанные зажиточные довольные крестьяне и даже некоторые фермеры, собственники малых хозяйств, желающие быть поближе к своим подчиненным. Домики своим внешним видом и меблировкой уступали богатейшим роскошным хоромам в самом городе, но выглядели опрятно, чисто и достойно. Поговаривали, что дома эти в свое время раздало государство, а чтобы сегодня получить престижную работу землепаша — об этом не могло быть и речи, ведь давно уже были созданы целые крестьянские династии, передающие дело по наследству «своим» людям. Конечно, иногда привлекались сезонные рабочие, но и они были

знакомыми, друзьями, кумовьями и прочей блатной шелупонью, кто пару раз в год имел возможность получать достойные деньги.

Остальной народ был вынужден пробивать себе путь в жизни самим — и частенько этот путь заканчивался на непрестижной тяжелой работе, которая, несомненно, была общественно значимой, но общество почему-то оценивало ее по грошовой стоимости.

В поселке Заречный (так он наименовался, хотя реки тут рядом не пролегало) Кос и нашел злополучный участковый пункт Стражи, заведующий миропорядком в местной области. Было это старинное кирпичное здание, слегка потрепанное, но не утратившее былого очарования. Кос прошел мимо плакатов со страшными рожами («Разыскиваются! Сделай работу за нас, будь примерным гражданином!») — прочитал Кос на ходу).

У входа немного потоптался, привыкая к запаху канцелярщины (смесь клея, пыли, вонючих носков и заунывной тоски), а затем направился к пустеющему столику с регистрационными талонами. Взял себе один, все как надо, все по правилам.

— Я вас слушаю, — раздался позади него сухой женский голос.

Он обернулся. Медленно и беспечно, как у себя дома. Кос почти везде чувствовал себя как дома — как и большинство наркоманов со стажем.

— Добрый день, — поприветствовал Кос женщину в форме.

— Добрый, — ответила она, оценивающе смерив его с головы до ног. — Временно исполняющая обязанности начальника отдела Стражи лейтенант Стражи межмуниципального отдела Стражи по городу Колосик Анна Мейер. Я вас слушаю, гражданин.

— Хе-е-е, — протянул Кос, с удовольствием рассматривая точеную девушку в форме.

Он смекнул, что офицер еще «свежий», недавно на Службе и, наверное, выпускница Академии Стражи из Brentona. Говорок у нее точно был брентоновский.

Город технологий... и что она делает в такой дыре? Магия распределения, не иначе.

— Я вас слушаю, — повторила лейтенант Мейер.

— А у вас тут недобор, что ль? Кадровый дефицит? — Кос обвел рукой пустой стол.

— Может быть, — Анна подозрительно склонила голову. — Вы по какому вопросу?

— Друга своего ищу! Такой... ну... негр, одним словом.

Девушка кивнула. Она поняла.

— В данный момент он находится под следствием, во временном изоляторе, местоположение которого я вам не могу указать. Суд над ним будет через три недели, пока не могу подсказать номер судебного участка.

— Но он жив?

— Естественно. Мы же не звери.

Кос театрально вздохнул с облегчением. На самом деле ему было все равно. Просто хотелось помочь Чеду, как уж сможет.

— А можно, там, залог внести? Или как-то его отпустить?

— Не может быть и речи! — резко замотала головой суровая стражница. — Nein! Это особо опасный преступник.

— А что он такого совершил?

— Я не знаю. Никто из наших не знает. Но он умеет выводить из себя.

— Это такое уж преступление? — удивился Кос.

— В формальном понимании — нет. А в неформальном — не я тут все решаю.

— А кто? Вы же... начальник чего-то там?

— Временно исполняющая обязанности начальника. Надеюсь, скоро пришлют нового, я уже устала копаться в этом Scheisse.

Кос понимающе кивнул. Точно из Brentona. Они обожают вставлять в обиходную речь слова из их простонародного наречия.

— А где старый начальник? — невинно поинтересовался он.

— В канаве с перерезанным горлом, — невинно ответила она. — Еще вопросы?

— Да, — Кос широко улыбнулся. — Только один. Как вам работа?

Анна удивленно моргнула, а затем ненадолго задумалась.

— Ужасно, — призналась она. — Хочется плакать. Но я не могу. Я же офицер.

— А если убрать все эти ужасы? Можно будет погрузить от всей души? — спросил Кос, ненавязчиво вертя талончик в своих руках.

— Наверное, — Анна призадумалась. — Но ничего не получится. Силы неравны.

Она в упор посмотрела на Коса, словно вызывая того на поединок.

— Хе-хе-хех-хех-х, — забормотал Кос, а его рука потянулась к внутреннему карману, но он быстро ее

отдернул.

Иногда стоит соблюдать правила приличия — например, не курить косяки при представителях органов правопорядка. Вряд ли они осудят, но не стоит их дразнить — они бы сами с радостью приложились, но Служба не позволяет вольностей.

Но девушку он на заметку взял — она ему понравилась. Больше всего он желал завести как можно больше знакомств, подружиться с кем-то... он очень хотел дружить. Время, проведенное с Чедом и Игорем, было незабываемым. Но почему он должен останавливаться? Мир полон хороших людей, поэтому...

Стоило наведаться к Бертраму, хозяину той самой харчевни, где они повстречали гранта Большого Джо. Может, он что-то подскажет.

Одно Кос понял совершенно ясно — мало кому нравится текущая криминальная ситуация в городской области. Так почему не оказать содействие? Это же долг каждого гражданина!

Уже на улице Кос с удовольствием закурил. Мир окрасился во все цвета радуги. У него стало появляться все больше и больше жизненных целей. Это было хорошо. Даже замечательно.

Он хотел дружить, очень хотел. Мир же не будет стоять на пути такого замечательного желания, правда?

Вокруг континента, на котором располагалась чудесная страна Вайтпилл, распростерся могучий и безбрежный океан, заполонив остальной мир бесконечными водными просторами.

Возможно, были и другие континенты или малые участки суши, но ученые не могли подтвердить эту теорию, потому что в паре недель от Вайтпилла, если идти по воде, возвышалась магическая Стена-барьер, преграждающая дальнейшие морские путешествия.

Даже в ту эпоху, когда мир населяли могущественные волшебники, колдуны, чернокнижники, заклинатели и ведьмы, никто из них не мог пробиться через эту стену — по крайней мере, не осталось записей о таких деяниях. В наши же дни Стена стоит и поныне, что изумляет современных ученых, ведь магии уже нет.

Но ее нет на самом континенте, а магическая Стена стоит и здравствует, а некоторые полагают, что она даже стала крепче, чем ранее, словно впитала в себя всю утекшую магическую энергию.

Стена представляет собой полупрозрачное радужное полотно, за которым озорно плещется вода, виднеется солнце, небо, а ночью и звезды, но через магический барьер невозможно пройти или прорваться никаким способом. Оружие не оставляет и следа на Стене, а проплыть под ней также не представляется возможным — она достает до самого дна и даже глубже.

Магическая Стена — это поистине загадка из загадок. Да вот только с уходом магии разгадывать ее стало никому не интересно. В сознании большинства жителей Вайтпилла мир состоит из одной лишь страны.

Почему так сложилось? Да какая разница!

Кос нечаянно прикорнул в городском парке, под раскидистым деревом. Это не входило в его планы, просто так получилось.

— Эй, ты! — прокричал женский визгливый голос прямо ему в ухо.

Он подскочил, аж взлетел на пару метров как театральный герой популярных ныне трагикомедий. Вспомнил, что забыл убрать косяк, а голос подсознательно напомнил ему Стражу после встречи с Анной. Вдруг его упекут за курение в общественном месте?

Он ошалело начал тереть глаза, чтобы хоть как-то рассеять дымчатую пелену, застившую взор, и заметил перед собой молоденькую взбалмошную эльфийку. Хотя эльфов не совсем корректно обзывать «молодыми» — с ними никогда не угадаешь. Может быть и пятнадцать лет, а может и двести.

По крайней мере, она была не в форме, успокоился Кос. Или она специально в штатском...

— Я тоже хочу! — требовательно прокричала она, снова наклоняясь к его уху.

Он оттолкнул ее, а сам рухнул на траву, прислонился к мощной кроне дуба.

— Чо кричишь, дура? Чего хочешь? — заныл он, потирая голову.

— Косяка, блядь. Ты охренел в парке курить? Недавно Стража целый притон закрыла!

— Здесь-то?

— Нет. Какая разница? Гони свою дурь, а то сдам тебя со всеми потрохами! — требовательно запищала она.

Кос очаровательно улыбнулся, насколько только это было возможно в четыре утра при тяжелейшем похмелье, и протянул ей тоненькую сигарету. Наверное, магия научилась считывать даже мелкие нюансы — туго скрученная бумажка напоминала аккуратные дамские «розовые палочки», что курили в высшем свете.

— На! Не кричи только...

Девушка рухнула рядом с ним, с удовольствием затянулась, закашлялась и с чувством неземного блаженства прислонилась к дереву. Она тоже теперь слышала природный шепот, который убаюкивал и расслаблял, а в ее душе настали безмятежность и покой.

— Хорошо-то как! — радостно вздохнула она.

Они полежали еще так около часа, слушая звуки природы, а затем Кос приподнялся, собираясь уходить.

— Ладненько. На работку пора, гроши зарабатывать, — он отряхнулся, пригладил волосы и постарался успокоить большую голову, в которой все еще шумела вчерашняя гулянка.

— А ты где работаешь?

— Лес валю в области. Подработка, тут особо никуда больше не берут.

— Ты без стажа, что ли, впрягаешься? — удивилась она, раскрыв глаза. — Ну даешь! Хотя я не в лучшем положении... куда мы без связей в наше время?

— А ты чо?

— Медсестра, — она произнесла это слово с такой жизненной тоской и грустью, что даже показалось, будто дерево похлопало по ее усталому плечу. — Гребаная медсестра в гребаной больничке. Сука.

Кос улыбнулся своей сестре по несчастью.

— Долго училась? — поинтересовался он.

— Лет десять. Неплохое высшее, кстати, я же из Сартии.

— А чо там не устроилась?

— Устроилась там, ага, конечно! Блядь, да в нашей стране все через жопу, ты будто не знаешь...

Она затянулась так яростно, что косяк мигом истлел, а сама она легла на траву, ловя розоватый пушистый приход.

Кос участливо и с сочувствующим видом протянул ей еще одну папироску.

— Спасибо, — от всей души поблагодарила она. — Меня Эльза зовут, кстати.

— Кос, — также представился юноша.

— Ты меня спас от депрессии, Кос. Хотя бы на время. Вот честно — сегодня хотела повеситься! На этом самом дереве, веришь? Сука!

Кос промолчал.

— Спасибо, — еще раз поблагодарила она его. — Они дорого стоят, кстати? Я бы вернула деньги.

Юноша замотал головой, улыбаясь.

— Не надо. Я был бы рад, если ты поможешь в одном деле. Но оно опасное.

— Очень?

— Ага. Смертельно.

Эльзу не надо было долго уговаривать.

— Тогда я за! Знаешь, иногда сдохнуть прям хочется, но не знаешь как! Сука! Давай! Когда выступаем?

— Не скоро, — Кос попытался успокоить взбудораженную эльфийку. — Нужно слегка подготовиться... и ты всегда можешь отказаться...

— Я? Отказаться? Не-е-е, — она усмехнулась. — Нам дорога в один путь заказана в этой гребаной стране. Поэтому давай.

— В этом деле, вполне возможно, еще денжат подзаработаем.

— Правда? — глаза Эльзы заблестели. — Что раньше-то молчал? Банк грабить будем, что ли?

— Нет, — лицо Коса приобрело загадочное выражение. — Хуже.

Похоже, сегодня мир подарил ему еще одного друга. Спасибо ему за это.

Эльфы (ровно как и орки, дворфы и так далее) — это не совсем расы, а скорее проявления магических мутаций. Когда наш мир наполняла живительная магия, то некоторые люди рождались... с определенными талантами.

Никто так и не смог понять причин подобного явления, потому что согласно многочисленным исследованиям выходило, что рождение исключительного ребенка было абсолютной случайностью. От магов мог родиться совершенно естественно-нормальный человек, и в зоне «магического оседания», где магию можно было хоть ложкой есть (она иногда конденсировалась в густой искрящийся туман), также появлялись на свет «заурядные» малыши. То есть распределение «уникальной» рождаемости по всему миру было абсолютно хаотичным, не поддающимся определенной закономерности.

Хотя ученые сходились в одном — виновницей в этом всем безобразии была, несомненно, магия. Подтверждением этой теории стал тот факт, что «исключительные» дети перестали регистрироваться после полного исчезновения волшебного фона.

Давным-давно уникальные люди собирались вместе, создавая отдельные социальные группы. История помнит и коммуны, где жили исключительно представители одной «уникальной расы» (ранее было принято выделять особенных людей в отдельные расы, чтобы легче было обосновать их травлю), так же как и «восстания одаренных», «гонения нелюдей», «сегрегацию по магическому признаку» и многое-многое другое.

В наше толерантное время подобные терки остались в прошлом (хотя и не везде), а кто-то из необычных людей пользуется популярностью в обществе за свою уникальность — больше таких не будет, это ценится. От кровавых историй прошлого остались лишь милые сказки (тоже кровавые), где детям втирается всякая лабуда, что

дворфы живут под землей, а эльфы — на деревьях. На самом деле это, конечно же, не так — все живут в деревнях, поселках или городах и вкальвают за гроши. А на деревьях живут только сумасшедшие, которые вовсе не обязательно, что эльфы.

Если говорить именно об эльфах, то им повезло с быстрым насыщением (поклюют еду да довольные ходят), поэтому они отличаются статной фигурой; также у них присутствуют «фирменные» заостренные ушки, за которыми, правда, нужен тщательный уход — они очень нежные, а от ветра начинают шелушиться, поэтому многие эльфы носят с собой специальную мазь для ушек; живут людо-эльфы довольно долго — несколько сотен лет (если не сопыются и не повесятся от ужасной работы, что также бывает); выглядят эльфы частенько моложаво, а спят мало — для здорового сна им достаточно четыре часика прикорнуть (хотя бывают и эльфы-соны, которые, как домашние сычи, спят днями напролет).

Это был роскошный особняк, располагавшийся в респектабельной части города, где жили самые преуспевающие и зажиточные горожане. Косу казалось, что даже дышать здесь — чего-то да стоило. Воздух был пропитан денежными эманациями, а капиталистический концентрированный дух этого места почему-то смахивал на пародийную аристократию.

Элита. Социальный разрыв. Он озвучил свои мысли Эльзе, передавая ей тоненькую папироску.

— Ага, — согласилась она, затягиваясь. — Но это все пафос, иллюзия. Если бы государство захотело, то наклепало бы этих домиков везде и всюду.

— Хе-хех, — Кос хитро прищурился. — Инфляция, говорят...

— Ерундистика. Чепухуевина. Просто кто-то в этом мире хочет выглядеть лучше других и все.

Они прошли через расписные кованые ворота, которые одни стоили больше, чем дом Игоря, и подошли к особняку, к высокой двери из крайне породистого дерева.

— Кто тут живет, еще раз? — решил уточнить Кос.

— Ебырь мой, — Эльза подмигнула своему другу. — Давай, заходи.

Дверь не была заперта, и они прошли в роскошный парадный зал, ослепительно сияющий налакированным чистым полом, где сняли ботинки и надели мягкие тапочки, украшенные замысловатыми рунами. Эльза в этом огромном помещении явно чувствовала себя как дома (может, она здесь и жила?), а вот Кос без сопровождения точно запутался бы в бесконечной веренице приемных, галерей, жилых помещений для слуг, столовых, спален...

— Ты не думай, что тут так классно жить, — заметила Эльза. — Зимой чертовски холодно.

— А чо не топят?

— Эти богатеи обожают экономить на коммуналке, ты не знал?

Она провела гостя через длинную анфиладу, и в этой веренице роскошных комнат Кос не заметил ни единой души. Повсюду была пыль, даже грязь, а большинство мебели было покрыто белой тканью. Хотя не везде было так. Например, в одной из картинных галерей было светло, чисто, а за картинами явно ухаживали и приглядывали — на рамах не видно было ни пылинки. Полотна изображали в основном какие-то старинные легендарные события, которых Кос не знал, а пол в галерее был украшен руническими символами.

— Он пользуется только несколькими комнатами. Разорился бы на уборке, если бы везде поддерживал чистоту.

— Один, что ль, живет? — поинтересовался Кос.

— Типа того, — уклончиво ответила Эльза.

Наконец они попали в неуютный канцелярско-заезженного вида кабинетик, где уже кто-то сидел. И у этого человека были донельзя длинные уши.

— Фига се уши! Ты смотри, — Кос зашептал на ухо своей спутнице.

— Я слышу тебя, человек! Прекрасно слышу, — прошелестел голос, исходящий от прекрасного статного эльфа с длинными серебристыми волосами.

— Уши зачетные у тебя! — похвалил Кос хозяина особняка.

— Эльза, — сухим тоном произнес эльф. — Кого ты привела в этот раз? Очередного варвара? Разбойника с большой дороги?

— Друга, — Эльза подошла к эльфу и поцеловала его в щеку. — Нам нужна твоя помощь, если ты не против.

Ушастый мужчина надменно осмотрел Косу с головы до ног, а затем величественным жестом указал гостю на ближайший стул.

— Присаживайтесь.

— Угу, — Кос с размаху плюхнулся на стул, который отчаянно заскрипел.

Он только сейчас заметил, что меблировка этого кабинета была совершенно обыденной, обыкновенной, простой и дешевой. Видимо, хозяин привык работать не в вычурной атмосфере, буквально раздавливающей своей помпезностью, а в более комфортных повседневных условиях. Кос разделял подобные взгляды — от ослепляющей роскоши пройденных комнат его слегка мутило. Но привыкнуть можно, наверное.

— Закурить можно? — вежливо спросил Кос.

— Нет, — наотрез отказал эльф.

Кос все равно закурил. Вежливость — она же для поддержания разговора, а не для того, чтобы делать то, что хотят от тебя другие.

Эльф поморщился от подобной варварской бестактности.

— Меня зовут Илларион, человек. Конечно, мое имя имеет более сложное произношение, но, думается, что твое скудное мыш...

— Чо, реально его так зовут? — Кос удивленно смотрел на Эльзу. — С таким именем вообще легально разгуливать?

Эльза засмеялась, нежно поглаживая своего любовника-эльфа по плечу.

— Нет, конечно, он просто важничает. Его Илья зовут, он вообще из Червони.

— Хера се, — проговорил Кос, не обращая внимания на возмущения эльфа, который всю отчитывал свою подругу. — Никогда бы не подумал. Илюша, хы-ы-ы...

— Человек, не забывайся! Ты в гостях, и я могу...

— Ладно-ладно, — Кос в примирительном жесте поднял руки. — Молчу. Слушай, Илья, помощь нужна очень, выручишь?

— Я не имею ровно никакого желания тебе помогать, смертный! *Dhun zer vlas mos da.*

— Это чо было? Перевод будет?

Эльза принялась расталкивать надменного эльфа.

— Ну, Илюш, ну хватит паясничать, ну пожалуйста...

— Элина, но этот варвар не имеет никаких приличий!

Кос решил подождать, пока уляжется спор, и прикрыл глаза, раскуривая косяк. Весь мир вокруг него окрасился в радужные тона, хоть он этого мира и не видел через прикрытые веки. Но чувствовал...

По его телу разливалось приятнейшее тепло, а еще...

Dhun zer vlas mos da.

Он почувствовал... он узнал... что-то в его сердце откликнулось, шевельнулось, проснулось... на миг, но все же...

— Перед знаниями преклоняются, — тихо произнес он.

Его никто не слушал, разгорался ожесточенный спор.

— Перед знаниями преклоняются! — буквально заорал он.

Эльфы разом утихли.

— Чего? — удивленно пробормотала Эльза. — С тобой все хорошо, Кос?

Эльф-мужчина смотрел на Коса с некоторым отторжением, словно не верил своим ушам.

— Откуда ты это знаешь? — прошептал он. — Слышал где-то перевод?

— Не-а. Озарение пришло. Эльз, тут он хочет, чтобы мы кланялись перед ним, оказывается.

— Он у нас мнительный, — весело произнесла Эльза, взъерошивая волосы эльфу. — И замечательный.

— Я попрошу, — смущенно произнес Илларион.

— Не, ну а чо, — вставил Кос. — Кланяться так кланяться.

И он рухнул на колени навзничь, подобрался на них к эльфу, схватил того за ногу и принялся усиленно трясти.

— О великий Илюша, ниспошли мне свою мудрость ушастую!

Эльза в порыве озорства тоже упала на колени и вместе с Косом принялась уговаривать высокомерного эльфа, спесь которого, правда, вскоре улетучилась, когда его принялись ожесточенно щекотать.

Илларион по праву считал себя эльфийским Хранителем Знаний. В стародавние времена ушастые мудрецы носили такое гордое звание, почитаясь среди своих соплеменников. Они собирали различные полезные сведения со всего мира — начиная с историй, легенд, преданий и заканчивая бульварными романами да рецептами ядовитых зумбийских компотов. В общем, тащили в свою Библиотеку все, что им понравится.

Уважением Хранители пользовались и среди менее ушастых людей, особенно среди магов, жаждущих обрести новый свиток с мощным заклинанием.

Всех подряд гордые Хранители к себе не подпускали — необходим был ценный дар или можно было оказать помощь эльфийскому племени, втереться им в доверие.

Илларион рассказывал, что Знания вкупе с роскошным особняком достались ему по праву Наследования, но он старательно уходил от конкретных вопросов, — не совсем понятно было, от кого он получил такое богатство. Надменный эльф был затворником, общения с людьми чурался, предпочитая замкнуться в своем социопатическом уютном мирке, где его окружали лишь Знания да вкусная еда.

Иногда его можно было заметить гуляющим по городскому парку Колосика, но то было редкостью — обыкновенно он дышал свежим воздухом в изрядно запущенном и заброшенном саду, прилегающем к особняку.

Эльза пыталась вдохнуть жизнь в, казалось, давно заброшенный особняк (Илларион поселился в городе совсем недавно, придя в Колосик неизвестно откуда), но работы там предстояло немало. Конечно, она могла уволиться с работы, благо ее любовник охотно был готов делиться с ней деньгами и прочими ресурсами, но она не хотела распоясывать и расхолаживать себя, она привыкла жить скромно, тихо и на свои заработанные средства. Она помогала Иллариону по хозяйству в доме, которое он откровенно запустил, только по той причине, что он разрешал ей жить в особняке.

Все свое свободное время Илларион проводил со своими книжками, запершись в Библиотеке, а также с Эльзой, которой рассказывал поистине удивительные истории. Она, правда, не понимала практически ничего из его рассказов, но ей очень нравилось его слушать, а ему было необходимо хоть как-то высвободить накопившийся у него пласт Знаний.

Нельзя сказать, что Илларион был гением, но талант к быстрому изучению и познанию у него, несомненно, был. Хотя его странная ностальгия по прежним временам, в которых он не жил, немного забавляла, но как есть в нашем мире чудаковатые ценители раритетных артефактов, так и Илларион был фанатом Знаний. Не такое уж и плохое увлечение, хотя Хранители давно почили в бозе, а с момента исчезновения магии из нашего мира интерес к Знаниям также стал постепенно угасать.

— Нехорошо мы поступили с твоим другом, конечно, — заметил Кос, когда он и Эльза вышли из помпезного особняка, чтобы пойти пропустить по стаканчику в менее помпезных, но греющих душу заведениях.

— В смысле?

— Ну тип... это ж старинный эльф, легендарный какой-то. Умудренный. Весь такой-растакый, понимаешь? Ему лет, небось, за 300.

Эльза рассмеялась.

— В десять раз меньше, Кос. Ему тридцать в этом году исполняется.

Ее, видимо, позабавило, что Кос всерьез воспринял пафос и вычурность как нечто равнозначное зрелости лет.

— Он ребенок почти, — сказала она, утирая слезы, выступившие от смеха. — Триста, скажешь еще.

— Хера се. А казался таким... еще древние языки знает...

— Он очень умный, это правда, — серьезно заметила Эльза. — Но также и молод. Очень молод по меркам эльфов.

— А тебе сколько тогда? Не хошь, не говори.

— Сто двадцать мне, — улыбнулась своему другу зрелая эльфийка.

— Сто... чего? Сто двадцать, блядь? Да ты на век меня больше прожила!

— Угу, — грустно вздохнула эльфийка. — И ничему не научилась. Все вон карьеру сделали, умными стали, а я все медсестрой бегаю. Некоторым людям не суждено вырасти, сколько бы лет им ни было, эх...

Они остановились. Солнце приятно окрашивало крыши домов тепло-медовым светом. Оно заходило за дальний горизонт медленно, величаво и безмятежно. У друзей разом похорошело на душе, стало легко и беззаботно.

— Пойдем лучше выпьем, старушка.

Эльза еще раз рассмеялась и ткнула Косу локтем в бок. Впервые за долгое время она почувствовала себя молодой. Да, если Илларион вернул ей женственную красоту и ощущение мирской духовности, то Кос вселил в нее чувство озорного ребячества, которое она уже начала забывать в серых тоскливых буднях.

Эльза начала жить будто заново. А Кос радовался, что рядом с ним такой прекрасный друг.

Тренировки проходили за чертой города, вдали от людских глаз и любопытных ушей. У них оставалось всего две недели.

А Игорь уже ныл.

— Ребят, я уже очко свое надорвал... может, хватит?

Дилан в ответ на это лишь угрюмо пожимал плечами, а Эльзе было не до разговоров — ей срочно хотелось умереть.

— Я скажу, когда хватит! Бегите дальше! — закричал на них Чед, сурово оглядывая своих нерадивых учеников.

— Хе-хех-х... они точно выдержат? — в абсолютно беспечном тоне спросил Кос, катая в пальцах папиросу.

— Мне по хуй, — отчетливо произнес Чед. — Не справятся, так пусть сдохнут. Живей, давайте!

Все были крайне удивлены разительной переменой в поведении Чеда. Флегматичность и безмятежность сменились на суровость, непоколебимость, бескомпромиссность, он не давал никому спуска во время занятий. Он был действительно потрясающим учителем, пусть и не все ученики доживали до конца тренировки.

— Кос, а ты чо не бежишь? Айда с нами! — Игорь приглашающе помахал рукой.

— Не, нафиг. Я тип начальник, а они не бегают, — шутливо отмахнулся Кос.

— Кабанчик ты ебаный!

— Не вафлить, Игорь! — строго приказал Чед своему другу, который из последних сил старался бежать.

Вообще, подумал Кос, они держались молодцом. Кроме Игоря, но и он подавал надежды. Возможно ли было за две недели привести их в приличную физическую форму? Нет. Возможно ли было научить их драться? Нет.

Но выбора не было. Поэтому придется обходиться тем, что есть. Конечно, можно было вернуться на каторжную наемную работу и так вкалывать до конца своей гребаной жизни... но разве это жизнь?

Да, точно. Выбора не было. Лучше сдохнуть, чем жить в мучениях.

А к Игорю Кос решил все же слегка прислушаться. Он после тренировок попросил Чеда показать пару упражнений, чтобы стать более гибким и подвижным. На изнуряющие тренировки он готов не был, но поддерживать себя в здравом тоне все не было лишним.

А что у них по оружию? Пару топов, вот и весь арсенал... Эльза сказала, что она обойдется малым.

Неужели они справятся? Или...

Хотя какая разница? Если живешь, то уж живи до конца.

Чед был одним из самых видных адептов Храма Тела в Риси. Будучи монахом, он преуспел как в боевых искусствах, так и в духовных практиках. Никто не спрашивал, откуда он пришел, это было нетактично, но он буквально положил свою жизнь на постоянные самоистязания и тренировки, совершенствуясь день ото дня. Мастера-учителя восхищались его неумолимым прогрессом, хоть и подмечали, что Чед мучает себя словно чтобы отрешиться от душевных мук, окутывающих его сознание. Они не могли помочь ему, но надеялись, что время исцелит его от гнета прошлого.

К сожалению, этому не суждено было сбыться. Со временем Чед пристрастился к алкоголю, что было под строгим запретом в Храме, а затем стал покоряться милovidным девочкам, которые совершали настоящее паломничество в мечтах встретиться с Чедом. Будучи по-настоящему красивым мужчиной, он был кумиром большинства женщин, которым хоть и запрещали становиться монахами, но от экскурсий по Храму настоятели не могли отказаться, благо это неплохо пополняло «бюджет для самосовершенствования».

Вот десять девиц прилежно изучают старинные руины, а вот... их уже девять. Даже сами мастера Храма, обладавшие поистине нечеловеческими способностями, не могли понять, как хрупкая невинная девчонка превосходит их в реакции, ловкости, сметливости, прозорливости, а также как она умеет становиться на время невидимой. Но факт оставался фактом — комната Чеды превратилась в царство греха и разврата, а сам преступный ученик был с позором вытурен из Храма без права вернуться.

Они выдвинулись под покровом ночи, тихо, бесшумно и, как они надеялись, незаметно.

Путь их лежал к старинному, ныне полуразрушенному форту Ячменный, который базировался в тридцати километрах от Колосика. Они шли долго, все в напряжении, сосредоточенные и хмурые.

Затем Игорь стал ныть. Пришлось сделать привал.

Потом всем неожиданно захотелось выпить. И перекусить. Неподалеку от форта пришлось развести костер, забыв об осторожности, устроить место для импровизированного пикника и ночлега.

— Который час? — зевая, спросила Эльза.

— Хуй знает, — сказал Кос. — Игорь, сухарики есть?

Через некоторое время они легли у приятного согревающего костра, раскрыли банки с дешевым пивом и стали думать каждый о своем. Кос закурил, поэтому все остальные также закурили, кроме Дилана, который, казалось, пытается что-то состыковать в своей голове.

— Ребят... — осторожно начал он. — А если нас заметят? Это же должна была быть тихая вылазка...

— Да забей! — хором воскликнули все и засмеялись.

И правда. Чему быть — того не миновать. Не штурмовать же старинную крепость в трезвом состоянии? Так недолго стать и обычными нормальными людьми. А они поклялись себе, что постараются больше таковыми не становиться. Одно несчастье от этой мирской общепринятой нормальности.

Форт Ячменный представлял собой прямоугольник, окруженный сухим рвом, а ныне поросший травой. Через ров, что глубиной около пяти метров, переходит хлипкий на вид понтонный мост, пройдя по которому можно очутиться в бесконечной темной потерне, заканчивающейся глухим тупиком.

В былые времена этот форт прикрывал дорожные торговые сообщения от нападков недружелюбных Колосику городов, а в самом защитном сооружении хранили не только боеприпасы, но и производства сельскохозяйственной продукции — картофель, крупу, зерно, яйца и прочее-прочее.

В конечном итоге Колосик войну проиграл, а припасы растащили разбойники, то есть местные жители окраин Колосика.

Ныне форт стоит заброшенный, никому из людей не нужный. В последнее время в окрестностях форта заметили гоблинов, мерзких немытых созданий, которые суют свои длинные зеленые носы куда не просят.

— Тупик, чо.

— Спасибо, Игорь. Верх прозорливости и сметливости! — похвалил Кос своего друга.

— А то мы бы не заметили, — улыбаясь, продолжила дразнить Игоря Эльза.

— Блин, да хватит уже...

Действительно, перед ними был тупик. Казавшаяся бесконечной потерна все же закончилась холодной бездушной каменной стеной, которая в жидком свете факела казалась абсолютно неприступной.

— Я работал раньше в одном форте близ Brentona. Археологическая экспедиция, всякая туфта, но там похожая ситуация была. Обычно вход осуществляется из рва... — начал рассуждать Дилан.

— Все верно! — радостно подхватила Эльза, подсакивая к Дилану.

Тот мигом отшатнулся от нее, словно от прокаженной. Эльфийка очень удивилась этому, но решила не подавать виду, а лучше рассказать друзьям об удивительной находке, что она раскопала с Илларионом в его обширной Библиотеке.

— Смотрите! — она развернула листок, изрядно потрепанный временем, прислонив его к каменной стене, преграждающей им путь.

— Кракозябры какие-то... — Игорь почесал голову.

— Сам ты кракозябра, Игорь, — рассмеялся Кос. — Это карта.

— Что тут? — впервые за долгое время подал голос Чед, и его хмурые интонации мигом настроили остальных на серьезный лад.

— Дилан правильно заметил, что вход в подобных фортах осуществляется не через закрытую потерну... — начала объяснять Эльза.

— Чо? Какую еще похерну? — Игорь непонимающе захлопал глазами.

— Блядь, Игорь, хлопнись уже, заебал, — Кос больно стиснул друга за плечо. — Какая разница, сколько незнакомых слов в предложении. Следи за смыслом!

— Да как я тут мысль-то схвачу, — пожаловался Игорь, — если она всяко непонятно разговаривает...

— А нас тут точно не услышат? — раздался поодаль голос Дилана, который старался держаться подальше от эльфийки.

— Исключено, — Эльза решила сегодня не обижаться на Дилана, поэтому ответила холодно, но без раздражения. — Тут отменная звукоизоляция.

— То есть мы можем нормально базарить? — спросил Игорь. — А то чо мы шепотом перемалываемся?

— Потому что тут темно, — догадался Дилан. — А когда темно, то...

— Ребят! — вскинул руки Кос, умоляя всех заткнуться. — Ну хватит уже. Заебали. Давайте к делу.

Эльза кивнула.

— Как я уже говорила, вход действительно не напрямую, а...

— Через жопу, гыгыгы.

Игоря пришлось связать. И вставить кляп в рот.

— Так вот, — в который раз пыталась закончить мысль Эльза. — В теории мы не можем пройти через этот проход. Но если поразмыслить, то запасные ходы слишком узкие, чтобы поставлять в форт тяжелый провиант. Поэтому напрашивается только один вывод.

— Я тоже об этом думал, — согласился Дилан, который будто отвечал не Эльзе, а сам себе. — Но на раскопках мне ответили, что в те времена люди разгружали телеги вне форта, а затем проносили груз с собой вручную. Хотя это, конечно, требует колоссальных затрат сил, а также...

— В такое время они беззащитны перед нападением! — радостно закончила мысль Эльза. — Поэтому этот проход обязан быть действующим! Просто он выглядит закрытым, но таковым являться не обязан.

Она с гордостью горящими глазами обвела всех вокруг.

— И что? — сухо уточнил Чед, потирая кулаки.

— Его можно открыть! — театральным жестом Эльза обвела тупик своей рукой, а затем поклонилась своим зрителям.

Кос похлопал.

— Bravo, Эльза! Ну, открывай, чо. Давай поглядим, как сработает теория на практике.

— Секретный механизм? — задумался Дилан.

— Не просто механизм! Магия! — вдохновенно прошептала Эльза, судорожно начиная водить рукой по стене.

— Так магия... — Дилан нахмурился. — Она же ушла. Навечно. Я...

Руны загорелись блеклым серебристым светом, а каменная стена бесшумно, лишь осыпаясь вековой пылью и известкой, подалась вправо, освобождая достаточно пространства, чтобы проехала повозка.

— Та-да!!! — с маниакальным взглядом сумасшедшего фокусника Эльза развела руками, словно изображая могущественную волшебницу из бульварных фэнтези-книг.

— Хм, — только и произнес Дилан.

— Заебись, — одобрил Кос, доставая из кармана косяк.

— Четко, — похвалил Эльзу Чед.

— Мхмхмхмм, — что-то там сказал Игорь.

В общем, все были рады. Особенно Эльза, которая была вне себя от счастья, что оказалась полезна своим мальчикам.

— Молодец, Эльза, — Кос похлопал подругу по плечу. — Ну чо, ребят, мы почти у цели. Давайте еще раз повторим наш план?

— А Игоря развяжем? Вдруг он предложит чего умное? — спросила Эльза.

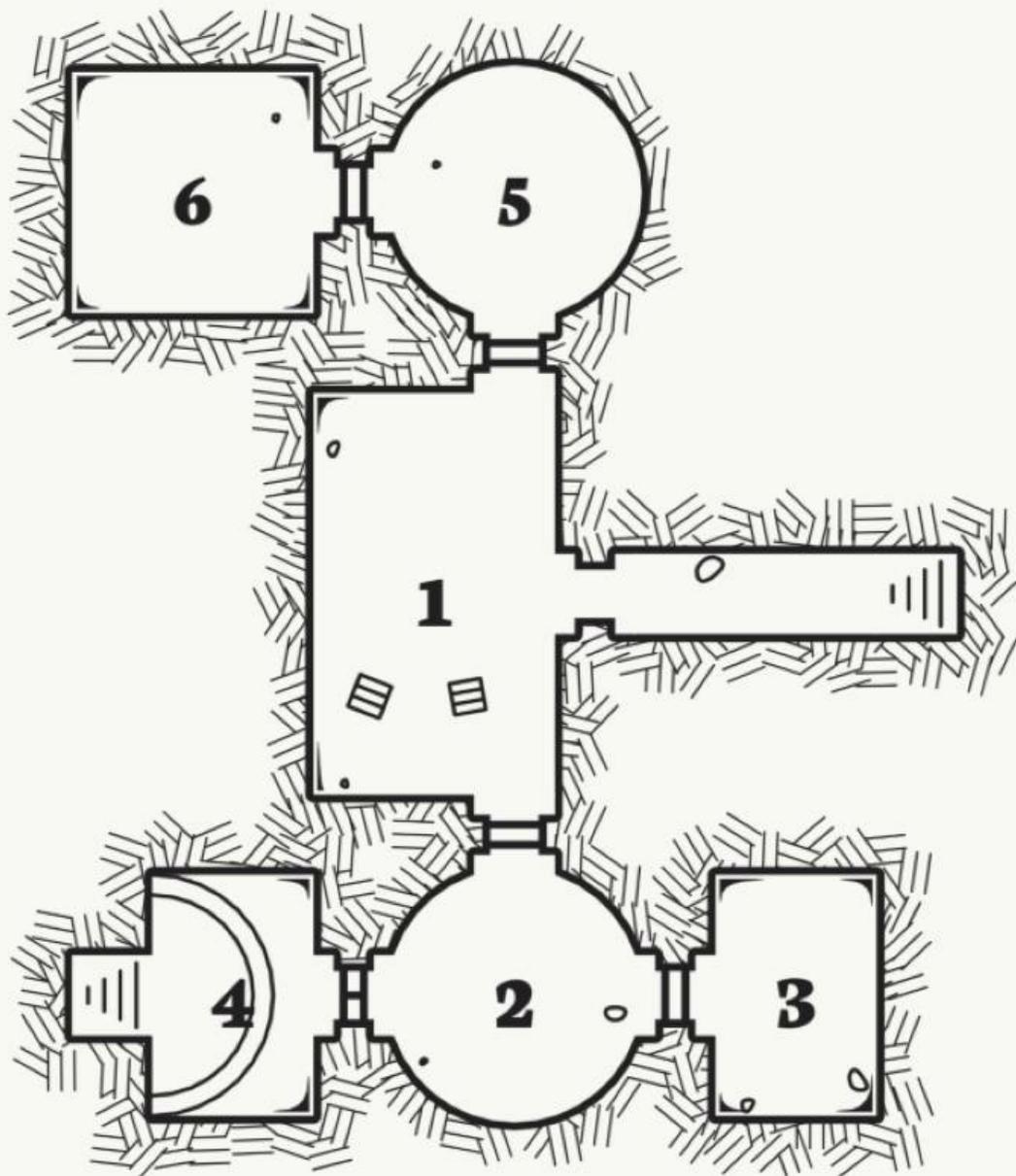
— Нет, — отрезал Чед, и все с ним охотно согласились.

Магия действительно ушла из мира, но не исчезла полностью. Это был необычный парадокс, но мы же сейчас говорим о магии, поэтому слово «необычный» приобретает в текущем контексте посредственное значение.

Действительно, волшебники и маги потеряли свое могущество, не в силах сотворить ни одного заклинания. Но волшебство, запертое в некоторых предметах, еще работало, хотя исключительно в своем изначально предназначенном ключе. Напитанные магией двери открывались и закрывались, руны на мече наделяли оружие волшебной силой, а редчайшие артефакты делали свое дело. Некоторые умники пытались выкачать магическую энергию из того или иного предмета, преобразуя запертую ману в нечто иное, но у них ничего не вышло. Ибо магия ушла из мира, а значит, нечего ей баловаться.

Запертая магическая энергия осталась, кстати, не только в редких предметах, но и в... существах. Конечно, дракона ныне не найдешь (всех истребили), но тот же болотный василиск и в наши дни успешно превращает незадачливых путников в камень.

И да. Гоблины. Тоже вполне себе магические существа. Правда, их никому не хочется изучать, потому что они грязные, вонючие и мерзкие, а также потому, что Конвенция о Толерантности, которую города заключили между собой, закрепляет за гоблинами право на особое отношение. То есть они почти что люди. И даже могут жить в городах. Пусть их там особо и не жалуют.

(Рис. 1. Карта подземелья, где будут происходить последующие события книги. Карта нарисована автором книги)

Они гурьбой ввалились в спасительный подземный ход, тяжело дыша и переругиваясь. За их спинами раздавались крики, хрипы, звон металла и концентрированные хлопки в воздухе — то были искусные отточенные удары Чеда, которые он раздавал всем желающим.

— Закрывай! — проревел Дилан, берясь за толстенную дверь.

— Хррррррррр... — прохрипел Игорь, поднатужившись.

Они собрали все свои силы, чтобы сдвинуть тяжелое дерево с места, казалось, что оно буквально приросло к каменному полу. Но через несколько секунд дверь подалась, и они с грохотом захлопнули ее, звякнув напоследок тяжелым засовом.

Перевели дух.

— Пиздарики... — пробормотал Игорь, смахивая пот со лба. — Вы видели? Не, вы видели? Как он махался...

— Да, — Эльза тяжело дышала. — Да. Круто.

Чеда и Коса по плану они оставили позади. Эльза надеялась, что с Косом все будет в порядке. То, что в полном порядке будет Чед, эльфийка даже не сомневалась.

— Еб, а того гоблина он ррраз и...

— Да, Игорь, молодец. Заткнись, пожалуйста, — добродушно попросил друга Дилан, хлопая Игоря по плечу.

— Ребят, есть свет? Нужно карту еще раз глянуть, — попросила Эльза. — Игорь?

— Да ща, ща... — обиженным тоном проронил Игорь, роясь в мешке. — Все будет...

— Да не обижайся! — Эльза тоже похлопала Игоря по плечу. — Мы сегодня нервные все... угощу тебя завтра, ты не обижайся, хорошо?

Игорь кивнул. Ему нравилось, когда его угощали. Он даже был готов простить, что его связали и не дали вставить ни единого ценного замечания.

— Во, — Игорь извлек нечто продолговатое. — Ща-а-ас...

Подземный коридор осветился мягким теплым светом от факела. Внизу показались шербатые ступеньки, а также вход в подземный зал.

— Вот карта, — Эльза прислонила желтый лоскуток бумаги к стене. — Смотрите, сейчас мы спустимся в зал № 1.

— А чо он номер один? — спросил Игорь, почесав в затылке. — Кто ваще размечал комнаты?

— Это древняя карта, Игорь, — поучительным тоном ответила Эльза. — А размечали древние ученые, соответственно. А вдруг мы тут сокровища найдем?

Ее глаза были наполнены живым энтузиазмом женщины, которая настолько сошла с ума, что готова спуститься в подземелье с гоблинами, лишь бы отвлечься от постылой работы.

— А ты что думаешь, Дилан? — эльфийка обернулась, ища глазами своего дородного спутника.

Дилан, в отличие от Игоря, стоял немного поодаль, насколько это было возможно на тесном каменном лестничном спуске. Он вежливо улыбался, настолько вежливо, что это даже бесило.

— Дилан? — Эльза нахмурилась.

— Да. Хорошо. Как скажешь, — Дилан помахал ей рукой, не собираясь приближаться к эльфийке ни на шаг.

Эльза только хотела вступить в яростную перепалку, чтобы наконец высвободить накопившееся в ней за вечер раздражение и возбуждение, как вдруг снизу, из зала № 1, раздались шаги и какой-то грубый голос произнес:

— Цине найба сунт, э?

Друзья затаили дыхание, перестали двигаться, а Игорь от нервного возбуждения смачно перднул.

— Э? Э-э? — обладатель грубого голоса явно двинулся к ним, ориентируясь по звуку, исходящему от Игоря, который не переставал отчаянно пердеть.

— Блядь, Игорь, перестань! — запрочитала Эльза, отталкивая своего вонючего товарища.

— Не могу!

Толчок от эльфийки чуть не опрокинул Игоря, и он, спотыкаясь, на всех парах и газах помчал по направлению ко входу в зал, где и столкнулся с грузным гоблином.

Игорь заверещал как девочка. Он не был расистом, но зеленые человечки вгоняли в него неестественный страх. Он схватил гоблина за мускулистую шею и повис на нем, старательно проперживая свои намерения.

От губительной интоксикации гоблина спас Дилан, который одним мощным рывком оттолкнул вонючую парочку, а затем сорвал Игоря с гоблина, швырнув своего друга подальше от эпицентра битвы.

Зеленокожий, изрядно ошалев от подобного отношения, издал громогласный рев и вынул из ножен короткий меч. Его глаза налились кровью, он отчаянно хотел кого-то зарезать.

Первый мощный удар Дилан принял на древко своего топора, которое выдержало натиск, пусть и не совсем достойно — раздался неприятный треск дерева. Дилан оттолкнул меч, перехватил поудобнее топор и сам перешел в нападение, стараясь не снести ненароком голову своему врагу. Гоблин, правда, не был преисполнен подобными щедрыми порывами души, явно намереваясь прикончить Дилана раз и навсегда.

— Нам же топор надо вернуть! — прокричал Игорь, пердя в унисон своему голосу. — Мне же очко на работе порвут!

— Да оно и так у тебя уже порвалось, дышать невозможно! — крикнул в ответ Дилан.

— Нихуа! Возьми с него компенсацию, — умолял Игорь, жалобно попукивая. — Очко под угрозой...

— Да завались уже! — Дилан тяжело дышал, еле уходя от выпадов своего противника, который явно был закален в боях куда лучше, чем обыкновенный грузчик-работяга.

От неприятной ситуации Дилана спасла Эльза, которая каким-то незаметным образом очутилась за спиной у гоблина, запрыгнула ему на спину и одним хирургически точным движением вонзила в его шею шприц.

Зеленокожий вояка грузно осел на землю, сладко посапывая и улыбаясь.

— Спасибо, Эльза, — Дилан осел на землю, тяжело дыша и обливаясь потом.

— Всегда пожалуйста! — Эльза кокетливо захлопала глазами. — А вы видели, как я его! А? Прямо как главная героиня романа «Рога и лолодин»!

— Эт чо? Книга? — поинтересовался Игорь. — Читаешь, што ль?

— Да, Игорь, представь себе. Умею читать, — эльфийка закатила глаза.

— Ништяк, чо. Ребят, помогите мне... кажется, я слегка обосрался.

Приверженцы «фиолетового мировоззрения» обожали пребывать в меланхоличном, элегичном, депрессивном состоянии. Они считали, что грустить и печалиться надо, но делать это стоит с умом, не отдаваясь во власть темных липких эмоций полностью.

Фиолетовые открыто не перечили другим известным «цветовым мировоззрениям», хотя считали, что Синие слишком усердствуют в своем желании сделать всех людей счастливыми и позитивными. Позитивизм, по мнению Фиолетовых, был понятием положительного отношения к мирским проблемам, которыми награждало человека мироздание, а попытки видеть мир в извращенно веселом ключе считались Фиолетовыми за легкую форму шизофрении.

Одновременно Фиолетовые не до конца понимали вечную суету и жизненное копошение Черных, которые всегда и везде хотели спорить, препираться, доказывать что-то или попросту ругаться. Все это казалось Фиолетовым напрасной тратой жизненной энергии.

Многие люди считали Фиолетовых спесивыми гордыми людьми, которые ставили себя выше других, но подобные мысли были далеки от правды. Действительно, Фиолетовые казались несколько отрешенными, не от мира сего, но они не презирали свое окружение, даже наоборот — их любовное принятие мира было частью их мировоззрения. Просто то были спокойные уравновешенные люди, познавшие жизнь и особо никуда не спешащие.

Погоню за славой, за достижениями, наградами, общественным признанием Фиолетовые не понимали, но принимали как некую данность, свойственную другим людям.

Также Фиолетовые, в отличие от тех же Синих, положительно относились к алкоголю, наркотикам и проституции. Они считали, что естественное право разумного человека жить так, как он хочет, если это не вредит другим людям. Наркотики позволяли расслабиться, алкоголь помогал грустить, а продажные женщины составляли компанию как депрессивные собутыльники — с ними можно было пообщаться, сыграть в настольные игры и узнать, что сейчас является модным в общественном течении идей.

К настоящему (не позерскому) Фиолетовому мировоззрению приходили уже в зрелом возрасте, когда люди осмысливают свою жизнь, задумываются о прекрасном величии вселенной.

Разобравшись с вонючим Игорем (и наказав ему держаться подальше), Эльза и Дилан устроили экстренное совещание касательно того, какую комнату обследовать дальше. Совещание окончилось довольно быстро, потому что Дилан снова ележно улыбался, предоставляя полное право выбора эльфийке. Эльзу подобное поведение работяги донельзя раздражало, но она решила высказаться сполна после окончания задания, когда они будут в городе.

В зале № 1 не было ничего интересно, кроме голых каменных стен, поэтому Эльза наугад решила заглянуть в верхний зал под номером пять.

— А чо он номер пять-то? Чо не шесть, гы-ы-ы? — спросил Игорь, подлезая ей под руку.

— Игорь, отстань, — у эльфийки уже не было никаких душевных сил спорить со своим другом.

— Вот бы сюда Коса... — мечтательно вздохнул Игорь. — Он бы быстро тут порядок навел...

— Сами справимся! Нельзя вечно полагаться на других!

— Гы. Наверное, — пожал плечами Игорь и отошел от ребят, чтобы не смущать их своим чудесным запахом.

Дилан мужественной рукой отворил деревянную дверь, ведущую в зал № 5, держа оружие лесного пролетариата наготове. Топор после битвы с гоблином (которого они аккуратно сложили в уголке зала отсыпаться) еще держался, а Эльза перемотала древко плотным медицинским бинтом — так выглядело эффектнее.

В новом зале они увидели стоящие рядами маленькие столики с низенькими табуретками рядом. В конце помещения виднелся громадный котел, от которого исходил приятный запах, а за одним из столиков...

— А чо зал квадратный, а? — Игорь подлез под могучую руку Дилана. — На карте круглый, а?

Существо, которое в это время как раз обедало за одним из столиков, резко обернулось к вошедшим.

— Игорь... — раздраженно прошипела Эльза.

— Надо его снова связать, — решительно произнес Дилан.

— Да я-то чо... — забормотал Игорь, проходя вперед.

Существо вдруг подскочило с табуретки, запрыгало на ней и маленькими ручками стало изображать невесть что.

Игорь ухмыльнулся и показал существу средний палец. Маленький монстрик ответил тем же и высунул язык.

— А вдруг это высокоуровневый монстр из элитного bestiaria? — затаив дыхание, прошептала Эльза.

— Может быть. Но выглядит он довольно мило, — сказал Дилан.

Действительно, монстрик лишь издали напоминал гоблина, потому что был зеленым, но при более детальном рассмотрении оказалось, что он... пушистый. Очень пушистый. И маленький, ростом даже чуть меньше гнома.

Загадочное существо танцевало на табурете, иногда показывая на дымящий котел.

— Эт он нас приглашает, — довольным тоном произнес Игорь, направляясь навстречу милому существу.

— Откуда ты знаешь? Игорь, осторожней, мы не знаем, что он может сотворить... — попыталась

предупредить друга Эльза.

— Да спокуха!

Игорь подошел к бесноватому монстрику и... Эльза даже зажмурилась от страха... погладил его по голове! А монстр... замурлыкал?

— Чертовщина какая-то, — пробормотал Дилан, не веря своим глазам.

— Вы чо, ребят? В глаза долбитесь? Смотрите!

И он раздвинул шерстку у монстрика на голове, обнажая всему миру маленький цветастый бумажный колпачок.

— У него сегодня днюха, видите? Гы!

— Э-э-э... — в унисон замычали Дилан и Эльза.

Монстрик радостно заверещал.

— И он нас приглашает к столу. Набить брюхо, э? Мужик, с днюхой тебя! Счастья, бабок и тряпок!

Монстрик был вне себя от радости. Похоже, что не так часто в его жизни на день рождения кто-то приходил. Он всегда был одинок... очень одинок.

Но не сегодня.

Сегодня он был счастлив. У него появились друзья.

Кроме вездесущих и вездесрущих гоблинов, которые всем порядком уже надоели, в мире до сих пор существовали и другие создания чистой первородной магии. Например, те же гремлины.

В разных областях страны они звались по-разному и по-разному же почитались. В Червони, краю вечной депрессии и непролазных болот, гремлины звались домовыми, и местные жители не водили с ними откровенную дружбу, но старались всячески задабривать и прикармливать, делиться угощениями со стола. Считалось, что добрый сытый домовый охраняет дом лучше любой собаки, хотя это суждение было в корне неверным. Гремлины были сродни котам — они не охраняли, а создавали домашний уют. Но в наше время мало кто это понимал.

От ученых и магических исследователей гремлины старались сбегать, потому что не каждому пушистому созданию хочется оказаться на операционном столе. Казаться невидимыми, сливаться с окружением, прятаться — такие качества приобрели гремлины, живя по соседству с людьми, которые далеко не всегда относились к магическим существам с любовью. Бывало, что на гремлинов и охотились, убивали, снимали шкуры. Со временем, с течением веков многие гремлины перестали доверять людям, стали жить обособленно, одиноко.

Завести дружбу с гремлином считается великой удачей, потому что это будет друг до гробовой доски — прежде всего потому, что гремлины живут гораздо дольше людей. Некоторые криптозоологи считают, что гремлины существуют на протяжении нескольких веков, а другие полагают, что и тысячелетий.

Праздновали они часа два. Затем словно очнулись и вспомнили, что вроде как на задании, на работе.

— Чо, снова вджобывать, а? — залихватским тоном спросил у всех Игорь.

— Уии! — закричал зеленый бесененок.

Хотя, как заметила Эльза, он уже был не зеленым. Окрас его шкурки постепенно менялся, будто невиданное существо постепенно приспособлялось к новым условиям. К новым друзьям.

Эльза для проформы подергала дверь, которая располагалась в дальнем конце столовой, но та, понятное дело, не поддавалась. Наверное, там было сокровище... или кладовая с хозяйственным инвентарем.

— Ребят, тут, енто, наш новый кореш дело говорит. Нам в другую сторону надо, — сказал Игорь, обнимая гремлина за плечи — для этого Игорю пришлось сесть на корточки.

— То есть ты его понимаешь? — Эльза скептически посмотрела на парочку балбесов, которые явно нашли друг друга.

— А чо его понимать? — философски пожал плечами Игорь. — Он ж дело грит...

— Пойдемте в другую сторону, — миролюбиво предложил Дилан. — Здесь все равно делать нечего. Там, вроде, были еще пару залов?

И они отправились в зал под номером два, где узрели множество спальников, наполненных вонючим нестираным бельем.

— Во шо квартирный вопрос делает. По заброшкам помыкаются, — жалостливым тоном произнес Игорь.

— Это же гоблины, — сурово сказала Эльза. — Они так всегда живут.

Гремлин что-то громко зашептал на ухо Игорю.

— Ага, — грустно проговорил Игорь. — Все капиталисты зашкорные, твоя правда. А могли бы жить как люди...

Дилан, пока остальные были заняты разговором о миграционной гоблининной политике, попробовал дернуть дверь от зала номер четыре. Заперто.

— Что там, Дилан? — спросила Эльза, отвлекаясь от разговора с гремлином, которого, сама себе удивляясь, она постепенно начинала понимать.

— Наглухо.

— Нам туда и надо. Давайте посмотрим, как открыть эту дверь.

Гремлин вдруг начал подпрыгивать и показывать на другую дверь.

— Сюда? — спросила Эльза, одобрительно поглядывая на пушистого бесененка. — Ну да, ты же тут давно обитаешь.

Дверь с противным скрипом приоткрылась, и, как будто им и так было мало запаха заплесневелых гоблинских носков, развешанных по всему залу (да, гоблины тоже их носят, они не люди, что ли?), в новой комнате в их ноздри впился противный тлетворный аромат разложения, гниения, который исходил от тухлого мяса.

— Фе-е-е, — Игорь с трудом подавил рвотный позыв.

— Да уж, — пробурчал Дилан.

— Какие вы нежные, ребят, — подзадорила мужчин Эльза, которая уже привыкла к неприятным запахам, работая в непрестижных поликлиниках по всему Вайтпиллу.

На сером щербатом алтаре, что располагался на каменном возвышении в конце зала, кто-то аккуратно разложил выпотрошенную крысу. Пол, стены и даже невысокий потолок были вымазаны чем-то прогоркло красным.

— Жесть, — только и сказал Дилан.

— Я читала о подобных обрядах, — Эльза аккуратно прошла в центр зала, оглядываясь. — Говорят, что гоблины приносят жертвы своим темным богам, а затем поедают крыс, чтобы стать сильнее.

— И заляпывают все вокруг кровью?

— Это не кровь, — Эльза улыбнулась. — Это кетчуп. Ты когда-нибудь пробовал есть крысу без кетчупа?

— А ты... пробовала? — осторожно спросил Дилан, отходя от двери.

— Конечно. Я же бюджетник. В столовой подают всякое. Через несколько лет учишься не замечать, что ты ешь и зачем ты это ешь.

Рядом с эльфийкой пискнул гремлин. Эльза, неожиданно для себя, поняла его.

— Ты хочешь сказать, что гоблины — это уважаемый племенной народ, история которого корнями уходит в далекое Прошлое, когда боги еще были сильны, а в темноте могло поджидать Всякое, поэтому вера оставалась единственным щитом, дающим хоть какую-то надежду на завтрашний день, а сегодня мы не особо верим в будущее, потому что капитализм отнял у нас радость жизни. И всю эту мысль ты уместил в едином писке?

— Уии! — радостно пролепетал гремлин, подпрыгивая на месте.

Эльза почесала у монстрика за ушами. Тот довольно заурчал.

— И как же нам попасть в зал № 4, господин... ммм... необъяснимое мифическое манацентрическое существо?

— Его Шныг зовут! — прокричал Игорь из другого зала.

— Какое-то гоблинское имя, — нахмурилась Эльза.

— А по-моему, самый настоящий Шныг, — согласился с Игорем Дилан.

Гремлин согласно запищал. А потом рассказал Эльзе, как попасть в нужный ей зал.

— Так просто? — удивилась эльфийка.

— Уии!

Группа не-искателей приключений подошла к заветной двери, потопталась на месте от волнения, а затем Эльза... постучала. Очень вежливо.

Через десять тревожных секунд дверь открылась. И перед ними предстал...

— А-а-а!!! — закричала Эльза, бросаясь в спасительные объятия Дилана.

— Кхм, — прочистил горло бледный высокий незнакомец. — Вам что-то нужно? Я еще не закончил сводить Баланс.

Дилан оттолкнул Эльзу и рухнул на каменный пол, как аккуратно срубленное дерево.

— У вас все хорошо? — участливо спросил незнакомец у Игоря, который единственный пока что стоял на ногах.

— Уии! — закричали Игорь и гремлин одновременно.

В те времена, когда магия была вполне себе обыденным явлением, на свет появлялись не только эльфы, орки, гномы и прочие уникальные люди, но также и вампиры.

К последним общество привыкло довольно долго. Вампиры умели одним своим существованием вгонять в первородный страх простых обывателей, поэтому даже у многих наших современников сохранились древнейшие инстинкты искать глазами деревянные колья да вилы при виде вампира.

Вампиры словно... раздражали ваше сознание до крайней степени. Вы вдруг понимали, что мир ненастоящий, что он представляет из себя лишь цепочку Вечной Охоты. И вам становилось очень страшно.

Со временем вампиры научились справляться со своим могуществом, усмирять его, хотя на это потребовались

долгие годы, а также показательные истребления множества нечисти, что возомнила себя выше всех остальных.

Современных вампиров осталось крайне мало, они живут тихо, скрытно, стараются не показываться на глаза, за исключением некоторых уникальных персонажей, кто предпочел жить публично. Магические исследователи после ухода магии из нашего мира заметили, что вампиры (предположительно, гипотетически) перестали появляться в Вайтпилле так же, как и остальные уникальные люди.

Сегодня к нечисти стараются относиться толерантно, а убивать вампиров наотсу запрещено. Они считаются равноправными гражданами Вайтпилла, поэтому народ хоть и недолюбливает нежить, но позволяет им существовать. Благо через какое-то время наш мир должен окончательно очиститься от уникальных людей.

Если, конечно, магия не вернется назад. Но захочет ли она?

Вампир на деле оказался очень воспитанным вежливым мужчиной, поэтому совсем уже скоро друзья перестали его бояться.

Даже для нежити вампир выглядел довольно зрелым — по его словам, ему недавно стукнуло 570 лет, то есть он был примерно в пять раз старше Эльзы. Хотя для вампирского летоисчисления он даже не дотягивал до пенсионного возраста (который постоянно повышался, даже вампиры-долгожители не поспевали за ним).

Выглядел он импозантно, одевался стильно (пусть в цветовой гамме и преобладали серые и черные тона), общался без надменных раздражающих формулировок — с ним было просто, спокойно и душевно. Звали его Василий, родом был из Червони, как и Игорь, а на рукаве его пиджака виднелся выцветший сиреневый узор, вышитый аккуратными стежками, — знак принадлежности к Фиолетовому мировоззрению.

Игорь мигом окрестил его Васей, что было абсолютно бесцеремонно по отношению к такому солидному человеку, но это был Игорь. Вскоре и все остальные стали звать вампира Васей.

— Дилан! Дилан, ты меня слышишь? Сколько пальцев я показываю? — обеспокоенная Эльза тщетно пыталась привести своего друга в чувство.

— Хрмпм, — только и пробурчал Дилан, находясь в совершенно бессознательном состоянии.

— Я глубочайше извиняюсь, — замогильным голосом произнес Вася. — Не думал, что мое неожиданное появление принесет вашему другу столько хлопот.

— Да он сегодня весь день такой, на нервах, — нахмурилась Эльза.

Она поднесла к носу Дилана флакончик с нашатырем. Это немного привело мужчину в чувство, он даже слегка привстал. Такое впечатление, что у него кружилась голова или же очень сильно болела — он хватался за нее и мычал от парализующей его мигрени. Гремлин сочувствующе гладил Дилана по спине, не зная, чем помочь другу.

— Ему лучше в больницу, — предложил Вася.

— Да, — согласилась Эльза. — Вы пойдете с нами? Мы ведь ради вас и пришли.

— Ради меня? — удивился вампир. — Вот это новость. И чем я могу быть вам полезен?

— Нам нужны ваши... бухгалтерские профессиональные услуги.

— Ет да, — подтвердил Игорь. — Всякие цифири, бумажки, перо в жопе.

— Перо... где? — не понял Вася.

— Не важно, — Эльза толкнула Игоря. — Можете помочь нам, пожалуйста? Люди страдают...

— Хорошо, — добросердечно согласился Вася. — Только мне бы баланс закончить. Хотя не понимаю, зачем я взялся за это дело. Мне не только не заплатили, да еще и заперли в этом каменном мешке...

— А чо, вампыры разве не могут фффьють? А? — спросил Игорь.

— Простите... ффф... что?

— Ну, улечуться, — Игорь развел руками как фокусник. — Исчезнуть.

— Теоретически могут, — Вася явно не хотел гласно подтверждать все особенности вампирского мастерства. — Но как же баланс...

— Так вам не заплатили! Обманули и не заплатили! — закричала Эльза в негодовании.

— Да... но бросить все так... и сейчас найти новую работу проблематично... мне все же не двести лет, люди смотрят косо, старый, говорят...

— А мы можем предложить вам новое место работы! — решила симпровизировать Эльза.

— Да? — тупо спросил Игорь.

Эльзе пришлось его снова толкнуть.

— Да! Соглашайтесь! У нас даже соцпакет будет!

— Соц... чо?

Эльза в этот раз засадила Игорю по яйцам. Очень больно.

— А отпуск? — Вася задумался.

— И отпуск! — у Эльзы заблестели глаза, как у всякого кадровика, кто почти посадил нового человека на вечное рабство. — И официальное оформление!

— А вычеты по подоходному налогу?

— Вы охерели? Вы вообще работать хотите? — Эльза насупилась.

— Ладно, хорошо, — Васе пришлось отступить. — Хорошо. Я согласен. А что конкретно надо делать?

— Ооо! Тут все просто! Надо просто... не делать баланс!

— Не делать... баланс? — у Васи, такое впечатление, уходила земля из-под ног. — Это как?

— То есть нам делать, а вот им... — Эльза указала на кучу гробсбухов в дальнем конце зала № 4. — Им больше не делать!

— Но как же они без баланса... налоговая...

— А это уже не ваша забота, Василий, — строго проговорила Эльза. — Вы теперь работаете на нас!

Поэтому...

— Но я целых полтора месяца искал ошибки в их отчетности, а теперь... — Вася, похоже, совсем загрустил.

— О-о-о! — Эльза, похоже, сходила с ума. — А вы можете найти еще больше ошибок? И выписать их в отдельный документ?

— Да, конечно, — Вася просиял. — Сейчас же могу приступить.

— Только не здесь, — Эльза аккуратно обняла бухгалтера за плечи. — Вы же теперь работаете на нас.

Заберите все необходимое и пойдете в наш офис...

— А у нас чо, офис уже появился? — удивленно спросил Игорь, уже отошедший от боли в паховой области.

От следующего удара умный Игорь уже увернулся.

— Уии! — прокричал радостный греmlin.

— Точно! — у Эльзы уже слюни шли изо рта. — Дистанционка! Идем в ногу со временем!

— А потом в офис? — с надеждой спросил Вася. — Я люблю офисы. Дома мне скучно. И у вас есть чай?

— Да откуда... ой!

В этот раз Эльза дотянулась до Игоря.

— Все будет! — сказала Эльза с уверенностью человека, которому уже нечего терять.

— Уии!

Бухгалтеры очень ценились в Вайтпилле, а хорошие бухгалтеры тем паче. Дело было не только в оптимизации налогов, но также в правильном оформлении отчетности, которая попадала в налоговые органы. За ошибки налоговики карали, причем очень жестко. Поговаривали, что если нестыковки в итоговом балансе оказывались существенными, то более владельцев бизнеса не видели.

Также люди (очень тихо!) говорили, что налоговики — это одно из орудий тайного правительства, что правит из-за кулис. Правда ли то было или нет — мало кто знает, но налоговых инспекторов боялись все, даже правители городов.

Сотрудников надзорных органов старались не привлекать просто так, существовало даже негласное правило, что жаловаться — это кощунственное поведение. Хотя среди государственных рекомендаций постоянно шли советы о праведных доносах на тех участников хозяйственных взаимоотношений, кто злоупотребляет своей властью в тлетворном для общества ключе.

Но никто не жаловался. Все молчали.

И кабанчики, как любил говорить Игорь, брали свое, выжимая из сотрудников все соки. А правители городов забирали последнее у своих горожан.

Таков был текущий капитализм — бессмысленный и беспощадный. Хотя все можно было исправить. Просто народ ждал своих Героев, сам не желая ими становиться.

Все необходимые приготовления были сделаны. Тексты составлены, конверты запечатаны, марки приклеены — что еще для счастья надо?

Ответ не заставил себя ждать — через несколько ночей Коса разбудили. Он думал, что милый старичок, у кого он гостил, решил ночью заквасить (такое случалось), но обычно он зажигал свет, когда входил в комнату Коса, а ныне было темно. Очень темно. Темнее, чем обычно.

— Мы пришли, — сказали они.

И все сразу встало на свои места. Кос заспешил переодеваться, словно подгоняемый их мрачными суровыми взглядами. Его невольно пробрал озноб, обычно он хоть как-то ощущал присутствие других людей вокруг себя, различал их жизненные ауры, но сейчас его окружала пустота, духовный вакуум словно сжал его своими эфемерными тисками. Хотелось дышать полной грудью, но Кос лишь хрипло сипел.

— Хе-хе, — откашлялся он, слегка улыбаясь.

Они действительно пришли. В этом не было сомнений.

В суете он надел разные носки, но решил забить на это, сейчас так даже модно. Или не модно. А что... мысли путались...

Он закурил. Стало полегче. Конечно, употреблять наркотики вблизи столь высоких государственных

служащих было не лучшей идеей, но Кос свято верил в разграничение центров ответственности. Каждый должен заниматься своим делом. И правда — его мрачным спутникам наркотики были совершенно не интересны. Они были спецами в совершенно другой области.

Области, где царят цифры.

— Пойдемте, господа, — пригласил Кос людей в черном.

Блин, там же была и дама? Она не обидится?

Он затанулся. Хех-хе-хе-хех-хе... какая разница уже?

Сознание у Коса выделявало странные фортели, когда он горделиво вышагивал по улочке меж роскошных дачных домов. Ему было одновременно хорошо, одновременно зябко, одновременно тошно и... хотелось петь.

И он запел. Тихонько. Какую-то простую песенку про кошку и девочку. В этой известной песне девочка кричала про глобальное потепление, ежась от холода, а кошка мурчала, потому что лучше знала, что к чему.

Он решил узнать у своих спутников, не против ли они долгой прогулки. Они были не против. Странно, подумал Кос, и почему они не взяли с собой карету? Хотели быть скрытными или снова государство урезает бюджет?

А что такое это государство? Кто стоит выше этих мрачных людей?

Наконец, они пришли. В окнах харчевни все еще горел свет, несмотря на поздний час. Значит, Бертрам, хозяин забегаловки, не обманул. Сегодня будет жарко.

Ух! Кос начал притоптывать на месте от волнения. Где же он?

Чед возник словно из ниоткуда, безразлично осматривая чудесатую процессию. Он лишь кивнул с должной долей уважения людям в черном, а те сделали все возможное, чтобы его не замечать. Чед был им совершенно не интересен.

— Это здесь? — прошелестел мягкий женский голос, от которого у Коса побежали мурашки по телу.

— Да, госпожа. Тут сегодня, как там зовется... собрание акционеров?

— Прелестно, — прошипел высокий мужчина, прятавший руки в карманах.

Они вошли. Кос благоразумно остановился у выхода, прикрыв за собой дверь, а Чед подался чуть вперед, спокойно осматривая зал, битком набитый мерзкими рожами.

Это у них, подумал Кос, такое требование при устройстве на работу? Хочешь быть разбойником? А рожей ты вышел?

Уххх... Кос уже танцевал на месте от греющего его возбуждения.

Трое в черном вышли ровно на центр зала. Все вокруг замерли.

— Чо такое? — проревел кто-то из толпы.

— Эй, ребзя, я его знаю, — бугай с шишкой на голове показывал мясистым пальцем на Коса. — Это тот щенок... ну тот... ребзя, вы чо...

— Спокойно! Что пришли, разговаривайте!

Последним высказался действительно громадный детина. Недаром его называли Большим Джо.

— Мы здесь находимся по факту выездной внеплановой налоговой проверки, — сухой голос человека в черном прозвучал на удивление громко и ясно. — По поступившим данным от народного источника, ваше сообщество промышляет утайкой налоговых отчислений, а также различными финансовыми махинациями и схемами. Просим немедленно предоставить всю необходимую отчетность для более детального изучения дела.

— Мать вашу, налоговики чертовы! — сметливый Бертрам быстро начал баррикадироваться за своей стойкой. — Хрен ли сюда приперлись!

— В документах указан этот адрес как юридический.

— Спокойно, Бертрам. Сейчас разберемся, — Большой Джо встал и подошел к налоговнику.

Да он был втрое больше любого из них! Настоящий великан!

— Вы, ребят, малость попутали, — хмыкнул Джо под всеобщее улюлюканье. — Мы тут не бумагомараки, мы тут дела делаем. Нанял я не так давеча одного писаку, так он мне весь мозг сожрал. Вот и заперли мы его в каменном мешке, пусть там умничает, за гоблинами говно убирает.

Большой Джо раскатисто рассмеялся. Бугаи вокруг начали стучать кулаками по столам.

— Поэтому, господа хорошие, валите-ка отсюда нахер, поняли? У нас тут попойка знатная, и мы вас не приглашали. А ты! — зычно прокричал он, показывая пальцем на Коса. — Остайся. Гостем будешь. Ответишь за свои словечки ранее, как тебе?

— Согласно закону, — прервал Большого Джо налоговик, — вы обязаны оказывать нам всяческое содействие в бухгалтерском расследовании.

— Слышь, ты, чепушила! — яростно взревел Джо. — Еще одно слово, и я...

Гигант согнулся. Сложился пополам. Рухнул.

Он опрокинулся на пол так гулко, что столы по всему залу задрожали. Все замерли.

— Суки, суки, суки... на кой ляд пригласили сюда налоговиков... суки, суки, суки... — заскулил Бертрам.

Повсюду раздался крик, вой, истошные вопли, яростные выкрики. Настала форменная катавасия.

Кос успел заметить, как один немый обрюзгший пузан бросился на девушку-налоговика с розочкой наперевес (это даже выглядело несколько романтично), но она едва заметным движением отрубила ему голову.

Отрубила ему, мать твою, голову! И чем? В руках у нее была только какая-то деревянная рукоять, а от нее... исходила нить? Или цепочка? Кос протер глаза, но не смог разглядеть, потому что через мгновение оружие снова стало невидимым.

Магия? Но как... она же исчезла...

От смертельного удара Коса спас Чед, который вышиб дух из покусившегося на Коса громилы одним мощным ударом кулака.

— Смотри по сторонам, — сурово одернул своего друга Чед. — И сторожи дверь. Очнись, Кос!

— А я чо... хе-хе-хех... не, ну ты видел!

— Потом побазарим.

В ближайшие минуты Кос отчаянно пытался выжить. Повезло, что у бандитов не было с собой дальнобойного оружия. Хотя... у одного из них Кос приметил арбалет.

— Ааргх!

Кос прикрыл глаза. Его сейчас стошнит. Точно стошнит. Бедняга. Да кто же за владение арбалетом наказывает отрубанием рук!

Кос никогда не думал, что мир бухгалтерии настолько жесток. Ему рассказывали — ну, пришлют требование... ответишь на него... состроишь милые глазки... ах-ха-ха-ха-хах-хах... аааааааааа...

А-а-а-а!

Косу хотелось кричать. Хотелось плакать. Хотелось танцевать. Хотелось петь.

И он запел. А под его нестройные куплеты людям отрубали головы, вырывали сердца, отнимали жизнь. И все из-за неправильно составленной Отчетности. Да-да, мир жесток!

Он запел громче. Так было не слышно, как вокруг умирали люди. Бертрам в унисон Косу жалобно скулил, прячась вместе с женой за своей импровизированной баррикадой.

И кто знал, что жалоба в вышестоящие органы окажется настолько эффективной. Один жалкий конверт... какие-то строчки на бумаге...

Один блядский конверт!!!

Всего один!!

А-а-а-а!!

Кос пошарил по карманам. Вот оно, спасение. Вот оно, освобождение от оков брэнного дурацкого мира. Он закурил. После этого мир не стал лучше, но ситуация начала выглядеть более сносно.

Да, вон тому типу только что отрубили башку. Но не тебе же! Не тебе же!

Ты жив! Ах-ха-ха-ха-ха-ха-хах-ха!

А-а-а, ты жив! Да-да-да! Да-а-а-а...

.
. .
. . .

Наконец... все закончилось. Харчевня окрасилась в ярко-багровые тона. Где-то вдалеке пищала крыса... или это был Бертрам?

Коса тошнило. Все равно пол надо мыть...

Чед тяжело дышал. Ему самому было не по себе. В Храме его учили мастерству кулачного боя, и он настолько преуспел в этом, что одним ударом мог убить даже взрослого крепкого мужчину. Но он поклялся себе, что никогда не будет прерывать жизнь человека.

И он исполнил свое обещание. Но они... они такого обещания не давали. И каждый... каждый человек, что рухнул от удара Чеда, потом был умерщвлен их руками. Чед хотел было помешать, но понимал, что сам умрет в таком случае. Их сила... он никогда такого не видел. И такого оружия тоже.

Легенды, что были описаны в дряхлых томах в библиотеке Храма, повествовали о неких действительно мощных оружиях-артефактах, которые были практически невидимы. Эфемерны. Находились одновременно в двух планах мироздания. Но магия же ушла...

— Расследование окончено, — мрачно подытожил налоговый. — Господин Кос, вы в порядке?

— Не очень, если честно, — Кос тяжело дышал, ему нужен был свежий воздух.

— Скажите, пожалуйста, господин Кос, — мягким голосом, от которого мурашки бегают по телу, попросила девушка, владелица невидимой смертоносной нити, — вы говорили, что на это сообщество работал также один бухгалтер.

— Да... — Кос замотал головой. — Нет! Не надо его убивать! Он хороший!

Эта фраза даже звучала смешно. Но никто не засмеялся. Профессионалы не смеются. Они выясняют обстоятельства дела.

— И вообще... он не был оформлен... — Косу хотелось плакать.

Вдруг его тоже убьют?

— Понятно, — сказала девушка. — Господин Кос, в результате бухгалтерского расследования, проведенного в ходе внеплановой выездной налоговой проверки, были выявлены существенные недочеты в Отчетности. Руководство сообщества, к сожалению, не оказало надзорным органам необходимой поддержки, поэтому было уничтожено. Господин Кос, мы выполнили данную проверку по вашему требованию как представителя народа. Вы довольны оказанными нами услугами, есть возражения?

— А... чо... я...

— Да, мы довольны, полностью, — холодно ответил за друга Чед.

— Господин Кос, если у вас возникнут какие-либо вопросы, предложения или возражения, то просим незамедлительно связаться с нами путем почтового сообщения. Также, господин Кос, у нас есть одна просьба.

— Чо... — Кос вообще не слушал.

— Руководство данного сообщества было уничтожено, но сама регистрация сообщества, к сожалению, остается в наших базах данных. Мы можем попросить вас оформить заявку на полноценную ликвидацию сообщества? Мы не знаем контактов бухгалтера на аутсорсе, кто помогал данному сообществу, но вы ранее утверждали, что знаете.

— Э-э-э... — Кос явно был не в лучшей ментальной форме.

— Да, — снова ответил за друга Чед.

— Замечательно, — девушка первый раз за вечер улыбнулась, а от ее улыбки у Коса похолодело внутри.

То была улыбка безжалостного убийцы.

— Господин Кос, еще раз спасибо вам за содействие в данном расследовании. Вы проявили величайшую сознательность как гражданин Вайтпилла, мы признательны вам за это. В благодарность за вашу помощь мы вскоре курьерской службой передадим вам денежное вознаграждение, а также мы рады сообщить вам об освобождении от налоговых обязательств в первый год существования вашего сообщества.

— Какого еще сообщества? — прохрипел Кос.

— Если вы захотите создать оное, конечно. Всего хорошего, господин Кос.

И они ушли. Словно их и не было. Коса снова вырвало.

— А убираться мне, значит?! — закричал Бертрам, выходя из укрытия. — Ага! Так, красавчик, а ну не косись на дверь! Я, конечно, вам признателен, что вы избавили меня от этих бандитов, но я знать не знал, что вы пойдете на крайние меры! Собрать всех вместе, сказали вы! Ха! В следующий раз я сто раз подумаю! А ну марш за тряпками! Зося, милая, принеси нам ведра воды.

— Мы поможем, — кивнул Чед. — Но сначала Косу надо продышаться. А мне налей в ведро чего погорячее. Не воды.

Он покосился на бледного Коса.

— Водой тут не отмоешься, — покачал головой Чед.

Раньше, когда мир населяла магия, было и множество монстров, которые требовали о своем истреблении (конечно, сами монстры этого не требовали, это просто красивая фигура речи).

Бестий было такое великое множество, что повсюду в мире стали появляться так называемые искатели приключений, которые охотились не только за бандитами да разбойниками, но и убивали чудовищных гигантских пауков, коварных могущественных вампиров, а также чрезвычайно заумных занудных чернокнижников.

Короче, работы было прорва.

Шли годы, магия постепенно исчезала из мира, искателей приключений становилось все меньше, а затем и вообще остались считанные единицы. Дело в том, что города взяли общественную безопасность под свой контроль, в мире стало спокойнее, злые вампиры и чернокнижники остались лишь в легендах и сказках, а налоговики ужесточили Отчетность для всех сообществ с кодом основного вида деятельности «приключения».

Отчетность стала настолько громоздкой и сложной, что лишь немногочисленные Великие Бухгалтеры могли справляться с ней. А после Великого Бухгалтерского Рыночного Демпинга, который устроили кабанчики, обвалив зарплату всех бухгалтеров на рынке, Великие Бухгалтеры исчезли. Они решили, что за такое низменное отношение они не готовы помогать сообществам в ведении дел.

Как гласит летопись тех времен:

«...и вызвал кабанчик Великого Бухгалтера, и посмотрел он на него презрительно. Но выдержал взгляд Великий Бухгалтер, ибо был преисполнен он бухгалтерского достоинства. И спросил в презрительном тоне кабанчик: “Зарплата? А что там считать?”¹. И ушел Великий Бухгалтер, уволив сам себя. Ибо подобное

отношение было для него абсолютно нестерпимо».

Настал великий момент. То, к чему они шли неделями упорного труда.

Анна стояла по стойке «смирно» перед патриотичными совестливыми гражданами, отдавая им воинское приветствие. Молодой стражник торжественно трубил.

Кос волнительно потирал руки от удовольствия.

— Хе-хех-хе...

Чед положил ему руку на плечо, словно поздравляя и его, и себя самого. По милому личику Эльзы текли слезы радости. В руках она держала пышный букет. Илларион рядом с ней жеманно улыбался — ему было непривычно выходить на солнечный свет, но он сделал над собой усилие ради друзей.

Вася и Дилан отсутствовали. Дилана лихорадило, ему нужен был покой, уход и хороший врач. Эльза не могла понять, что с ним случилось, но после торжества она хотела отвезти его в Сартию (город врачей) — она словно чувствовала ответственность за то, что с ним случилось.

Васю тоже лихорадило — он судорожно доделывал баланс уничтоженного сообщества, чтобы подать декларацию о ликвидации по всем правилам.

Игорь уже нажрался, лежал рядом и храпел. Он, бедняга, не выдержал волнения после минувших событий. Рядом с ним стоял Шныг и заботливо обмахивал его огромным зеленым листиком.

— Уии! — греmlin тоже радовался, что все окончилось хорошо.

Наконец он появился. Все напрягли зрение, чтобы разглядеть его на фоне темного дверного проема, но окончательно узрели его величие, когда он вышел на солнечный свет.

Он был... потрясающим.

Его громадные черные руки излучали силу, его мощное смольное тело выражало уверенность, а угольные основательные ноги способны были выдержать на себе вес бремени всего мира. Он был... это не передать словами... это надо видеть...

Чед подбежал к своему другу и крепко обнял его. Это было настоящее мужское дружеское воссоединение.

Эльза плакала навзрыд. Она успокоилась только в тот момент, когда обходительный и добрый южанин крепко сжал ее в своих нежных объятьях.

Это был праздник без лишних слов. Все до единого улыбались, обнимались и хлопали друг друга по плечу. Это была победа. Безоговорочная победа.

В конце бывший узник подошел и к Косу.

— Ты Кос, верно? — прогремел он. — Чед сказал, что благодаря тебе все разрешилось.

Кос кивнул, гордо поднимая голову.

— Спасибо тебе, друг, — мягко проговорил черный гигант, обнимая Косу. — Спасибо тебе.

Он высвободил своего спасителя из объятий, отошел на пару шагов и посмотрел на всех теплым взором. Его громадное тело заслонило собой солнце, а прохладная успокаивающая тень накрыла всех вокруг.

— Друзья мои. Спасибо вам всем. Спасибо вам за все. Темница иногда не оставляет и света надежды в душе человека, она выжигает всю страсть, всю боль, всю жизнь, оставляя лишь апатичный сковывающий дурман в голове, но я верил... верил в ваш успех. Ибо только светлая вера в будущее может помочь человеку продержаться, выдержать все жизненные трудности. Без веры человек превращается в ничто. Друзья мои, вы спасли меня из плена бюрократической тьмы, а теперь я постараюсь послужить и вам, чтобы помочь освободиться от капиталистического гнета. Вместе мы что-нибудь придумаем.

Все заплодировали. У всех в груди затеплилась надежда. Ведь всю жизнь работать на кабанчиков, тратя свое драгоценное время на мартышкин смешной труд... это вгоняет в жуткую тоску. Но если есть друзья... если вместе вы хотите выбраться из апатичного мира... может быть, что-то да и получится. Иногда стоит попробовать, правда?

Через несколько дней Кос вместе с Чедом решили собрать совещание директоров. Какими будут их первые шаги в новой компании?

На совещание они пригласили и Васю, бухгалтера, а также...

— Меня зовут Альф, — первым делом сказал бывший узник, пожимая руку Косу.

— Отлично, — улыбнулся Кос.

И правда — имя было потрясным. Оно придавало уверенности.

Чеда не особо интересовали канцелярские детали, поэтому он устроился рядом с барной стойкой, где методично и последовательно уничтожал драгоценные крепкие напитки. Они собрались на их новом юридическом адресе, то есть в харчевне, которую заблаговременно закрыли. Бертрам разрешил им иногда проводить закрытые совещания, а также выделил им небольшую комнатку для собраний в рабочие часы заведения. В этой комнатке также поселился Альф, которому пока что негде было жить.

Кос, правда, удивился, почему Бертрам был столь радушен после всего, что случилось, но Чед объяснил это просто — они избавили пригород от опасной разбойничьей банды, которая не давала жить всем вокруг, а также

вряд ли Кос станет приглашать налоговиков на *свой* юридический адрес.

Кос не очень понял и внезапной доброты Василия, который согласился помогать друзьям первое время без оплаты труда. То есть, конечно, Кос все равно передал ему небольшой задаток, но работать за бесплатно...

— Главное, чтобы чай был, — задумчиво произнес Вася. — И работа. Много работы. А в чем еще смысл жизни?

Чай любезно предоставил Илларион, у которого были огромные запасы, а пил он в основном кофе (не спал ночами, проводя время в Библиотеке). А Кос пообещал себе, что бизнес обязательно будет приносить прибыль. Правда, он еще не понимал, каким образом. Честно говоря, он вообще не понимал, что делать. Все случилось как-то... спонтанно.

— Вася, что порекомендуешь сперва? Ты сказал, нужно зарегистрировать бизнес, что такое...

— Все верно, — Вася аккуратно отпил из чашки. — Бумаги я составлю, но вам необходимо придумать название.

— Название... — задумался Кос.

Они три часа долбили о ментальную стену фантазии, перебирая в голове все возможные варианты. Но все не нравилось, все было не то.

Пока Альфа наконец не осенило.

Косу понравилось название. Чед также одобрил. Вася пожал плечами и пошел заваривать уже одиннадцатую чашку.

И так они стали Альфачами. И это было хорошо. И это...

— Не... стойте, — остановил всех Кос. — Чот все равно не канает.

— По-моему, очень лаконично и емко, — басистым голосом отметил Альф. — Вызывает доверие.

— Угу, — согласился Чед.

— Да блин... блин... коротко как-то... Вась, а какая возможна превосходная степень с этим словом?

Вася подумал. Потом еще подумал. И еще.

Затем он заварил чай.

А мир затаил дыхание.

Через минуту вселенная взорвалась. А когда она склеилась заново, в сознании у друзей четко отпечталось новое словосочетание.

— Да... — проговорил Кос, вытягивая из кармана косяк.

Нет, сразу три косяка. Они все затаились и откинулись на стульях.

— Да-а-а... — забормотали все сразу.

— Нормально? — спросил Вася.

— Нормальна... — ответили все.

Это действительно было нормально. То, что надо. Прямо в точку.

И таким прекрасным образом они стали... Высшими Альфачами.

В стародавние времена существовали не только великие Герои, кто защищал простых людей от бед и напастей, но также и так называемые Альфачи, кто двигал мир в светлое будущее, развивал его. На Альфачах, исключительных людях, лежало ответственное бремя принятия решений, они одним своим словом могли изменить суть мироздания — настолько были они могущественны.

В некоторых народах Альфачам поклонялись как богам. А в отдельных летописях говорится, что они и были богами, высшими сущностями.

Как бы то ни было на самом деле, но со временем боги-альфачи стали слабеть. Многие исследователи мифов в итоге натываются на «легенду о нормисах», которая гласит, что правители нашего мира осознали могущество Альфачей и поняли, что они не дадут правителям развернуться на полную катушку. Любое неприятное для общества действие будет встречено противодействием — то есть народным восстанием, возглавляемым Альфачами и Героями.

Никто до сих пор не знает, какими методами удалось извести Альфачей. Некоторые исследователи мифов полагают, что в дело пошли предательства и заказные убийства, другие склоняются к тлетворной государственной пропаганде, которая свелась в итоге к падению народного доверия к Альфачам, а третьи и вовсе верят, что в падении Альфачей виноваты женщины (последняя теория не снискала должного уважения среди исследователей, которые заклеили своих коллег женоненавистниками).

После удаления со страниц истории Альфачей решено было заняться и другими великими деятелями — Героями. Их уже порешали с помощью рыночка, то есть капиталистическими ухищрениями.

И остался мир без Альфачей и без Героев.

Эльза решила уехать в Сартю вместе с больным Диланом. Она чувствовала нарастающее беспокойство — ему становилось хуже, была горячка, он постоянно бормотал нечто нечленораздельное.

Вася закончил с балансом ликвидируемого сообщества и приступил к регистрации нового. Он обставился мириадой чайников, которые заботливо приготовил гремлины, и от всей души ваял свежий Устав. Конечно, можно было скопировать какой-то из существующих, как все и делали, но Вася был поистине великим главным бухгалтером, поэтому не принимал обыденных простых задач по работе.

Гремлин, высунув язык от натуги, строчил заявление в налоговую по специальной унифицированной форме. Он постоянно делал ошибки, Вася отправил уже сотую копию в мусорку, но малыш не сдавался — ему очень нравилась бухгалтерия. А Вася всегда был рад душевной компании.

Чед с Игорем безжалостно пропивали свою жизнь. Кос не беспокоился об их здоровье — печень у обоих была из стали. Да и работу ребята не бросили, все еще рубили лесок, особо не напрягаясь.

Илларион изучал таинственные манускрипты в Библиотеке. Он более не хотел даже высовываться на улицу, солнечный свет ему опротивел, а от скопления людей начиналась депрессия.

Кос же решил заняться новым увлечением по полной, поэтому на лесопилке его видели последние две недели, которые он кое-как отработал. Затем он с гордостью отнес свою трудовую книжку Васе, который должен был внести новую величавую запись. Кос надеялся, что эта запись станет последней и что ему более не придется искать работу.

Альф помогал Бертраму налаживать питейный бизнес. Он починил (какую смог) сломанную мебель после бандитской заварушки, помог обставить зал, прибрался, и вскоре харчевню было не узнать. Там было... чисто. Приятно. Уютно. Лампово. Приток посетителей резко подскочил — всем хотелось поглазеть на диковинного гостя, который встречал каждого белозубой добродушной улыбкой.

Анне после удачного завершения дела о поимке Большого Джо (пусть он представлялся и не совсем живым) дали новую звездочку на погоны, повысили в звании, и теперь она была начальником отдела Стражи старшим лейтенантом Стражи межмуниципального отдела Стражи по городу Колосик. Конечно, в большой город ей пропуск не дали, там были свои, блатные, легавые, но она была рада и такому исходу дел.

В благодарность за исполнение ее же работы Анна решила помогать ребятам во всем, в чем сможет. Конечно, сотрудничество со штатскими строго противоречило ее должностной инструкции, но чхать она хотела на правила. Кос, заполучив такую поддержку, первым же делом попросил Анну снарядить оперативную бригаду для атаки на форт Ячменный. Девушка сначала засомневалась, но затем махнула рукой и помогла Чеду и Альфу вытурить зеленокожих из форта.

Ни один гоблин по просьбе Чеда не пострадал (кроме ушибов), а взломщики из Стражи вскрыли дверь в тот самый зал № 6, куда в свое время не смогли пройти Дилан, Эльза и Игорь. Там обнаружили огромные запасы всякой снеди — консервы, крупы, компоты, мед, вино, чай, топленое масло, заливки, закрутки, заварки и прочие вкусности, которые могли храниться хоть вечно. Видимо, Большой Джо отправлял сюда контрабанду для дальнейшей транспортировки.

Часть продуктов стражники реквизируют себе в качестве награды, часть Кос приберет на ближайшее пиршество по случаю открытия сообщества, еще часть продали Бертраму для его погребов, а солидный остаток потом распродали в Брентоне по неплохим ценам, используя ценные связи Анны.

В общем, наварились на деле знатно. И нажрались тоже. Золото и драгоценности в подземельях, говорите? Кому они нужны? Еда нынче на вес золота. Вы посмотрите на цены в магазинах!

После праздника (к сожалению, Эльза все еще отсутствовала, равно как и Дилан) Кос, Чед и Альф провели свое первое настоящее собрание участников сообщества. На нем они бухали, говорили о женщинах, о мировом правительстве — в общем, вели себя как заправские Альфаши.

Лишь в конце встречи Чед и Альф решились поведать Косу о своем намерении. Они соглашались помогать Косу в его авантюрах, но не хотели больше драться. Совсем.

Кос на мгновение помрачнел, но он чувствовал, что к этому все шло с момента, когда Чед увидел бухгалтерскую резню. Ребята ненавидели чрезмерное насилие, а свои могущественные силы не употребляли для умерщвления людей.

— Ладно, — смирился Кос. — А советы будете давать? Или вы хотите пойти дальше своей дорогой?

Альф и Чед переглянулись.

— Своей? — хмыкнул Чед.

— У нас более нет пути, Кос, — пояснил Альф. — Мы пришли куда надо. Мы пришли к тебе. И мы хотим быть с тобой.

— Угу, — согласился Чед.

— Как-то по-гейски прозвучало, — засмеялся Кос.

— Нет, не так, — возразил Альф. — В нашем народе это зовется «гачи», изображается руной «черного ремня». Единые узы. Дороже, чем кровь. Друзья.

— Воу! Круто. Ну так... — Кос задержал дыхание. — Друзья! Выпьем за это, хе-хех-хе!

Все подняли свои кружки и осушили их одним залпом. И стали они в этот момент единым целым. Высшими Альфачами.

Высшая болезнь

Эльза сидела в уютном мягком кресле в приемной своей подруги, врача-стоматолога. Клеопатра, так звали подругу, зарабатывала немереные деньги, устроив собственную частную клинику в Сартии. У нее даже был собственный бухгалтер для ведения дел и сдачи отчетности в налоговую.

Конечно, тут не обошлось без связей, как это повсеместно принято в капиталистическом мире. Своими усилиями ничегошеньки не добьешься.

— Эльза, миленькая, что ты все с мужчинками возишься, как с котятками? Не в них счастье! — Клео раскладывала на столе стопки золотистых монеток, нежно поглаживая свой доход от зубного дела.

— А в чем?

— В самодостаточности, саморекламе и самоудовлетворении, конечно! Эля, мы же на рыночке, не до мужиков сейчас!

— Б-р-р, рыночек, — поежилась Эльза. — Ненавижу его. Там холодно, зябко и противно. С мужиками хоть согреться можно.

— Пока не высосешь из них тепло досуха, — хищно улыбнулась Клео. — Их обычно надолго не хватает в наши дни.

— Блин, я не знаю, давай сменим тему. Как там с Диланом, удалось что выяснить?

— С этим мужичко-о-ом? — нараспев протянула хищный стоматолог. — А что с ним? Зубы в порядке у него на удивление. Конечно, можно пару выдрать ценника ради, но я в последнее время действую тоньше — инвестирую в рекламу всякого... сладенького.

— Ты... чо? — Эльза чуть не поперхнулась. — Ты чужой бизнес спонсируешь?

— Нет, дорогуша, чужих бизнесов не бывает. Все мое. Просто надо нажимать на правильные кнопки... я только учусь, милая, но дивиденды уже капают, — врач мило похлопала глазками.

Под дивидендами она имела в виду увеличившийся поток клиентов из других городов, которые мучились жутким кариесом. Конечно, можно было обратиться в местную поликлинику, но богатеи хотели лучшего обслуживания, а топовых врачей было мало. И Клеопатра старалась, чтобы их было как можно меньше — на войне все средства хороши.

Да, бизнес был для нее равнозначен военным операциям. Жертвы не в счет. Все ради благой цели. Ради ее, Клеопатры, благосостояния.

— Ладно, — махнула Эльза рукой на грубые нарушения врачебной этики. — Мне посрать, мы же подруги. С Диланом что?

— Ты уперта-а-а-ая, — ележно заулыбалась Клео. — Понравился он тебе? Чай, сохнешь по нему? А-а-а-а?

— Нет, он мой друг, — твердым голосом ответила Эльза.

— А Илюшенька не ревнует, а-а-а-а? — не унималась Клео.

— Он помогает.

Эльза знала, что расспросы могут казаться бесконечными, но рано или поздно они закончатся. Главное, не выходить из себя. Клеопатре надо дать порезвиться, как кошечке, позволить поточить о тебя коготочки, а потом ей наскучит, и она тебя отпустит. Возможно, даже поможет. А может, и не поможет. Клео знает далеко не все, пусть и многое.

— Ладно, подруженька ты моя полигамненькая, цветочек ты мой похотливенький, — сдалась Клео. — Расскажу я тебе. Вчера пригласила одну знакомую, не скажу кого именно, осмотреть твоего дружка. Она сказала, что если все известные методики лечения не помогают, то стоит обратиться к народным средствам.

— Э-э-э... чего? К знахарям, что ли? Не думала я, что опытные врачи могут советовать такое...

— Вот в этом твоя и ошибка, Эля-я-я-я-я. Тебе сколько уже? Сто двадцать? А все никак не научишься, — Клео покачала головой, улыбаясь. — Но ничего. Я же всегда рада подсказать. Я же хорошая. Понимаешь... опытные врачи на то и опытные, что знают, когда пора поднимать белый флаг. И они согласны на любой рабочий метод, если он действительно работает. Особенно в таких случаях, когда современная медицина бессильна.

Клео встала, пластичной походкой прошла к Эльзе, зашла ей за спину, тепло обняла.

— И не знахари тут нужны, милая, — нежно прошептала она на ухо Эльзе. — А шарлатаны совсем иного рода. Те, кто выкачивают из тебя деньги, силы и энергию. Те, кто делает твою жизнь хуже. Те, перед которыми народ буквально преклоняется. Психологи, Эльза... психологи.

И врач жутко рассмеялась.

Фрида Зиг занимала небольшую, но уютную квартирку в южных кварталах Brentona. Она была официально зарегистрирована в налоговой как «врачеватель душ», но широкую публику у себя не принимала, рекламы в газетах не давала, о своей практике не распространялась. Клиенты у нее были немногочисленные, все приходило по тем

или иным связям, а некоторые оставляли после себя значительные суммы. Но Фрида работала не ради денег, для души.

В этот день она, как и обычно, расположилась в своем обширном комфортном кресле, покуривая трубку, наполненную яблочным топленным табаком. Дым прожигал легкие, а сознание начинало выделять различные фокусы от чрезмерной интоксикации, но Фрида уже привыкла к подобному состоянию души и тела.

Сегодня она ожидала посетителя, женщину-эльфийку. Которая пришла даже раньше оговоренного.

— Э-э... здравствуйте? — Эльза закашлялась, оглядываясь.

В таком токсичном смоге тяжело было что-либо разглядеть.

— А, это вы! — раздался коварный голос непонятно откуда. — Заходите.

— Да я зашла уже... слушайте, у вас там дверь открыта...

— Никого не боимся, чужих не ждем, — прошелестел таинственный голос.

Вдруг дым рассеялся. Будто его и не было. Эльза воспаленным взором вперилась в улыбающуюся морщинистую старушку, которая откладывала в сторону увесистую трубку из красного дерева.

— Ну-с, — старушка показала эльфийке на кресло напротив нее.

Эльза хотела присесть, но старая женщина вдруг шутливо погрозила ей пальцем, прищипывая языком. Сначала Эльза не поняла, что от нее хотят, но через пару секунд до нее дошло.

— Да, извините, — она отстегнула от пояса увесистый мешочек с монетами и бросила его на стол.

Старушка жадно набросилась на звенящий подарок (не плата за услуги, а подарок, так меньше налогов заплатишь), бережно сжала его и забрала себе.

— Хорошо, — с улыбкой кивнула старушка, разрешая своей гостье присесть.

Чаю Фрида не предлагала — ведь чай чего-то да стоил. Вообще, Фрида ненавидела экономию и всякие денежные заботы — она работала, как уже говорилось ранее, для души.

— Э-э-э... мне можно говорить? — осторожно спросила Эльза, боясь, как бы с нее не взяли еще денег.

— Конечно, дорогая. Я вся внимание.

Старушка, шурша бумагой, развернула фантик и принялась мелодично посасывать конфетку. Эльзе она ничего не предложила. Ведь конфеты чего-то да стоят.

— В общем, — слегка замялась Эльза, не зная с чего начать. — Проблемы не у меня, а у одного моего друга...

— Мужчина? — перебила эльфийку Фрида.

— Ну... да.

— Хорошо, продолжай.

— Ему плохо, он лихорадит, болезнь не уходит. Я перепробовала все лекарства, даже отвезла его в Сартию, но и там врачи оказались бессильны. Было высказано предположение, что проблема немного... психологического характера...

— И кто же высказал это предположение? — засмеявшись, спросила Фрида. — Ни один врач из Сартии не верит в психоанализ, там это запрещено на государственном уровне.

— Ну... они верят. Просто им слегка запрещено верить. Но верят, когда больше не во что верить.

— Может быть, еще и в мистицизм верят?

— Ну да. Некоторые.

— До чего дошла современная медицина! — всплеснув руками, произнесла старушка с довольной гримасой на лице.

— И... в общем... вот так... — Эльза совершенно замялась, ей было некомфортно.

— Разберемся, не переживай. Какие ты сны в последнее время видела?

— Чего? При чем тут мои сны?

— При чем тут они — буду решать я. Тебе лучше просто отвечать на мои вопросы, — приказала Фрида крайне строгим голосом.

— Э-э... ладно? В последний раз мне снилось, как меня насиловала морковка.

— Морковка? — удивилась Фрида.

— Морковка.

— Насиловала?

— Ну да. Такой сон был. Приятный в чем-то.

Фрида слегка растерялась. Обычно она долго подводила клиента к подсознательным скрытым сексуальным подтекстам, а тут... и подводить было не к чему. Она пригляделась повнимательнее к эльфийке. Да, видно было, что человек это зрелый, с абсолютно нормально функционирующей психикой. Сошедшим с ума людям обычно снится работа или учеба, а вот психически здоровым индивидам видится, как их во сне атакуют ожившие носки или... кхм... насилюют морковки.

— Хорошо, перейдем к больному, — Фрида слегка закашлялась, ей уже становилось некомфортно. — Сколько

ему лет, чем занимается?

— Не знаю, сколько лет. Тридцать? Для меня все молодые мужчины на тридцать выглядят. По работе грузчик вроде.

— Как познакомились?

— По работе. Случайно.

— Когда он срубился?

— Чего? А, когда заболел? Ну... после нашего последнего задания. Он выглядел крайне странно...

И она постаралась описать события последнего их приключения.

— Искатели приключений? — крайне удивилась старушка. — Не думала я, что они еще существуют. А с вашим делом, дорогая, все ясно. Везите его сюда, буду работать.

— Уже? И вы знаете, как его вылечить? — удивилась Эльза.

— Догадываюсь. Есть несколько версий... думаю, что можно попробовать. Но это, — она постучала по столу, — не бесплатно.

— Сколько? — спросила Эльза, вся похолодев.

А услышав сумму, ее бросило в жар. И изрядно поплохело.

— Но это же... целое состояние!

— Ага. Именно оно. И это всего лишь аванс за мои старания! Если ничего не выгорит, то не обессудьте, деньги не возвращаю!

— Аванс? Чего...

— Да. А если все пройдет успешно, то придется заплатить еще ровно столько же, — жестким тоном произнесла Фрида.

— Но...

Эльзе хотелось заплакать. Где ей взять такие деньги? Попросить у Иллариона? Она поникла.

— Мне сказали, что вы работаете для души... — всхлипнула эльфийка.

— Конечно. А для чего еще? А душа, знаешь ли, требует бережного обращения.

И она поерзала в дорогом уютном кресле, что располагалось в центре уютной комнаты дорогой квартиры. Набила дорожную трубку дорогим табаком. Закурила. И ехидно улыбнулась.

Удачная сделка, ничего не скажешь.

Через месяц Эльзу срочно вызвали из Сартии, где она гостила у подруги и по возможности подрабатывала. Ей пришлось на время перевестись из основного своего места работы — в Колосике — в одну из лечебниц города врачей. Место это было поганенькое, а остальные врачи относились к новенькой с явным пренебрежением. Она не до конца понимала, как ей удастся переоформить себя на прежнее место работы, но в последнее время ее посещала настойчивая мысль — а надо ли ей все это?

Благо от Коса недавно пришло письмо, что ее очень ждут, новые приключения на носу, а Илларион уже несколько раз буквально требовал, чтобы она уволилась с работы, чтобы они проводили больше времени вместе. Все это было очень привлекательно, но Эльза никак не могла привыкнуть жить не за свой счет, она боялась потерять способность выживать и зарабатывать себе на хлеб, если вдруг ее бросят.

Было ли это недоверием к своим друзьям и своему любимому? Этот вопрос она частенько обмалывала с подругой вечерами.

И вот, неожиданно, срочная телеграмма. Почтальон отдал ей элегантный конверт, попросил расписаться и пошел дальше по своим делам, неспешно обходя близлежащие жилые кварталы.

СРОЧЕСТПГРСПРИЕЗ

«Это она так буквы сэкономила? — подумала про себя Эльза. — Вот же скряга!»

Она еще раз взглянула на адрес отправителя: город Brenton. И имя: Фрида Зиг. Да, это точно она.

«Срочно! Есть прогресс! Приезжай» — вот так, наверное, и должен был выглядеть текст послания. Что ж... завтра на работу...

А, к черту! С другой стороны, даже если она уволится, то не сможет, что ли, найти другую работу? Даже не государственную службу, а в частной клинике. Не сможет? Да сможет, конечно!

Она легонько побила себя по щекам. Давай, Эльза, ты справишься! И у тебя есть накопления к тому же! Ну же, девочка, тебе уже сто двадцать лет, сделай же шаг...

И она сделала его. И не пришла на работу, даже не уведомив начальство. Дерзкий поступок. Но как же он приятно отзывается в душе! И как же все это... правильно...

Через несколько дней она уже была в Brentone. Не поскупилась на скорый дилижанс.

— Ну где тебя носило? — радостным голосом поприветствовала Фрида эльфийку.

— Как он? Все в порядке? — Эльза ворвалась в комнатушку, сбивая мебель на своем пути.

— Не кипишуй, дорогая, не суетись, все хорошо. Сядь на кресло, отдохни, притворись, что чай себе

наливаешь. Не переживай.

Обеспокоенная Эльза не послушалась советов и принялась пристально всматриваться в бледное лицо Дилана, который лежал на кровати. Его щеки порозовели или ей показалось?

— Он умирает? — Эльза затревожилась.

— Да вроде нет. Спит. Я ему кой-чего вколола, для профилактики, а то после крайнего сеанса буйненным он стал. Ничего, проспится, продолжим работу.

— Вкололи? Что вкололи?

— Да ну тебя, — старушка махнула рукой. — Выбросила я уже этикетку. Разве запомнишь все эти аптечные названия?

— Фторсин?

— Нет.

— Гемулькан?

— Нет.

— Ритордан?

— Нет. Это что еще такое?

— Жосган?

— Девочка, это же вообще слабительное, что ж ты старушку за дуру-то держишь... успокойся. Выпей чаю, полегчает.

— А где чай? — Эльза обыскала глазами комнату.

— Где-где, вона где, — и Фрида слегка постучала Эльзу по макушке. — Там чаю сколько угодно, залейся.

— Вы предлагаете мне пить воображаемый чай? — удивилась Эльза.

— А какой еще? Не настоящий же, он денег стоит. А я работаю, как уже говорила ранее...

— Для души, — выдохнув, закончила Эльза.

Она рухнула на кресло, обессилив от душевных переживаний. Значит, все хорошо, можно действительно успокоиться. Но зачем ее вызывали?

— Вы писали, что есть прогресс...

— А то. Прямо налицо. Пациент скорее жив, чем мертв, — чем не прогресс в наши времена? Но мы идем даже к полноценному излечению, дорогая.

— Да? Правда?

— Правда-правда. Вот и понадобилась мне твоя помощь, а то сама я уже старая, не справлюсь. Если не сможешь, то можно попросить еще кого, но только быстро, время не ждет.

— Я справлюсь! — воскликнула Эльза, радостная от того, что можно хоть чем-то помочь. — Справлюсь! Что делать?

— О-о-о... — загадочно протянула старушка, набивая трубку дорожным табаком. — О-о-о... тебе это не понравится, ой, не понравится...

— Что...

И старушка объяснила. И Эльзе это действительно не понравилось.

Эльза сидела на кухне, приложив к поврежденным скулам тряпочку со льдом. Удивительно, но лед старушка одолжила. Или же она включит его в счет — с нее станется.

В соседней комнате еще шел разговор — Дилан уточнял последние детали своего дальнейшего лечения. Старательно все записывал. Какой молодец. Эльза хмыкнула и поморщилась. Слегка хотелось плакать, но это было бы слишком больно, поэтому она воздержалась.

Наконец он объявился. Осторожно подошел и постарался заглянуть в ее подбитые глаза. Безуспешно — она отвернулась.

— Извини, — прошептал он.

— Уже говорил. Сотни раз.

— И готов сказать еще тысячу. Столько, сколько придется.

— Да несколько не надо! — воскликнула Эльза. — Пожалуйста! На здоровье!

Он присел рядом. Одолжил на время у хозяйки кухонное пространство, чтобы поговорить (будет включено в счет).

— Я был не в себе...

— Действительно! — прошипела Эльза. — Вот уж точно! Так отмудохать меня... да... за что...

Она слегка заплакала. Он крепко обнял ее, прижав к себе.

— Все хорошо, — прошептал он. — Все закончилось. Я исправлюсь.

— Тебе хоть полегчало? — всхлипывая, спросила Эльза.

— Да. Намного. Как будто я... заново родился. Но какой ценой!

Он снова взглянул на девушку. В его глазах читалось глубинное сострадание.

— Заживет. Наверное... — она постаралась улыбнуться.

— Мы сделаем все, чтобы ты поправилась. И я верну тебя Иллариону целой и невредимой.

— Он, наверное, переживает, бедненький...

Они помолчали. Молчать почему-то было приятно.

— Ты так кричал! — вдруг высказалась она.

— Да?

— Да! Очень громко! И был в такой ярости! Я никогда тебя таким не видела!

— И не увидишь, — уверенно произнес он. — Больше такого не повторится.

— И ты чаще всего повторял это слово... ну, алименты. Ты повторял его столь много раз, будто это твой заклятый враг. А женщины...

— Да, я их ненавидел. И... наверное, ненавижу и сейчас. Но Фрида сказала мне, что я сделал неправильный выбор, решив закодироваться от этой ненависти. Я пытался убежать от съедающей меня злобы, а лишь запер ее в себе, чтобы она расправилась со мной в ходе смертельной болезни.

— Я даже не знала, что можно закодироваться от ненависти... вот от пьянства, слышала, можно.

— От чего угодно можно в наши дни. Но нужно ли? Фрида объяснила, что иногда лучше бороться, чем бежать от самого себя. Ведь в конечном итоге куда ты от себя не спрячешься. Подсознание везде тебя достанет.

— И ты будешь бороться? Будешь ненавидеть женщин и дальше?

— Нет, — он покачал головой. — То есть да. Я пройду курс осознания, переосмысливания и примирения.

— Звучит сложно.

— Да. Но на самом деле все просто. Надо лишь постараться в будущем стать чуточку счастливее, чем в настоящем. И для этого стоит проработать те моменты, что тебя беспокоят, тревожат очень сильно. Как-то так.

Эльза зевнула, что было немного лишним. Она поморщилась от боли.

— Почему все так произошло? — спросила она.

— Не знаю. Я много думал. Строил планы. Но расставание с моей женой подкосило меня, а картонный домик в голове разрушился. Я сгорел. Стал... невыносим для окружающих. И для самого себя. Мне стало настолько плохо, что я увидел единственный выход в личном побеге. И... так мы и познакомились.

Он широко улыбнулся.

— Ведь я, — сказал он, — не только закодировался, но и изменил привычный мне образ жизни, понимаешь? Переехал в другой город, в Колосик, стал зарабатывать на хлеб тяжелым трудом. Но это мне не помогло, даже напротив... если бы не ты, если бы не друзья... если бы не Кос...

— А чем ты занимался до этого?

— Я...

Он слегка замялся.

— Важно не чем он занимался, а кем был! И кто он есть сейчас! — встряла в разговор Фрида, которая явно подслушивала. — Перед тобой не кто иной, как граф фон Марков, один из богатейших в стране, между прочим.

— Э-э-э... чо? — у Эльзы глаза на лоб полезли.

— Да, — граф мягко улыбнулся своим спасительницам. — Прости, что скрывал от тебя это, Эльза. И спасибо тебе еще раз. Спасибо вам, госпожа Фрида.

Психолог захохотала, всплескивая руками.

— О, вам спасибо, дражайший граф! Я даже впервые за долгое время изменяю своим привычкам и готова заплатить налоги, раз вы платите мне официально! Налоги! Подумать только... дожила старушка. Но и вознаграждение солидное!

— Это самое малое, что я могу для вас сделать, — скромно проговорил граф Марков.

— Побольше скромничайте, мой милый, вам к лицу. А ты, дорогая, просто прелесть! Ну кто еще бы согласился на такую авантюру быть избитой в пух и прах! И я предупреждала, что может и не получиться... это же уникальная врачебная практика! Стоит только найти добровольцев и...

В голове у Фриды шелестели купюры. В голове у графа царил спокойная душевная безмятежность. В голове у Эльзы творился сущий психический бардак и сумятица.

— Отлично выглядишь, Эльза!

— Завались, Игорь. Ты рядом стоишь, могу и уебать, понимаешь?

Еще через пару недель, оправившись от изумления, Эльза вернулась в Колосик. Больше ее ничего не держало ни в Брентоне, ни в Сартии. Она вернулась домой, к друзьям и любимому. И вернулась не с пустыми руками.

— Хе-е-е... — протянул Кос. — Нехуящечки себе, а? А?

— Енто точно, — согласился Игорь, тараща глаза на кучу золотых монеток.

— Здесь довольно солидная сумма, — вежливо вставил свое веское слово Вася. — И это только черная касса.

Основной депозит был положен на наш расчетный счет.

— А там сколько? — хмурым голосом уточнил Чед.

Вася назвал. Все прифигели.

— Не... ну епта... пиздарики, конечно... — промычал Игорь. — Натурально ебануться.

— Довольно неплохое начало нашей совместной авантюры, — улыбаясь, согласился Альф. — Я думаю, за это все мы в первую очередь должны поблагодарить тебя, Эльза.

— Да ну... — эльфийка махнула рукой и покраснела с головы до пят.

— Уииии! — гремлин бросился ее обнимать, расталкивая гору монет.

Ее все бросились обнимать. Тискать. Щекотать. И поздравлять.

— Блин, отстаньте, мне же больно! — воскликнула радостная Эльза.

— Хе-хе-е-е... — сказал Кос, когда все успокоились. — Ну что, ребята. Закатываем пирушку?

Все одобрительно закричали.

— Бухать! — воскликнул Игорь.

— Тебе лишь бы бухать! — толкнула его в бок Эльза.

— Ну а чо... крутота же... ванна бабок... ща накатим, отмоем.

Вася значительно кашлянул.

— Что, Вась? — спросил Кос. — Есть что?

— Да. Я бы хотел сделать небольшое объявление, господа и дамы. Точнее, даже три.

— Валяй!

— Первое: сегодня наше заявление на регистрацию нового юридического лица было в конечном итоге одобрено, поэтому я с гордостью могу объявить сегодняшней день первым из множества, которые ожидают наше великолепное сообщество «Высшие Альфахи».

— Ееееееееееееее! — прокричали все.

— Также, — Вася многозначительно посмотрел на Эльзу. — Судя по последним известиям, наш друг Дилан оказался не кем иным, как графом Марковым из города Жермен. Он же и проспонсировал нас весьма солидными суммами.

— Ебать-колотить! Закрытый город для богачеев! — у Игоря аж дыхание перехватило.

— Именно. Это очень серьезный состоятельный мужчина. И он выказал свое горячее желание поддерживать наше совместное предприятие, а также, после выздоровления, он хочет лично принять участие в наших с вами приключениях.

— А может того... не надо? А то вдруг его грохнут, а бабки... — распереживался Игорь.

— Блин, Игорь, заткнись, — Эльза стукнула его по голове.

— Поэтому объявляю вторую новость: в миру наш граф будет зваться Марковым, но среди друзей давайте называть его Диланом. Это его горячая просьба.

— Да за такие бабки хоть отсосать могу...

Игоря снова пришлось связать.

— И, наконец, третья новость! Наш дорогой друг, — Вася показал на гремлина, который весь раздулся от всеобщего устремленного на него внимания, — больше не хочет зваться Шныгом. Он благодарен своему лучшему другу за столь замечательное имя...

Гремлин поклонился Игорю, который что-то промычал невразумительное через грязный кляп (этой тряпкой, вроде, протирали в харчевне столы).

— Но также он хочет выбрать имя себе сам. Поэтому отныне его зовут... Пиксель!

Раздались жаркие аплодисменты от всех присутствующих. Пиксель был весь растроган.

— Также господин Пиксель намеревается присоединиться к нашему сообществу, причем официально! К сожалению, в народе бытует несправедливое мнение, что гремлинов не существует, но я веду переговоры с налоговой о данном вопросе... все же бухгалтерия на то и создана, чтобы вписать то, чего и в природе быть не может!

Все еще раз зааплодировали.

Потом обсудили всякие формальности. Рассказали друг другу последние сплетни. И...

— Ну что... бухаем? — подмигивая всем, спросил Кос.

— Уииии!!! — ответил за всех довольный Пиксель.

На следующий день после попойки Эльзу вызвали в банк. Она, обеспокоенная, побежала туда, не понимая, зачем понадобилась.

«Кто вызывал?» — спросила она.

«Деньги», — ответили ей.

Да, деньги. Денег было много. Очень много. Она никогда не видела таких неприличных сумм на своем

расчетном счету. Рядом с сияющими мешочками лежала аккуратная записка, исполненная на дорожной плотной рифленой бумаге.

Для твоей мечты.

Вечно твой,

Граф Марков

В квартирке госпожи Фриды царило благоденствие. Так всегда было, когда она пересчитывала свои сбережения. А недавно эти самые сбережения вдруг многократно увеличились в размерах.

— Дела идут хорошо, как я вижу, — ухмыляясь, заметил мальчик, сидящий напротив. — Мне даже налили чай. Уму непостижимо.

— Наслаждайся, пока я добренькая, господин Ботреле.

— Наслаждаться *этим* невозможно, мой дорогой друг. Этим пойлом одаривают офисных работников, которые заглушают сильное похмелье после бурной пьянки на той же работе. Тут есть... осадок.

— Фи, привередливый какой, — добродушным голосом произнесла старушка, жонглируя золотыми монетками. — Осадок показывает добротность чая, между прочим.

— И он заваривается в холодной воде!

— Ишь до чего технологии дошли, ты погляди!

— Чашку даже невозможно отмыть!

— Да кто моет чашки в наши дни, я тебя умоляю... сто двадцать три, двадцать четыре...

Господин Ботреле покачал головой, отставив злополучный чай в сторону. Таким он травиться точно не будет. Несмотря на то, что видом он решительно напоминал мальчика лет двенадцати (очень прилично и дорого одетого, кстати), но сам он был, по слухам, старше Фриды. Никто не знал, в чем причина сего странного феномена, а сам Ботреле объяснял свой перформанс... магическим происшествием. Впрочем, подозревая скрытое могущество «мальчика», многие люди воздерживались от подробных расспросов.

Господин Ботреле был знаменит своими кондитерскими изделиями (он привез парочку в качестве гостинца для Фриды), а его лавочка-бутик в городе Жермен была известна на всю страну. Торты, булочки, пирожные и многое другое продавалось самым богатым и влиятельным людям, ведь ходила устойчивая молва, что только поистине королевские особы достойны его кулинарных божественных творений. Конечно, Ботреле не был столь разборчив в клиентах, поэтому продавал тем, кто мог себе это позволить. Таковых набиралось немного.

Также ходили слухи (произносимые очень тихо), что господин Ботреле, несмотря на свой незаурядный вид, является крайне осведомленным информатором, к услугам которого прибегают сами короли и правители городов. А другие утверждали (замогильным шепотом), что мальчик знал и настоящих закулисных властелинов Вайтпилла или даже сам был одним из них.

Правду не знал никто. Господина Ботреле побаивались.

— Отлично. Просто пре-вос-ход-но! — Фрида захлопала в ладоши, как довольная собой маленькая девочка.

— Все сходится?

— Не только. Превосходит все допустимые ожидания. Повезло, сказочно повезло!

Она обняла горки монет, замурлыкала себе под нос и принялась с ласковой нежностью поглаживать блестящие кругляшки.

— Мои хорошие...

— Истинная любовь! — цинично произнес мальчик.

— Хо, чья бы корова мычала! Сам спишь на денежных мешках, а других попрекаешь! Что вообще приехал!

— Угостить тебя, конечно, моими новыми шедеврами.

— За это спасибо.

— И рассказать одну историю. О твоём клиенте.

Фрида забеспокоилась.

— Деньги фальшивые! Вот знала же! Сукин...

— Нет-нет, успокойся, прошу тебя! — мальчик в примирительном жесте поднял руки. — Все хорошо. Граф Марков — это действительно граф Марков.

— О. Хм. Хорошо. А что с ним не так?

— Все так, — расплылся в улыбке мальчик. — Даже очень даже так. Но я немного поинтересовался его прошлым, и знаешь... похоже, в Колосике кто-то образовал новое сообщество. Сообщество искателей приключений.

— И что? — недоумевала Фрида.

— Как что! Искатели приключений! Те, которые сгинули давным-давно из-за неумения подавать правильные отчеты в налоговую!

— Хм, — старушка начала припоминать. — Ты вроде раньше рассказывал. Такие сообщества представляли

для тебя... для нас... угрозу, поэтому были ликвидированы. Точнее, сами себя и устранили.

— Именно! Похоже, эти люди либо сами научились работать с бухгалтерскими документами, что маловероятно, ведь одна подача заявления на регистрацию требует недюжинных знаний...

— Да там же не сложно...

— В других случаях. Если мы берем код деятельности «приключения», то требуется оформить множество других нюансов. Слышала про форму Куа-105?

— Из-за нее кончали самоубийством лучшие бухгалтеры! — ахнула Фрида, поднеся руку ко рту.

— А это только первая ступень ада. Дальше больше. Никакой адекватный человек в этом мире не может справиться с этой отчетностью. Почти никакой. Я навел справки — они нашли Великого Бухгалтера.

— Они еще существуют?

— Представь себе! — мальчик был очень доволен, даже слегка подпрыгнул на кресле. — Сам был несказанно удивлен.

— Но зачем кому-то понадобилось... — Фрида задумалась. — И ты собираешься их тоже уничтожить?

— Пока нет, — покачал головой Ботреле. — В этом совершенно нет необходимости. Прошлые искатели приключений искали эти самые приключения там, где их не просят, были крайне назойливы и высокомерны. Эти же... персонажи... пока не доставляют нам беспокойства.

— А если будут доставлять?

— Тогда, — мальчик затих, внимательно рассматривая свои ногти. — Тогда мы их уничтожим, моя дорогая Фрида. Сотрем в порошок. Но пока... можно просто понаблюдать за успехом наших героев. И выпить чаю.

Он повернулся к злосчастной чашке с отвратительным пойлом.

— Только не этого. Так и самому бесславно сгинуть можно.

Высшая бухгалтерия

— Стол куда заносить? — рывкнул один из грузчиков, сгибаясь под тяжестью массивной мебели.

— Туда, — указал Кос в направлении своего кабинета.

Работяги, тяжело дыша, ввалились в пустую комнату и аккуратно поставили стол на пол, ближе к стенке.

— Тяжелый, мать твою, — пожаловался один из грузчиков, потирая руки.

Кос провел пальцем по красной столешнице и задумчиво кивнул.

— Не разбейте горшки, мужики! Слышите? Дорогие они! — кричала Эльза, руководившая процессом разгрузки на улице.

— Хорошо! — кричали ей в ответ краснощекие дворфы, приехавшие из самой лучшей оранжереи в Колосике.

Перед новым офисом Высших Альфачей столпились тележки, повозки, люди, случайные зеваки, которые всегда появляются как грибы после дождя в местах, где можно пожить чем-нибудь интересеньким. Сегодня решено было обустроить арендованное помещение, которое Кос определил как юридический адрес, поэтому весь день к ним подъезжали различные грузы, курьеры, разносчики и доставщики пиццы (для перекуса).

— Накладную кому? — грозно спросил грузчик, что стоял рядом с Косом.

— А это мне, — туманный шепот возник словно из ниоткуда, что рабочий даже вздрогнул от обаявшего его ужаса, вся его командная спесь моментально сгинула и испарилась.

Вася с деловитым видом забрал мокрую бумажку, пропитавшуюся липким потом, и передал ее гремлину, которого как раз недавно официально устроили в штат (хотя пришлось отвечать на требование от налоговой, почему идет оформление сотрудника, видовой принадлежность которого причисляется к «сказочным несуществующим персонажам»).

— Уии?

— Это на приход, Пиксель. Общехозяйственные расходы, инвентарь, мебель. Документы с дорогими покупками пока отложи в сторону, это основные средства, мы потом с тобой их разберем.

— Уииии! — греmlin радостно убежал приходить накладную.

Разъяренная эльфийка, громко топоча, вбежала в комнату.

— Еп твою мать! Вася, эти карланы-долбоебы все же потрескали один из горшков! — вознегодовала Эльза.

— Возмутительно, — посочувствовал ей Вася.

— Пидоры, чо, — согласился Кос, облокачиваясь о стол и затягиваясь свежим косяком.

Эта комната идеально подходила для дислокации генерального директора, ведь в ней предусмотрительные инженеры обустроили систему вентиляции и очистки воздуха. Теперь здесь можно было хоть мясо коптить, а уж курить и вовсе спокойно.

— А вы что здесь отираетесь?! — закричала Эльза на грузчиков, которые до сих пор в себя не могли прийти от встречи с вампиром. — Все занесли?

— Нет... — грузчики помялись. — Стулья еще остались. И шкафы...

— Ну так марш отсюда! Давайте, ребята, пошустрее можно? — эльфийка буквально выперла лентяев из комнаты.

Кос закрыл глаза, пребывая в блаженстве, а затем мечтательно почесал нос.

— Напомни, Вась, кем мы хотели устроить Эльзу?

— Офис-менеджером.

— Идеально ей подходит, не находишь? И офисит, и менеджерит. Заебатая баба.

— Ты хотел сказать — высококвалифицированный сотрудник, лояльный своей фирме?

— Ну да. А чо, я не так сказал? Хе-хе-хе...

Клубки дыма заворачивались, скручивались, чертили в воздухе непристойные знаки и постепенно испарялись, оставляя после себя сладотворное дурманящее послевкусие.

В городе Брентоне начинался новый день. Городские исполинские часы пробили Первое Напоминание, а множество людей уже протирали сонные глаза, ворочались в кровати и проклинали свое странное существование.

Госпожа Хомяковна тоже встала — довольно бодро и с чувством предвкушения от множества рабочих задач, которые ее сегодня поджидали. В квартире царил легкий беспорядок, но это была не беда — пыль всегда можно прикрыть одеялом, а первое одеяло вторым одеялом, а затем... если одеяла начнут шевелиться, то, значит, завелись шуршунчики. А с любым шуршунчиком можно найти общий язык и подружиться.

Нет, у госпожи Хомяковны все было в порядке с головой, потому что на шестом десятке лет с сознанием устанавливаются очень дружеские и партнерские отношения — ты живешь отдельно, а сознание отдельно. И все хорошо. Не стоит обращать внимание на глупых завистников, бормочущих что-то про «маразм».

На всякий случай госпожа Хомяковна глянула под кровать. Пусто. Хотя прошлым вечером там был мужчина.

Или не было?

Надо было срочно заварить чай. Любой бухгалтер скажет вам, что никакие дела не делаются, пока не заварится чай.

Чай. Чай. Чай... чай... чай...

Госпожа Хомяковна сделала шесть оборотов вокруг своей оси, суетливо пробежалась по квартире, пару раз столкнулась со стенкой, поставила чайник...

Часы пробили Второе Напоминание.

— Я ушла! — прокричала госпожа Хомяковна на прощание кому-то.

Квартира опустела. Под одеялом № 5 что-то зашевелилось. Наверное, тот самый шуршунчик.

Он вылез из уютного убежища, подбежал к столу, с трудом на него взобрался... и грустно, томно вздохнул. Она снова не заварила свежий чай.

Печальные поникшие чайники плавали в бурой зелени напитка с прошлой недели. Или прошлого года? Постоянно не выпивает, бросает... шуршунчик снова вздохнул. Надо бы прибраться.

— Уии? — спросил представитель рода шуршунчиковых по имени Пиксель.

— Нет, еду мы не приходуем, — отрезал Вася.

Последним поставщиком сегодня был бакалейщик — он приехал уже поздно вечером, передал огромную партию чая (для бухгалтерии), килограммы черного прожигающего внутренности кофе (для Альфа), добротное какао (для Эльзы), сахар и лапшу быстрого приготовления (для Игоря).

Чед сказал, что сам себе будет поставлять алкогольные напитки, а Дилан не высказал своих гастрономически-офисных предпочтений, потому что в настоящее время не имел возможности присоединиться к ребятам — его на днях ожидало еще одно судебное заседание по алиментам.

Кос также сходил в кондитерскую, купил тортиков и прочих вкусностей, чтобы угостить ребят после тяжелого рабочего дня.

— Уии! У-и-и-и!!

— Я понимаю, что это не логично, Пиксель, но почитай положение о бухгалтерском учете. Пищевые продукты нельзя принимать к вычету из налогооблагаемой базы, — объяснял своему другу Вася.

Пиксель выказал ярое желание учиться бухгалтерии, потому что, по его мнению, в бумажках была скрыта Жизнь. Никто, правда, его мысли окончательно не понял.

— Уи?

— А воду можно, да. Ее завтра будем закупать.

— А я слышала, что очень опытные бухгалтеры умеют оприходовать что угодно, — заметила Эльза. — Это без обид, если что.

Вася не обиделся. Он был не опытным бухгалтером, а Великим Бухгалтером, поэтому он никогда не сомневался в себе и своих рабочих методах.

— Это возможно, Эльза, если у тебя есть фирма-однодневка. Но и с такими сейчас борются. А уж подпадать под внимание надзорных органов с нашим видом экономической деятельности...

— А я чо слышал, — вмешался Игорь, невнятно бормоча, благо его рот был набит пиццей. — Короч, кореша рассказали, что приключенцев поэтому и задвинули, что они не могли бумажки оформить, прикиньте? А? Прикол, да?

Все обернулись к Игорю с вытаращенными глазами. Особенно Вася.

— Игорь, это несомненная правда, но где ты это услышал?

— Да от пиздюков. С ними шарюебьюсь, все такое, чо тока не слышу.

— От кого?! — возмущенно прокричала Эльза. — С кем ты там водишься?

— Еба, ну эти... детишки... интеллихенты которые. Жру с ними, играем во всякое...

Наступила тишина. Все были ошарашены.

— Ты... играешь с детьми? — Эльзе было не по себе. — Во что?

— А хуй знает. Игрульки какие-то, настольные то бишь. Они показывают, я играю. Недавно вон зарезались в альфача-мага, норм игра, ничо не понял, но типа прикольно.

Сзади них послышался угрюмый смешок.

— Эта игра считается одной из самых сложных из новинок, — серьезно высказался Чед, хлестая виски из горла бутылки. — В нее играют гимназисты да выпускники училищ в основном, видел иногда их собрания в библиотеках.

— Где?! Простите, где? — возмущению Эльзы не было предела. — Игорь, ты по библиотекам шляешься?

Эльфийку буквально распирало от того факта, что ее незадачливый друг может пребывать где-то, кроме работы, кабака или ближайшей канавы.

— А чо, нельзя шоль? Это не с вами, быдланами, возиться, хе-хе-хе. Ой! — Игорь слишком увлекся пиццей.

чтобы успеть вернуться от оплеухи Эльзы.

— Это похвально, Игорь, — усмехнулся Вася, отпивая чай из литровой кружки. — Нынче модно саморазвитие.

— А чо, балдею просто. Прикольные ребятишки. Не берут в голову мое дуроебство, такие дела...

Эльза слегка обиделась, но постаралась не подавать виду. Ей всегда нравился Игорь как некий неказистый общественный элемент, на которого всегда можно положиться в том факте, что даже в самые грустные моменты своей жизни ты будешь осознавать, что ты живешь лучше, чем он. Эльфийка понимала, что так думать зазорно и бестактно по отношению к своему другу, и в чем-то была благодарна Жизни за такую кармическую оплеуху в ее сторону. Значит, и ей надо было перестать сидеть на месте, а думать о дальнейших перспективах.

— Игорь, позволю спросить, а кем ты будешь оформляться? — прервал общее молчание Вася.

— Уии? — греmlin толкнул своего самого лучшего друга в бок.

Игорь слегка замялся.

— А чо. Чо. А кем можно? Есть чо-нить непритязательное?

Эльза чуть не поперхнулась какао от слова «непритязательное». Ишь ты, гимназисты! Во дают! И из Игоря человека сделают!

— В таких случаях обычно оформляются менеджером.

— Буду менеджером, значит. Где наша не пропадала...

— Менеджеры обычно продают, Игорь, деньги зарабатывают, — укоряющим тоном произнесла Эльза.

— Значитя, буду хуевым менеджером, хе-хе-хе...

Госпожа Хомяковна слегка опоздала. Кто виноват, что в последнее время увеличилось количество «зайцев», желающих прокатиться нахалю на омнибусе? Из-за одного сегодня общественный транспорт пришлось задержать, пока кондуктор устраивала взбучку нерадивому студенту технического училища. К счастью для других пассажиров, госпожа Хомяковна не осталась в стороне и присоединилась к нравственной обработке молодого человека, доведя последнего до крошечного приступа нервной эпилепсии.

Кабинет бухгалтерии пустовал — главный бухгалтер была в это время у Директора за закрытыми дверями, выслушивала последние сводки из жизни руководства. И это хорошо, потому что иначе Бегетта, главный бухгалтер, начала бы задавать своей помощнице неудобные вопросы, которые крайне раздражали и сердили госпожу Хомяковну.

— Какая ей разница, где я была? Что делала? — говорила в таких случаях госпожа Хомяковна про себя. — Опоздала, да. Зачем скандалить? Вон, Арбайтовна из закупок... в шесть вечера просто закрывает дверь и уходит! Это дело? Я всегда задерживаюсь, между прочим. Да.

В таком русле и сегодня госпожа Хомяковна бухтела и ругалась, раскладывая накопившиеся бумажки на столе в хаотичном порядке. Каждое утро ей необходимо было успокоиться, прийти в себя, найти себя, в конце концов.

Тут в дверь кабинета просочился один из менеджеров, особенно мерзкого подвида.

— О, привет, Хомяковна! Слушай...

— Я занята! — отрезала госпожа Хомяковна, махая руками.

— Но... день только начался...

— Я даже чай не попила! Уйди!

И менеджер, озадаченный, ушел. Он хотел было пойти в кабинет Директора, чтобы пожаловаться, но на выходе из бухгалтерии его встретила меткая подножка Бегетты. Нерадивый менеджер растянулся на полу, а грузная главный бухгалтер с победоносным видом прошла по нему, направляясь к своему столу.

— Ай да Хомяковна! Ай да молодец! — похвалила свою помощницу Бегетта. — Ты знаешь, что он хотел? Тендерную сделку заключить!

— С оформлением казначейского счета? — насупилась госпожа Хомяковна.

— Ага.

— Это недопустимо!

— Вот я об этом же и сказала нашему любимому Директору, — промурлыкала Бегетта, поправляя папочки с кадровыми документами. — Из этих счетов же деньги не выведешь, правда? Точнее, выведешь, но им необязательно об этом знать.

Бегетта хищно усмехнулась.

Госпожа Хомяковна кивнула. А затем еще раз кивнула. Замотала головой. Засуетилась на месте.

Ей срочно нужен был чай. После чая голова проясняется.

Чай. Чай. Чай...

Эльза постучалась.

— Дверь же открыта, чо? — удивился Кос.

— Я из вежливости.

— Нахуй вежливость! — засмеялся Кос, вертясь на шикарном дорогом директорском стуле. — Заходи! Бренди будешь?

— Нет.

Эльза присела на один из высоких резных стульев из редкого дерева и внимательно посмотрела на Коса.

— Ну чо?

— Кос, я хотела спросить. А что дальше-то?

— Да все же нормально, чего начинаешь...

— Я пока не начинаю, — Эльза заметно нервничала. — Но могу начать. Что дальше, Кос? Правда. Я не понимаю.

— Ну а чо не так-то? Шикуюем.

— Ты говоришь, как Игорь. Кос, когда мы начнем работать?

— А надо? — он выдохнул аккуратное колечко дыма, которое устремилось к высокому потолку.

Эльза заметно поникла. Она не могла более говорить и спрятала голову в руках. Из нее будто высосали всю энергию.

— Ты чего? — Кос был явно в недоумении.

— Да все нормально, — Эльза всхлипнула. — Просто я не понимаю... зачем тогда это все? Она обвела рукой помещение, а затем снова закрыла лицо, чтобы спрятать слезы.

— Хм-м... не понимаю... — Кос потушил косяк и внимательно посмотрел на ее слегка содрогающиеся плечи. — Офис же. У каждой фирмы есть офис. Закон такой, спроси у Васи...

— А зачем нам нужен офис, если у нас нет заказов? Если у нас нет работы? — всхлипнула она. — Зачем?

— Найдем. Ну, если не найдем, то попозже все будет. Придумаем что-нибудь, чо переживать, деньги-то есть.

— Деньги! А занятость? Вот чем я буду заниматься?

— А чем хочешь?

— Кос, я не знаю! — она уже кричала. — Я не знаю, понимаешь! Это ты должен знать, ты же директор! Я-то откуда знаю?!

— Ну... — Кос замялся. — Вопрос, конечно...

— Вот именно, что вопрос! Работа — это в первую очередь какое-то занятие для человека, желательно общественно полезное и интересное... понимаешь? А мы тут ни хера не делаем, только бухаем, курим да...

— Ну чо, корпоративная жизнь... ну чо ты сразу? Да это во всех офисах так!

— Да не во всех, Кос, не во всех! Обычно люди приходят, осуществляют свою профессиональную деятельность согласно должностной инструкции, понимаешь? Регламент... все это... — она снова захныкала. — Я-то думала, что есть какой-то план...

— Да все поступенчато... шаг за шагом, епт. Как я все сразу-то? Да и нахера тебе сдался этот регламент-хуямент? Мы ж нормальные люди, тут все свои.

— Потому что мне нужно занятие, понимаешь? За-ня-тие. А не сидеть целый день да тортики жрать!

— Хорошие тортики, чо ты сразу...

Эльза встала. Вытерла слезы. Ей, видимо, надоел этот спор.

— Знаешь, я, наверное, поторопилась со своим решением уволиться. Все-таки в больнице было не так плохо.

— Да ты постоянно жаловалась на эту работу!

— Ну и что? Я просто думала... думала... — она быстро смахнула слезы. — Неважно! Я восстановлюсь там.

Кос. Там работа и...

Она быстро выбежала из кабинета, на ходу пробормотав что-то вроде «извини».

Кос, нахмурившись, смотрел на место, где она сидела.

— Ебанулась, что ли? И чо ей не так? Ну, сидим мы пару месяцев без дела. Что тут?

Он стукнул кулаком по столу.

— Я, блять, что ли, знаю, как деньги зарабатывать? Да нихуя не знаю!

— Случилось что-то? — на крик подошел Вася с двухлитровой чашкой чая.

— Да, бля. Эта баба совсем с катушек поехала... нормально же сидим!

— Несомненно. Но не суди ее строго. Она всю жизнь провела на государственной службе, да и лет ей куда больше, чем тебе. Ей трудно перестроиться.

— А я тут при чем?

— Ты же директор.

— Хуектор! — Кос затянулся новым косяком. — Кстати, заебатая кружка. Где взял?

— Местные дворфы делают такие на заказ. Но только для бухгалтеров, профессиональные кружки.

— А нахуя бухгалтерам столько чая, Вась?

— Профессиональный секрет. Скажу проще — без чая дело не будет двигаться.

— Тогда сделай мне одолжение — угости в следующий раз Эльзу чаем. Чтобы у нее мозги на место встали.

— Сделаю.

— И давай чо там дальше у нас по плану. Вся базовую документарную залупунь сделали?

— Почти. Документы никогда не кончаются. Но мы существенно продвинулись.

— Так чо дальше-то?

— Маркетинг.

— О, заебись. Плана у меня нет... дура что ли? Я весь один ходячий план!

Он снова затянулся и хрипло рассмеялся.

Фирма, где работала госпожа Хомяковна, была небольшой, уютной, компактной, и там царил Регламент.

Причем не только в бухгалтерии.

Все подчинялось определенному порядку, по крайней мере так казалось госпоже Хомяковне.

Каждый сотрудник приходил на свое рабочее место рано утром, кроме Директора, который приходил когда хотел (что также считалось вполне Регламентированным, ибо собственник бизнеса, согласно Регламенту, никогда не подчинялся созданным им же самим правилам). Каждый сотрудник в начале рабочего дня наливал себе кофе или чай (особенно от замороженные пили простую воду, таких людей сторонились). Каждый сотрудник слегка сплетничал, улыбался, ходил туда-сюда, в общем, подготавливал себя к долгому и напряженному рабочему дню.

Менеджеры садились за общий стол, кричали друг на друга, затем успокаивались, выпивали для храбрости и начинали звонить заказчикам. Конечно, далеко не во всех компаниях были установлены телефоны (Директор особо постарался для своей фирмы, подмазал лапу кому надо, и одна партия новеньких телефонных аппаратов попросту пропала с главных инженерских государственных складов в Брентоне, а затем с помощью документарных уловок и банальных взяток удалось подключить телефонию к общему каналу связи в стране), но фирма имела плотные контакты со многими государственными конторами в крупных городах Вайтпилла, а уж эти самые конторы телефоны имели. Таким образом, удавалось сэкономить на почтовых рассылках, а также на командировках менеджеров.

Старики вспоминали, что в их молодости маги придумали целую систему специализированных чат-каналов, которые намеревались изначально внедрять для военных нужд, но затем магия исчезла, и технологии пришлось откатывать назад. Зато появились телефоны и много чего еще. Брентон до сих пор был городом-ударником в плане новых изобретений и научных свершений.

Если говорить о закупках, то эти пигалицы (по мнению госпожи Хомяковны) вообще ничего не делали, а лишь трещали, как сороки, да постоянно пыжились. Арбайтовна, руководитель отдела закупок, постоянно любила напоминать другим сотрудникам, к месту и не к месту, что, дескать, «кто на что учился». Тем самым она подразумевала свое интеллектуальное превосходство над остальными, а затыкалась лишь при виде Бегетты, которую боялись практически все, кроме Директора и пары ушных менеджеров.

Конечно, госпожу Хомяковну совершенно не устраивало хамское поведение Арбайтовны, но она смирялась с этим, считая, что это также угодно Регламенту — согласно нему в фирме должен работать определенный процент дураков и мудаков.

В бухгалтерии и вовсе царил полный порядок — каждая папочка на своем месте, каждый листочек подшит (кроме листиков на столе госпожи Хомяковны, но она уже который год обещала их разложить), все договоры введены в реестр, а аккуратная стопочка белоснежных конвертиков и вовсе радовала глаз. Сама Бегетта ревностно следила за бухгалтерским убранством, контролировала все новые сделки и, если это было возможно, старалась воспрепятствовать заключению особенно сложных контрактов. Конечно, фирма теряла на этом огромные деньги, но зато бухгалтерии доставалось меньше работы.

Госпожа Хомяковна в глубине души слегка уважала Бегетту, пусть у последней и не было бухгалтерского образования — в Брентоне люди чаще всего получали технические специальности. Но даже будучи инженером-проектировщиком, Бегетта не уступала в знаниях и самым маститым бухгалтерам, а свой недостаток опыта компенсировала нахальством, хитростью и проворством, заворачивая особенно сложные сделки от менеджеров.

Бывали, правда, случаи, когда новый сотрудник, устраивающийся на позицию продавца, гнул свою линию особенно жестко, но и с такими Бегетта не церемонилась — с помощью сплетен, интриг и коварных уловок добивалась увольнения нерадивого сотрудника. Госпожа Хомяковна одобряла подобные действия, ибо они действовали в угоду Регламенту.

Были в этой маленькой фирме и другие деятели — тендеристы, логисты, юристы, экономисты, но все они по сути своей были лишь мошкаррой, пылью, что ластилась под ногами Бегетты, Директора и ушных менеджеров.

И весь этот мирок, весь этот Регламент и представлял собой рабочий дом для госпожи Хомяковны, где она проводила большую часть жизни. Она и не могла помыслить, что можно тратить свое время как-то иначе, она была предана текущей системе, пусть иногда в ее крохотную душу маленького человека и вкрадывались сомнения. Особенно ее начинали поедать внутренние тараканчики, когда нарушалось ее здоровье и душевное равновесие, что

в последнее время случалось особенно часто — то глаз дергался, то сердце начинало колотить. Но она списывала подобное на возраст, на тяжелые времена, на погоду, на политиков — на что угодно, но только не на Регламент. Ибо Регламент не поддается сомнению, работа нужна, и нужна в том виде, в каком она предстает перед человеком.

Сегодня рабочий день прошел без особых тревожений. Она спокойно сделала часть своей работы, посплетничала с Бегеттой и вернулась домой чуть раньше обыкновенного. В сердце у нее установилась благодать, которая иногда омрачалась странной тревожностью, как будто она живет как-то не так, как будто она была в чем-то перед собой виновата. Но она гнала такие мысли прочь. Надо же было как-то зарабатывать? Чем-то заниматься? А как иначе?

Регламент — это суть жизни. Без него никак.

По приходе домой госпожа Хомяковна заметила, что в квартире будто стало чище. И действительно — чашки, где недавно плескался заплесневелый чай, были отмыты, пол блестел, а пыль куда-то исчезла.

— Вот это я на выходных убралась. Какая я молодец, — похвалила себя госпожа Хомяковна, осоловело хлопая глазами.

Тут одно из одеял предательски зашевелилось.

— Нельзя! Тебя не существует! Прекрати! — она ринулась к одеялу и огрела его ладонью. — Хватит!

Шевеление прекратилось. Ненадолго. А затем в ее голову стали вкрадываться мысли — чарующие, непристойные и заманчивые.

— НЕТ!! — госпожа Хомяковна обхватила голову руками, громко застонала и принялась бегать по комнате.

— Не позволю! — кричала она вся в истерике.

В конце концов она не нашла ничего лучше, чем закружиться на месте, потерять равновесие и с размаху опрокинуться на стол, хорошо приложившись о него головой. Кружки зазвенели, что-то упало, разбилось, а значит, в квартире снова настал беспорядок.

И это хорошо, подумала госпожа Хомяковна, проваливаясь в беспамятство. Так и должно быть. В квартире беспорядок, в ее жизни беспорядок, а на работе порядок.

Так и должно быть. Все согласно Регламенту. И она в последние секунды, перед тем как утонуть в сумрачном обмороке, принялась истово молиться Регламенту, заглушая тем самым мысли, которые назойливо ей лезли в голову.

Работа нужна.

Занятие нужно.

Увольняться подобно смерти.

Регламент превыше всего.

Да.

И она отключилась. Под одеялом что-то зашуршало и громко вздохнуло. Вскоре послышался звенящий шум, будто кто-то убирает осколки разбитой чашки.

Эльза отодвинула массивные портьеры. Это было ошибкой — она чуть не задохнулась от пыли, а ее чувствительные глаза чуть не ослепли от хлынувшего на нее солнца.

— Да-а-а, — пробормотала эльфийка, откашливаясь от вековой пыли, что скрывалась в складках ткани. — Делов тут, конечно...

Дел действительно было невпроворот. Илларион не занимался домовым хозяйством, предпочитая сутками напролет торчать в Библиотеке, иногда выходя в Сад, а в исключительных случаях — в город. Еду он обычно заказывал на дом, уборщикам не доверял (как истинный Хранитель Знаний он вообще недолюбливал посторонних), прислуги не держал, поэтому дом быстро пришел в запустение.

Он давно приглашал Эльзу к себе, на постоянку, но эльфийка отказывалась — она жутко ценила собственную свободу. И лишь недавно, когда ей стукнул сто двадцать первый год, она задумалась — а так ли ей нужна эта самая свобода?

Ровно неделю назад она разосралась с Косом касательно Регламента, а теперь мучилась угрызениями совести. Она сама не понимала, что такое этот Регламент и почему ее к нему так отчаянно тянет. И она осознавала, что этот Регламент только испортил ее жизнь, что теперь она даже не может никому довериться... государственная служба оставляет свои шрамы на сердце человека.

Она теперь хотела найти свое место в мире, свое счастье, но это было так трудно, когда она отталкивала всех вокруг себя. Идея переселиться к Иллариону, своему любимому эльфу, была здравой, хоть поначалу и казалась отчаянной. Она не хотела жить за его счет, не хотела от него зависеть, хотя он объяснял ей, что он не жадный, что «зачем солить деньги, Эльза, возьми их себе».

А что, если деньги закончатся? Что тогда? Одному Иллариону наследства бы хватило до конца его долгой жизни, а им двоим? А что, если она потеряет рабочий стаж? Не получит пенсию, которая и так с каждым новым законопроектом отодвигается все дальше и дальше?

Она твердо и решительно была намерена работать до конца жизни, как бы это ей ни не нравилось. Работать надо. Работа нужна. Таков Регламент. Так говорят на самой работе.

Но правильно ли это? Она отчаянно желала знать ответ на этот вопрос. Что правильно в этом мире, где решают деньги? И даже если все мужчины вокруг осыпают ее этими деньгами, если Илларион отдает ей все свое состояние, если граф Марков... о, милый граф!.. перечислил на ее счет в банке сумму, во много раз превышающую всю ее совокупную выручку за все свои годы жизни... то не поддастся ли соблазну заниматься тем, что нравится?

Даже если это... как же кощунственно это звучит!.. не будет приносить дохода?

Но как жить... ведь Регламент... она была готова разрыдаться, она готова была упасть на колени перед мудрецом, кто разрешил бы ее жизненную дилемму. Как тяжело работающей женщине находить ответы на подобные вопросы!

— Я не знаю, что мне делать... — пожаловалась Эльза своему любимому за ужином.

Еда слегка подгорела, но Илларион любезно решил не обращать на подобные мелочи внимания.

— Наверное, извиниться, — сказал он прокисшим голосом, словно его глотка была набита пылью.

— Чего? — недоуменно переспросила Эльза, во все глаза глядя на эльфа.

Илларион отпил вина из дорогущего бокала. Вино, кстати, было недорогое — после одиннадцати из-за дурацкого законопроекта в магазинах запрещалось продавать алкоголь, поэтому они добыли вино от гоблинов. У гоблинов обычно можно было купить все, что душе угодно, и в любое время суток.

— Я сказал, что стоит извиниться, — сказал Илларион, прокашлявшись. — Перед Косом.

— Ты не слишком долго сидишь в своей Библиотеке? — обеспокоенно спросила Эльза. — Весь пылью уже покрылся.

— Знания бесконечны, а наши с тобой века скоротечны.

Эльфийка нахмурилась.

— А за что мне извиняться?

— За свое детское поведение, — пожурил свою любимую Илларион. — Зачем ты вешала на него свои проблемы?

— Так он... ничего не делает!

— А должен?

— Он же Директор теперь...

— И что?

Илларион слегка покачал головой.

— Насколько я понимаю, — сказал он, откидываясь на спинку стула, — вы создавали бизнес все вместе. Значит, вместе и должны решать проблемы. А даже если ты хочешь соблюдать иерархию, офисную субординацию или... Регламент...

Тут он скривился.

— То тем более тебе стоит довериться ему, — закончил он.

— Ты говоришь так, потому что... — возмутилась Эльза.

— Я говорю так, — перебил он ее, — потому что говорил с ним. И ты по отношению к нему поступаешь несправедливо. Это человек, он действует быстро и решительно, вызывает уважение. У него нет наших веков, Эльза, он скоро умрет. Он — не эльф.

— Мы тоже вообще-то люди!

— Да ну? Кто тебе сказал эту чушь? Мы особенные. Странно, что ты это не понимаешь. У нас есть время. Хотя тоже не так уж много, как бы того хотелось. А у людей нет времени тебя успокаивать, им нужно преобразовывать мир.

— То есть я ему мешаю? — обиженным тоном спросила Эльза.

— Нет. Но и не помогаешь. А могла бы.

— Как? Вот как ему помочь?

— Хотя бы перестать жаловаться. Чем твоя жизнь тебе не угодила?

Эльза задумалась. А затем вышла из-за стола. Она обиделась.

На следующее утро она решила обратиться к существу, которому доверяла больше всего. К независимому эксперту. К Пикселю.

И он тоже ей поведал, что она не совсем права.

— Уии! Уии? Уииии! У-и-и-и-и-и-и!! — подробно объяснил он ей.

— То есть ты говоришь, что процесс философской интоксикации сопровождается отрывом от реальности, когда ты чувствуешь себя как высокоинтеллектуальный субъект человеческих взаимоотношений, но на самом деле ты полон примитивизма и инфантильных блокировок, которые приводят к ментальным закупоркам духовных артерий?

— Уи! — довольным тоном произнес Пиксель.

— Слушай, я же не настолько умна, чтобы это все понять. Я обычная женщина, что ты от меня хочешь...

— Уиии!

— Ничего не хочешь, но мне надо взять себя в руки и больше предлагать, чем критиковать?

— У-и! — кивнул Пиксель.

— Пиксель, а еще вопрос, а сколько тебе лет все-таки?

— Уи...

— Не очень поняла. Что значит «когда континенты пронзили гладь мирового океана своими земляными верхушками...». Какие континенты, Пиксель? У нас же всего один континент, это наша страна, ты географию не учил? Или...

Но Пиксель уже убежал. Он и так сболтнул лишнее.

В компании может быть только один Главный Бухгалтер. Особенно если мы говорим про маленькие фирмочки.

Но иногда заводится второй. И тут начинается самое интересное.

Директора любят решать, бегать, суетиться, шевелить всех вокруг, а также создавать мириады мелких кармашков, из которых впоследствии черпаются деньги. А то вдруг один источник перекроют? Нерадивый сотрудник, любимое государство, бывший (сволочь!) друг из училища — да кто угодно!

В общем, собственник небольшой фирмочки похож на упитанного запасливого хомячка. Только, очень прошу, никогда ему об этом не говорите! Обидится...

Итак, кармашки создаются, множатся, плодятся буквально на глазах, а этим всем добром нужно еще распорядиться.

— Слушай, — говорит Директор, жуя на ходу какую-то булочку. — Мы тут взяли у человека бизнес... он его вести отказывается, просто платим ему деньги и все.

— Я не буду сдавать отчеты за него! Что это такое! — возмущается Главная Бухгалтер, также уминая очередную булочку.

— Ага-ага. Ясно. Понятно. Я пошел, — и Директор уходит, оставляя бухгалтера с носом.

И с булочкой. И с лишней отчетностью, которую надо вести. Хотя данных никаких нет.

— Ты мне напомни... переговоры, куча дел. Напомни, — вяло отмахивается Директор, не желая уже возвращаться к вопросу, который он уже передал.

А если задача делегирована, то все, хватит. Не мое это.

Возвращается Главный Бухгалтер к себе в кабинет, накричит на госпожу Хомяковну, купит еще одну булочку для успокоения нервов и засядет за задачи. Успокоительный чай в итоге сделает свое доброе дело, таблетки от друга-ветеринара для ликвидации нервных расстройств у слонов приятно бурчат в желудке и вроде как... да, все налаживается.

Но тут...

— Слушай? — Директор засовывает голову в кабинет, а на его лице блуждает безумная улыбка. — А давай еще фирму откроем?

— У нас и так их уже пять! — кричит Главный Бухгалтер, сетуя на то, что слоновьи таблетки еще не успели рассосаться как следует.

— Ну... будет шесть. В чем проблема-то? Производство требуется...

— Производство?! — кричит Бегетта, краснея с головы до пят. — Производство? Какое еще производство?!

— Немыслимо! — поддакивает лояльная своей начальнице госпожа Хомяковна.

— Спокойствие, — осаждают обеих Директор. — Нужно и все. Вся эта алхимическая посуда низкомаржинальна, если перекупкой заниматься, сечете? Вот и будем ее выдувать сами.

— Посуда... — Бегетта стремительно белеет, становится похожей на замерзшего альбиноса.

— Ага. А потом и на мебель перейдем.

— Мебель... — госпожа Хомяковна также в шоке.

— В общем, что я тут распинаясь. За работу.

И Директор уходит, снова оставляя бухгалтера с носом.

На следующий день Бегетта не выходит. Директор сразу же звонит домой сотруднику, немного обеспокоенный. Совсем немного, потому что недавно он приобрел участок под новый дом, чем очень доволен.

— Ну что там?

— Я не справляюсь! У меня нервное расстройство! — кричат ему в трубку.

— Ну ладно. Бывает. Проходили. Что от меня надо-то?

— Нужен еще один человек в помощь! Столько фирм! — бухгалтер начинает плакать.

Директор достает платок и протирает трубку. На всякий случай.

— Ладно. Давай найдем. Проблема нанять, что ли? Вас, бухгалтеров, целая прорва на улице. Сейчас займусь, не реви.

И он кидает своему заместителю задачу найти еще одного бухгалтера. Делов-то.

Но в компании может быть только один Главный Бухгалтер. Особенно если мы говорим про малую фирмочку.

Иногда заводится второй. И тут начинается самое интересное.

Эльза робко постучалась в массивную железную дверь, напоминающую холодную неприступную твердь банковского хранилища.

— Да? — отозвался приятный спокойный мелодичный голос.

Эльфийка налегла на дверь, которая подалась на удивление легко, открылась без единого намека на скрип.

— Э-э... я назад пришла.

— Чудесно, — похвалил ее Вася, который как раз наливал себе очередную порцию чая. — Садись.

— Я постою, не хочу мешать. А где Пиксель?

Вася вздохнул.

— Сказал, что ему надоело возиться с бумажками, пошел с Игорем играть в «альфа-мага».

— Игорь совсем уж распоясался! — возмутилась Эльза.

— Все хорошо. Пиксель сказал, что Игорь читает.

— Читает? — удивилась Эльза. — Что читает? Он умеет читать?

— Мы к нему слишком строги, — укоризненно заметил Вася. — Он не так и глуп, как ты можешь полагать. А читает он труды знаменитых пролетарских философов о правильном режиме общественных работ. Авторы сих трудов хорошие люди, с некоторыми я был знаком лично.

— А-а... это современная проза?

— Не совсем, — Вася замялся. — Скорее, *вовсе не* современная.

Эльза покраснела. Она совсем забыла, что Вася был гораздо старше ее. Сколько ему было лет?

Она чувствовала себя рядом с ним как маленькая глупая девочка. Это было донельзя приятное чувство.

— Так что ты хотела? — спросил Вася, роясь в свежих накладных.

— А... извини. Документы на оформление принесла.

— Правда? — он нацепил очки, которые носил чисто для вида, ибо его вампирское зрение до сих было преотличнейшим. — Давай. На какую должность решила?

— Неа. Потом с Косом обсужу.

— Помирилась с ним?

— Еще нет. Но... я извинюсь. И ты меня извини.

— Я тут совершенно ни при чем, — Вася дружелюбно улыбнулся, забирая у Эльзы документы.

— Слушай, — вспомнила она. — Тут еще и Илларионовские доки. Можно его тоже оформить? Он бы хотел быть архивариусом...

— Хм-м, — задумался Вася, взвешивая на руке увесистую стопку документов. — Хорошо. Он будет в офисе?

— Удаленка. Это возможно?

— Конечно.

Эльза с облегчением вздохнула. Илларион будет вне себя от счастья. Конечно, он и вида не подаст, но ему всегда хотелось быть оформленным. Это мечта каждого человека. И эльфа тоже.

Да, мы не люди, подумала Эльза. И Вася...

Вася был... красив. Она никогда этого раньше не замечала. Она снова покраснела. Ей было приятно, что в новой фирме ее окружают такие достойные мужчины. С каким же нетерпением она ожидает приезда графа Маркова! Будет с кем поболтать длинными ночами...

— Ладненько. Я пойду. Спасибо тебе, — поблагодарила Эльза Великого Бухгалтера.

— Не за что, Эльза. Приходи, когда поймешь, кем хочешь оформиться.

— Конечно! И... слушай, с тобой все в порядке?

Вася слегка нахмурился.

— Естественно.

— Просто... ты выглядишь слегка усталым.

Вася и правда устало вздохнул, откинувшись на спинку стула.

— Избранный вами всеми код основного вида деятельности не из простых. Требуется вести довольно обширный документооборот, а также отчетность... — он махнул рукой. — Не буду тебя нагружать лишней информацией. Все нормально.

И все же Эльза, уходя из его рабочей комнаты, заметила, что все было далеко от нормальности. Вампиры же не должны выглядеть настолько... бледными? Или должны?

Как отличить здорового вампира от больного? В врачебной практике Эльзы не было ответа на этот вопрос.

Но она своим профессиональным чутьем осознавала, что Васе тяжело. Очень тяжело. И она смела истерить требовать своего, не разобравшись в ситуации! Как же нагло с ее стороны!

Видимо, и Косу также непросто. Надо им помочь. Да-да, надо помогать!

Эльзе было уже за сотню лет, но чем больше она жила, тем более понимала, какая же она, по сути, глупышка.

Чайник кипит, но к нему никто не идет. Все присматриваются друг к другу — уже который день.

Новая бухгалтер маленькая, красивая, хрупкая, начитанная, эзотеричная, разведенная. К таким нужен особый подход.

Для начала побьем кнутом.

— Эй, Рунная. А ну иди сюда!

Маленькая бухгалтер засемила ножками к своей... коллеге? Вряд ли начальнице. Потому что они обе были Главными.

Пока что Бегетте приходилось с этим мириться.

— Сделаешь сегодня импорт, поняла? Часть попала на твою фирму! — закричала Бегетта на новую сотрудницу.

Та и глазом не моргнула. Сказывался профессионализм. Но движения она свои еще не научилась скрывать — ее пальцы растопырились, а сама рука инстинктивно выгнулась. Бегетта усмехнулась. Это был бухгалтерский хват № 10 для меткого броска степлера среднего размера. Похоже, что новая сотрудница участвовала в офисных войнах. И выходила победительницей. Нужно быть с ней поосторожнее.

— А как делать? — милым голосом спросила Рунная.

— Не знаешь? — фыркнула Главная. — Ну... везде свои порядки, понимаю. Смотри...

И она крайне расплывчато и быстро затараторила, показывая новой сотруднице правила оприходования.

— Поняла? — деловито спросила Бегетта.

— Ага. Ничего сложного, — немного суховати ответила Рунная, забирая листочек с наспех сделанной инструкцией с собой. — Сделаю.

И она засемила обратно.

— Ишь ты... — пробурчала Бегетта. — Она все поняла...

— Умна, — подтвердила госпожа Хомяковна, помощница Главной.

— Ничего. И не таких выживали. Там чайник вскипел, не видела?

Комнату для переговоров они так и не сообразили. Поэтому заседания проводили в кабинете у Коса, благо там было уютно, просторно и можно было покурить.

Директор оперативно всем раздал косячки для стимуляции работы мозга.

— Угу, — выдохнул Чед, наливая себе стопку добротного виски. — Хорошо.

— А где Альф? — спросил Кос, щурясь.

— Помогает Бертраму. Сказал, что и сами управимся.

— Он устроился подрабатывать в харчевне? — спросила Эльза, поджигая косячок о пламя толстой фиолетовой свечи.

— Он там живет, — ответил Чед, опустошая уже пятнадцатую стопку. — Развивает питейный бизнес. Сказал, что потом его помощь нам понадобится, но не сейчас.

— Ох уж эти зумбийцы, а? Полны загадок, — Кос выдохнул томную струйку дыма. — Ну чо. Приступим?

— Игорь еще обещал прийти... — укоризненным тоном произнесла Эльза.

— Раз обещал, значит придет. Начнем. Нам надо решить вопрос с рекламой.

— О-о! — Эльза зажмурилась от удовольствия. — Это же маркетинг! Пиар! Это же...

— Красивые слова, — буркнул Чед. — Умение заливать хуйню в уши.

— Но это же так... прекрасно! — блаженно простонала Эльза. — Даже романтично, не находите?

— Нет, — отрезал Чед.

— Да вообще по хуй как это называть, — в примирительном тоне высказался Кос. — Нам заказчики нужны, клиенты то бишь. Чо делать-то будем?

— Может, найдем глашатая? — предложила Эльза.

— Ага. Чтобы нас избегали как прокаженных, — мрачно пробухтел Чед. — Все ненавидят этих горлопанов.

— Короткие объявления на заборах? Это вроде сейчас называют контекстной рекламой...

— Мусор...

— Почтовые рассылки? Ну, знаете, спам?

— Мусор вдвойне...

— Блин, Чед, тебе ничего не нравится! — возмутилась Эльза.

— Ну а то.

— Чед сюда приглашен как мрачный консультант, Эльза, — сказал Кос. — Мы предлагаем, а он нас хуесосит.

— Нормальная работа у него, — протянула Эльза обиженно.

— Не жалуясь. Ты продолжай, — Чед опрокинул уже тридцатую стопку.

— Будем раздавать бумажки на улице? — снова начала предлагать Эльза.

— А потом ими будут бомжи подтираться, — хрипло засмеялся Чед.

— Блядь, Чед, ты любой настрой собьешь!

— Ну а то.

— Ну давай, давай. Обсирай меня. Давай. Сейчас я скажу еще... ну, газеты, например. Что скажешь? Снова подтереться? — Эльза начала закипать.

Воцарилось молчание.

— Да ладно, обсирай, чего стесняться... — Эльза выпустила пар.

Пауза затянулась.

— Ребят, вы чего? Обиделись, что ли? — недоуменно посмотрела Эльза на как будто остекленевших мужчин.

— Не, — еле слышно произнес Чед.

— Просто... — задумчиво сказал Кос. — Просто... газеты же норм?

— Газеты норм, — согласился Чед.

— То есть? — Эльза опешила. — Современная контекстная реклама, информационная рассылка на дом, аудиовизуальный контент через мини-театральные представления глашатаев — это не норм, а устаревший формат подачи информации вдруг стал нормой?

— А чем он устарел-то? — возразил Чед. — Газеты норм. Я читаю. Игорь читает.

— Игорь читает?! — возмутилась эльфийка.

— Эльза, давай не будем дискриминировать нашего общего друга, — мягко попросил Эльзу Кос. — Да, он не всегда блистает интеллектом, но в наше время порой требуется игорьковатый подход к делу.

— Игорьковатый? — Эльза нахмурилась.

— Конечно. А что касается твоей идеи, то... блядь... ну, газеты норм же! Только как их правильно использовать?

— А что там использовать? — недоуненным голосом произнесла Эльза. — Просто херачишь туда рекламный текст, покупаешь рекламное место и... ну, кто-то читает.

— А кто читает-то? — хмуро уточнил Чед. — В этом и проблема.

— Не поняла...

В коридоре послышались голоса. Голоса подвыпивших людей. Если, конечно, антропоморфное существо, которому несколько тысяч лет, можно считать человеком.

Да и Игоря не все признавали за человека. Некий иной вид, игорьковатый.

— Уиии-уии! — распевал греmlin.

— Точно! А потом... ой, бля, мое очко... сидел сегодня весь день...

Кос вышел в коридор и выловил двух своих незадачливых сотрудников.

— Опаздываем, — сурово произнес он, вталкивая обоих в свой кабинет.

— А я был на удаленке, епт! Не подкопаешься! — возразил Игорь.

— Уиии! — поддакнул его закадычный друг.

— На хуенке. Опять бухал весь день!

— А вот и неправда! Я читал! В командировке, во!

Все на секунду остолбенели. И правда — в руках у Игоря была газета.

— Читал! — снова закричал Игорь, потрясая газетой как орудием словесного праведного негодования.

— И правда, — пришлось согласиться Косу. — Спиртягой от него не воняет...

— Воняет! — возразила Эльза!

— Это от меня, — поправил ее Чед.

— А, извини.

Игорь с размаху развалился в шикарном мягком кресле.

— О-о-о, очко охлаждается... хорошо...

— Уии! — греmlin сел рядом с ним на подлокотник кресла.

— Мы тут маркетинг обсуждаем, Игорь. Идеи есть? — спросил у своего друга Кос.

— А то! Весь день готовил, я прям бредогенератор ентих индей! А?

Все замерли в ожидании.

— Я, короч, клиента нам нашел!

— Ну нахуй! — одновременно произнесли Кос и Чед.

— А то! Я ж менеджер! Вместе с Пикселем сегодня всю деревню облазили!

— Уии-ии! — радостно запрыгал греmlin.

— Ну, рассказывай, — сказал Кос, поджигая свежий косячок.

— Короче, ловит нас на обочине один типок. Такой весь бохатый, понимаете? В мехах как в шелках.

— Вы на улице клиентов искали, что ли? — Эльза наморщила брови.

— А чо нет? Кричали как резаные.

— Блядь, — выругался Чед.

— А то! Менеджеры, епт! Все как надо! Пиксель даже на заборе написал, а я рядом хуй нарисовал, ххе-хе-ехх...

— Читает он, говорите? — сокрушенно произнесла Эльза, пряча голову в руки. — Интеллектуал наш...

— И вы после этого нашли прям охуенного клиента? — осторожно уточнил Кос.

— А то! Хуястого такого! — Игорь развел руками, словно показывая значимость размера. — Во-о-о-о! А,

Пиксель? Норм клиент, жирненький?

— Уи! Уи! Уи!

— Долбоеб, — очень тихо произнес Чед.

— А то! Мы к нему подходим, толкуем такие. Все такие льем в уши грязь. Очко ему разрабатываем то бишь, смекаете? Это мы можем. Менеджеры!

И Игорь показал всем сомкнутый кулак. Пиксель повторил жест. Вместе они выглядели потрясно. Как труппа бомжей-циркачей из сумасшедшего дома.

— И что дальше? — спросил Кос, наслаждаясь представлением.

— А чо дальше. Разводим его, короче, на бабосики. Обрабатываем хлопца. А он уши развесит да наживку заглотил, румяный весь такой, ух! В общем, законопатили мы его, и он нам сделку выдал дельную...

— Сделку дельную, — словно загипнотизированный повторил Кос.

— А то! Говорит, что типа он тут человек важный, шпехается со всеми, носопырка вся сажей забита, работает на благо общества то бишь.

— И кому мозги промыли, дайте угадать... — очень тихо прошептала Эльза.

Чед хмуро кивнул.

— В общем, обмаковали мы в ближайшем трактире сделочку это. Но я не пил! А Пиксель все подливал ему и подливал! Эка бестия, а?

— Уиии! — гордо надулся гремлиин.

— Я даже чеки взял на представительские расходы, а, каков! А чеки в файллик положил! А файллик в...

— Игорь, давай ближе к делу, — вежливо попросил Кос.

— А, ну да. Короче, он сказал, что надо нам принести шкурки десяти волков.

— Чего-о-о? — возопили все остальные.

— А то! Платит шикарно!

— Игорь, это браконьерство! Это незаконно! — запричитала Эльза.

— Это не браконьерство, это квест! — горячо возразил Игорь. — Это наш общественный долг, очистка зелени от кровожадных хищников! Это наша миссия!

— Экий долбоеб, нассали в уши и ходит, земля его носит... — пробурчал Чед.

— Я менеджер! Я принес сделку! Я...

Удивительным образом Косу удалось выпроводить своего друга до завершения фразы, а также закрыть за ним дверь. А потом еще одну дверь — на этот раз звуконепроницаемую.

— Ну... бывает. Первый блин комом, как говорится? — с усмешкой произнес Кос.

— Первый блин — это Игорь, — поправила его Эльза, поджимая губы. — И как Пиксель его слушается? Он же очень умный.

— Поведешься с дураком, — хрипло засмеялся Чед. — И мигом окажешься на его уровне.

— Наверное, — задумчиво произнес Кос. — Хотя Игорь не дурак. Он бредогенератор идей.

— Еще хуже, — прыснула Эльза.

— Не всегда, не всегда, — Кос рассеянным взглядом уставился на потолок, крутя в пальцах самокрутку. — Не всегда... иногда и самые бредовые идеи могут натолкнуть человека на правильный путь.

— Ты что имеешь в виду? — спросил Чед, наливая себе пятидесятую стопку.

— А то, что Игорь пришел с газетой. Он ее читает. Даже Игорь читает... значит, и остальные будут читать. Вопрос лишь в том, как донести всем эти газеты...

Эльза нахмурилась, а потом...

— Да...

— Не очень вас всех понял, — Чед посмотрел на своих друзей, пребывающих в полной блаженной прострации.

— Идеальная реклама — это... — начал Кос, блаженно закуривая.

— Это совмещение всех известных методов, — закончила мысль Эльза, находясь с Косом на одной мысленной волне. — Да...

И тут и до Чеда дошло. Словно последний кусочек мозаики встал на место.

— Вы чо, предлагаете выкупить эти газеты?

— Бери шире. Мы можем их сами напечатать. И раздавать их на улице, — мечтательно сказал Кос.

— И разносить их по домам, — Эльза закатила глаза в предвкушении.

— А заборы? — недоуменно покачал головой Чед.

— Когда-нибудь мы дойдем и до этой дряни, — сказал Кос.

У новенькой главбушки (как ее ласково называла Бегетта) случилась язва желудка. Сказывалось грамотное перенаправление неприятных сделок — если раньше Бегетта всяческими хитрыми способами препятствовала менеджерам в заключении контрактов, требующих особенно сложного документооборота, то теперь она могла слить все эти нечистоты на свою коллегу.

Конечно, Рунная сначала пыталась протестовать — у нее же производство, а не торговая фирма, но эзотеричный склад характера новой главбушки не способствовал успешной корпоративной борьбе. Да, она умела метко кидать степлеры, но и Бегетта была не промах. Один раз она проломила дыроколом череп логисту — пришлось нанимать нового. Зато теперь весь отдел транспорта и межгородских связей заходит к ней в кабинет *со стуком*.

Главное — это уважение, как считала Бегетта. Уважение к самой себе.

— Хорошо идем, а, Хомяковна? — насвистывая веселую мелодию себе под нос, сказала Бегетта своей помощнице.

— Это точно, — подтвердила госпожа Хомяковна, борясь с очередным актом сверки.

— Оборотку проверила сегодня?

— Пока нет.

— Давай шустрее, скоро уже конец рабочего дня, — сурово поторопила свою коллегу Главная.

— Я задержусь, — успокоила свою начальницу госпожа Хомяковна.

Перед закрытием квартала госпожа Хомяковна частенько задерживалась. Конечно, ей это было не совсем по нраву. Конечно, ей за это не доплачивали. Но... Регламент стоял выше ее собственной жизни.

Надо — значит, надо. А находиться подолгу дома все равно не хотелось — в голову лезли какие-то Голоса. Может, ей надо лечиться?

Нет! Госпожа Хомяковна помотала головой.

Я здорова!

— Нет! — всхлипнула она.

— Хомяковна, ты сама с собой, что ли, говоришь? — усмехнулась Бегетта, вонзая зубы в сладкую булочку.

— Извини. Акт сверки попался сложный...

— Бывает. Ладно, ты пока работай, а я схожу в закупки и...

Бегетте пришлось сесть обратно за свое место. В кабинет вошла женщина. Без стука.

— Да? — властно прогудела Главная.

— Добрый день, — женщина откинула за плечо свою шикарную беловласую косу. — Я новый сотрудник, меня зовут Василиса.

— А, — Бегетта слегка успокоилась.

Надо будет обучить новенькую манерам. А то входит как к себе домой...

— Мы недавно тебя оформляли, — сказала госпожа Хомяковна, роясь в бумагах и даже не смотря на вошедшую женщину.

— Да, благодарю вас. Официальное оформление — это важно, — женщина степенно кивнула.

— А куда оформляли-то, Хомяковна? — решила уточнить Главная у своей помощницы.

— В отдел продаж.

Бегетта беззвучно выругалась. Менеджеры. Она всегда ненавидела их. Всегда старалась поставить им подножку. Терпеть их не могла.

Менеджеры — это гнилой сброд, чума на голову бухгалтерии. Всегда прут со своими дурацкими сделками...

— Ну и что надо? — крайне нахальным тоном спросила Бегетта.

— Я бы хотела оформить налоговый вычет на ребенка.

Бухгалтерам повезло. Госпожа Хомяковна в это время не пила чай, а то ненароком бы захлебнулась, а Бегетта не вкушала вкусных булочек, а то ненароком бы подавилась.

Но определенные метаморфозы с бухгалтерами все же произошли. Госпожа Хомяковна разом побледнела, а лицо Бегетты приобрело ярко-красный помидорный оттенок.

— Чего? — Бегетте показалось, будто она ослышалась.

Никто... да, абсолютно верно — никто... Никто!

Еще раз подчеркнем... *никто*...

Никто никогда в этой фирме не осмеливался просить о каких-либо вычетах. Этой пигалице, этой выскочке, что, не объяснили?

Госпожу Хомяковну начало трясти, лихорадить, бить крупная дрожь. Она вся пожухла, увяла, сжалась.

Это безобразие, думала про себя госпожа Хомяковна, форменное безобразие. Нарушение Регламента. Как только она осмелилась...

— Есть проблемы? — сухо уточнила новая менеджер.

И она еще спрашивает, с ужасом подумала про себя госпожа Хомяковна. Она еще *спрашивает*!

К счастью, Бегетта уже частично оправилась от перенесенного шока. Никогда в жизни она не оформляла какой-либо вычет на сотрудников (за исключением себя самой, разумеется). И никогда... никогда не нарушит сей славной традиции!

— Нет, — сказала как отрезала Главная. — Мы *здесь* не оформляем таких вычетов.

— Это нарушение закона, — спокойным тоном парировала менеджер.

— Вот, значит, как?

Бегетта встала. Очень медленно. Те, кто ее знал, очень быстро бы ретировались. Госпожа Хомяковна боролась с желанием спрятаться под стол.

— Да. Исполняйте закон, — сурово произнесла Василиса. — Так положено.

— Так положено, — пропыхтела Главная, надвигаясь на новую сотрудницу. — Положено, значит...

В мгновение ока Бегетта оказалась рядом с Василисой. Ее могучая рука схватила белокурую головку незадачливой новенькой и направила ее к ряду папок, корешки которых специально затачивались для таких особых случаев. Еще мгновение, и вместо лица у менеджера будет кровавое месиво. Госпожа Хомяковна затаила дыхание, смотря на происходящую корпоративную баталию во все глаза.

Но новенькая вырвалась. В последний момент. И каким-то немислимым чудом на волне инерционной энергии оттолкнула Бегетту. А затем прикрыла дверь в бухгалтерию.

— Вот, значит, как, — прошипела Василиса. — Вы не хотите по-хорошему...

— Все хорошее закончилось, когда ты попросила вычет, тварь! — выплюнула ей в лицо Бегетта.

— Значит, у меня не остается выбора.

Новенькая задрала юбку и отстегнула прикрепленный к ноге ремешок. Расстегнула ремешок. Обнажила сверкающее лезвие ножа, которое убийственно засверкало при свете офисных ламп.

И менеджер бросилась в атаку.

У госпожи Хомяковны оставалось всего пару мгновений на раздумья. Ее лихорадочный мозг сначала даже успел возмутиться. Нарушение Регламента, да еще какое! В офисных войнах категорически нельзя использовать летальное оружие, а только дозволенную Регламентом канцелярщину. Конечно, в умелых руках и степлер может причинить немало вреда, но нож... а что дальше? Пистолеты будем с собой носить?

Дальше надо было уже соображать быстрее. Спасать начальницу или нет? Конечно, Бегетта частенько обижала свою помощницу, но они столько лет вместе...

Столько прошли...

Столько сделок оборвали злополучным менеджером...

Столько посплетничали, насобирали слухов, что на увесистый книжный томик хватит...

Столько чаю выпили...

Да, чай скрепляет людей. Чай — это главное.

Чай...

И в момент, когда лезвие почти коснулось шеи Главной, госпожа Хомяковна достала свое секретное оружие. Хранившееся в потайном ящичке, что располагался в другом потайном ящичке, а все эти ящички были скрыты под договорами прошлых лет, которые никто в жизни не захочет разбирать.

Она достала... чайную ложку. Высшее бухгалтерское орудие возмездия.

И это стало началом конца.

Смеркалось.

На небе зажгались красивые звезды, люди мечтали о вечерней прохладе, о Любви, о выходных, о кошках и выпивке. Народ в Колосике был простой — лишь бы не трогали.

Кос сидел в своем шикарном кабинете, просматривал сложные бумаги, потирая глаза. Скоро на работу придет (или прилетит? Лучше об этом не думать) Вася, настоящий представитель рода сов — спит днем, а работает ночью. И если для обычных людей такой распорядок дня губителен, то для вампира является обыденностью. Особенно для вампира-бухгалтера, ибо бумаги любят тишину. Тяжело сосредоточиться, когда рядом беснуется сумасшедший Игорь, требующий признания своих менеджерских талантов, когда Эльза бранит всех на свете, когда

случайные зеваки заходят в офис смеха ради: «А вы чо, тип, искатели приключений, гы? Как в книжках? А где мечи? Сколько опыта дают за монстра, гы-ы-ы?».

Эти глупые люди не понимают, что искатели приключений — это не про сами приключения, а про тонну бумаг, раскладку их по папочкам, постоянные отчетности практически всем существующим государственным надзорным органам... и они только открылись!

Только открылись... Кос устало потер переносицу. От этих бумажек уже голова кругом идет. Вот ему вчера Вася с почты принес заказное письмо — какие-то тендерные предложения от Общего собрания Садоводческого товарищества города Колосика. По идее, тендер — это всегда ценовое соперничество с несколькими фирмами-конкурентами, но тут государство решило предложить им «монопольные тендеры на благоустройство городской среды».

То есть, по сути, это распил бюджета, но в красивой упаковке. Они должны будут оказать государству услугу, предложить свою цену, государство поторгуетя для вида (тендер ведь, надо торговаться), затем все эти торги отразят на бумаге, дело примет официальный оборот, а потом зашуршат страницы договоров из тысяч пунктов и десятков тысяч подпунктов... все это прошьется, завизируется, скрепится печатями, пожмутся потные ладошки, деньги начнут распределяться по кармашкам...

Как же сложно... и, самое неприятное, этим придется заниматься, чтобы угодить власть имущим. Они и так под слишком пристальным вниманием налоговой, чтобы искать себе врагов в местном административном аппарате. Надо дружить. Со всеми. Вообще со всеми.

И заполнять множество бумаг. Похоже, надвигается еще одна бессонная ночь с Васей...

Надо выпить. Надо срочно выпить, подумал Кос. Или не надо? Способствует ли офисная работа спиванию? Он никогда ранее об этом не задумывался.

Раздался нежный перезвон колокольчика. Вася пришел? Вроде обещал попозже...

Колокольчик зазвонил вновь. Надо бы его отрезать. Меньше всего Косу сейчас хотелось бы встречаться с людьми. И с не-людьми тоже.

Он медленно прошел по коридору к входной двери в офис, открыл ее, устало взглянул на посетителя.

— Да? — спросил он, широко зевая.

— Мне нужна помощь. Я извиняюсь за поздний визит. Мне зайти завтра?

Шипящее выплевывание слов создавало интересное сочетание с общими вежливыми интонациями. Перед ним стояла невысокая фигура, облаченная в темный плащ, не характерный для такого теплого вечера. Кос бесцеремонно отдернул капюшон посетителя, чтобы увидеть лицо.

Зеленая шершавая рожа невинно улыбалась.

— А, — выдавил из себя Кос.

— Я не кусаюсь. И у меня есть вопросы.

— Пить будем? — участливо спросил Кос, пропуская гоблина вперед.

— Нет. Это очень вредно для организма. Возможно привыкание, аддиктивность, я бы сказал.

— Значит, не будем?

— Не будем, — твердо настоял на своем чешуйчатый посетитель.

Кос устало вздохнул и провел гостя в свой кабинет. Там он даже не закурил, просто плюхнулся на свое кресло и отодвинул в сторону ненавистные бумаги.

— Забот полон рот, да? — сочувствующим тоном спросил гоблин.

— Ага. Тип того. Вообще все заебал.

— Понимаю. На моей работе так же многие говорят. Хотя я считаю, что труд нам дан свыше, и мы должны показать себя с лучшей стороны. Но ребята мое мнение не разделяют.

— Ты начальник, что ли?

— Нет, что вы! — слегка возмутился зеленый вечерний посетитель. — Обычный работяга на обычном заводе. Я из Brentona, приехал к вам на скором дилижансе. Пришлось даже взять пару дней за собственный счет. Отпусков нам, видите ли, не дают...

— Ну ладно, — отмахнулся Кос, которому все это было не интересно. — Чо пришел, рассказывай.

— Понимаете ли, я услышал о вашем предприятии от своего кузена, облаву на которого вы совершили не так давно. Помните, форт Ячменный?

Кос помнил. Эти воспоминания заставили его резко выпрямиться и отпрянуть.

— Все хорошо, — гоблин пытался успокоить Коса. — Все хорошо. Я не таю зла. Мы не таим зла. Некоторые из нашей братии идут по дорожке преступлений, поэтому немудрено, что иногда они спотыкаются. Вы сработали на совесть. И я заверяю вас, что я не имею ничего общего с моими родственниками — я обычный трудяга.

— Трудяга, говоришь? Когда я разговариваю с тобой, мне все кажется, что ты мне нож в печень сейчас воткнешь.

Гоблин приглушенно рассмеялся.

— Это правда. В нашей пролетарской среде царят бунтарские настроения, которые готовы вспыхнуть от одной лишь ненароком брошенной спички раздора. Но, уверяю вас, я не кусаюсь. Я цивилизованный гоблин.

— Таких не бывает.

— О, да вы расист, — гоблин хитро посмотрел на Коса. — Хотя, вынужден признать, что ваши опасения чаще всего оправданны. Мои собратья немного...

— Да суки твои собратья, — Кос как-то внезапно расслабился и вынул из кармана косяк. — Будешь?

— Нет, ни в коем случае, — горячо запротестовал гоблин. — Наркотики крайне пагубно влияют на нервную систему.

— Учужал, значит? — хмыкнул Кос, закуривая. — Ну и пусть влияют. И так от нервов ни черта не осталось при такой работе.

— Я все же вам рекомендую не употреблять даже легкие виды наркотиков. Это впоследствии изменит вашу структуру нервных клеток.

— Ебануться. Первый раз вижу умного гоблина.

— Мы все умны. По-своему. Просто я цивилизованный. Я очень стараюсь.

— Ага. У тебя прям пот выступил на лбу.

— Я борюсь с собой. Конечно, мне хочется вогнать вам нож в шею за ваше неподобающее поведение, но я цивилизованный гоблин.

— Как зверь в клетке, а? — Кос нагло усмехнулся. — Я так со всеми разговариваю, успокойся. Я тоже цивилизованный. Просто понимаю, что все эти игры в толерантность до добра не доведут, понимаешь?

— Понимаю, — гоблин облегченно вздохнул. — Прошу простить за мои сиюминутные гневные порывы. Все хорошо. Люди и гоблины должны жить в мире. Я цивилизованный. И я хотел бы попросить вас о помощи.

— Давай. Проси. Я не кусаюсь.

— Ваши зубы не совсем предназначены для *настоящих* укусов, но мы это опустим. Дело в том, что я хотел бы попросить вас помочь мне трудоустроить своего сына.

— Кого?

— Сына.

— А-а. Маленького гоблина? — Кос выдохнул толстую струйку дыма в направлении гостя. — Нет. Я ненавижу гоблинов.

— Я тоже ненавижу людей, — сурово произнес гоблин. — Но я стараюсь их полюбить. Я цивилизованный гоблин.

— Ну и ебись сам с собой. Мне-то что? Зачем мне держать зверушку, от запаха которой меня тошнит?

— Ради расового примирения.

— Ты недавно хотел мне нож вогнать в глотку. Это я так, напоминаю.

— Я СТАРАЮСЬ! Я ДЕРЖУСЬ! Я ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ!!!

Гоблин резко встал с места. От него словно шел пар.

— И куда ты доедешь таким образом? — миролюбиво спросил Кос, не пошевелив и мускулом. — До ближайшей дурки?

— Может быть, — огрызнулся гоблин. — Но я стараюсь! Стараюсь!

— Неплохо получается, в принципе, — похвалил гоблина Кос.

— Правда?

— Ага. Правда, убийственный блеск в глазах ты так и не научился скрывать. У вас есть гоблинские психологи хоть?

— Нет, — зеленый посетитель устало рухнул на стул, словно из него разом вышибли весь воздух. — В наших племенах презирают психологов. Это шарлатаны.

— Это правильная мысль, — согласился Кос.

— И выпускать пар нам советуют в битвах, понимаете? То есть перерезать вам глотку считается *правильным*.

— Хорошая мысль. Мудрая.

— Но не далекоидущая. Мы должны идти вперед вместе, рука об руку. Забыть наши старые споры и разногласия.

— Угу. Осталось только забыть текущие, — Кос потянулся как довольный обкуранный кот. — Ладно. Заебало. Что там с сыном твоим?

— Умоляю, — гоблин наклонился к Косу, — трудоустройте моего сына. Я могу заплатить.

— Чо? — удивился Кос. — Заплатить? Это я же должен ему платить.

— А заплачу я, — твердо сказал отец. — Потому что моего сына нигде не берут.

— Как так? Сейчас же в моде толерантность, ваши зеленые права лоббируют почти во всех городах.

— Это так. Но люди хитры. Они придумывают всяческие отказы, лишь бы не брать моего сына на работу. Понимаете... с ним сложно. Он... как бы лучше сказать... вредный...

— Заебал всех, да?

— Можно и так сказать. Он очень умный, любознательный, способный и аккуратный. Но он постоянно кричит про свои права, старается защитить себя. Он как дикий зверек, понимаете. Ему очень нужна трудотерапия. Прошу, я могу заплатить.

— А чо мне твои деньги-то? У меня и своих навалом. Ты же понимаешь, что твоего сынка тут будут избивать за любую хрень?

— Значит, пусть будет так. Главное, чтобы я этого не видел. И не слышал про это. А то мое сердце кровью будет обливаться...

— Ты готов даже на крайние меры?

— Уже да. Я устал бодаться с ним. Поймите... я люблю его...

На глазах у гоблина выступили скупые отеческие слезы.

— Да уж. Плачущие гоблины, — Кос передернулся. — Что дальше? Вампиры, любящие чеснок?

— Я никогда не откажусь от блюд с чесноком, — раздался рядом с ними шелестящий голос, от которого вздрогнул гoblin. — В них есть своя прелесть.

— А, Вася, — Кос даже не посмотрел в сторону внезапно материализовавшегося бухгалтера. — Мы гoblin мелкого сможем устроить?

— Конечно. Это даже позитивно скажется на нашей репутации.

— Заебись, чо. Давай брать.

— Вы мне правда поможете? — спросил гoblin, хватая Косу за руку.

— Нет, — Кос вырвался, отряхивая руку. — Если он не будет работать, то вышвырну его отсюда. Нам тут блатные не нужны.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — гoblin затряс головой в приступе благодарности. — Я по гроб жизни ваш должник!

И он ушел. Словно его и не было.

— Ну чо, Вась, гоблины, тендеры, попилы бюджета? Как тебе?

— Честно признаюсь, заморочено. Но пока что терпимо.

— А потом?

— А потом мне может потребоваться помощник.

В кабинете врача было не только крайне стерильно, но также опрятно и довольно уютно. Мирный запах лекарств вдыхал надежду в несчастного посетителя, у которого хватило денег (еле-еле), чтобы воспользоваться услугами платной медицины.

— Заходите, не бойтесь, — милый добрый старик поманил девушку к себе, приветливо хлопая рукой по кушетке.

— Присаживайтесь, будьте как дома.

— Я, пожалуй, постою, — Василиса скривилась от боли. — Я...

— А, прошу простить, — старик быстро засеменял к шкафу с загадочными блестящими инструментами. — Сегодня один прием отменился, поэтому я вас перепутал. Да, конечно. Не надо садиться. Ни в коем случае.

Он забормотал что-то про себя, внимательно осматривая свой обширный врачебный арсенал.

— Ни в коем случае, — снова повторил он, будто в рассеянности. — Ни за что. Нет-нет...

Он наконец нашел то, что искал, достав из глубоких темных закровов врачебного шкафчика нечто похожее на щипцы, воронку и...

Василиса покраснела — уже больше от смущения, чем от боли.

— Не смотрите, смотреть не надо, все хорошо. Ложитесь. Но сначала разденьтесь. Не бойтесь, я уже старенький, посмотрелся за свою практику. Много чего увидел... не стесняйтесь, раздевайтесь. Так, хорошо. Теперь ложитесь на живот.

Василиса послушно легла, обнажив перед врачом свою обширную молодую пятую точку.

— Слегка раздвиньте ноги. Так. Нет, еще больше. Не стесняйтесь, здесь все свои. Так... хорошо...

Василиса услышала, как доктор поспешно натягивает резиновые перчатки на руки. Затем он снова убежал к шкафу, порывшись там, вернулся. Василиса никогда бы не позволила себе лежать в такой позе перед мужчиной, но сегодня у нее не было выбора. Да и доктор Проктор считался лучшим в Сартии — по крайней мере, в определенной интимной области. Опытный врач...

Девушка зажмурилась, когда почувствовала, как нечто прохладное полилось... полилось?

— Нет...

— Все хорошо, так надо, будьте молодцом, — проговорил доктор, вставляя в нужное увлажненное отверстие

расширитель. — Понимаю, процедура не совсем приятная, но здоровье превыше всего... да, превыше всего... расслабьтесь...

Как можно было расслабиться в таком состоянии? Особенно когда... о нет... нет-нет-нет!

— Да-да-да! — прокричал доктор, отвечая на ее глухие вопли. — Мы идем дальше!

— Слишком глубоко! — простонала Василиса.

— А вы как хотели? Это всегда непросто... так... расслабьтесь...

И в тот прекрасный момент, когда пациентка подумала, что ее пятая точка сейчас треснет, все вдруг закончилось. Кроме разве что мерзкого хлюпанья, которое ей еще долго будет сниться в самых страшных снах.

— Ну вот, а вы боялись, — с победоносным видом сказал доктор, весь сияя от гордости.

— Все... все?

— Да, конечно. Операция завершилась полнейшим успехом. Вставайте, одевайтесь, не стесняйтесь.

Стесняться тут нечего, я бы так сказал, хм...

Он задумчиво изучал дурно пахнущую блестящую на свету находку.

— Ювелирная работа. Настолько точно и филигранно обыграно...

— Доктор, прошу вас, — Василиса поморщилась, — уберите это, пожалуйста.

— Да? Да. Да, конечно, — Проктор отбросил злополучный предмет в склянку с очищающим раствором. —

Вам оставить ее? Завернуть с собой?

— Выбросите! Видеть это не могу... все два дня как в мучительной пытке...

— Понимаю, — важно кивнул доктор. — Очень изощренный и старинный метод наказания и возмездия.

Подумать только, сохранились мастера...

— Доктор, какие мастера! Мне на работе воткнули эту ложку...

Василиса уже чуть ли не плакала.

— Но-но, успокойтесь, — Проктор слегка погладил свою расстроенную пациентку. — С кем не бывает. Не угодили начальству? Не сошлись с коллективом?

— Я просто хотела исполнения закона!

— О... это достойно. А чего просили?

— Вычет налоговый... на ребенка... — Василиса заплакала.

— О... — Проктор отдернул руку от пациентки. — Это несколько опрометчивый поступок. Но вы все равно молодец. Я бы не осмелился.

— Почему, доктор, почему? Я просто хотела, чтобы все было по закону. А они мне ложку в задницу засадили!

— Ну... да. Хотя, — тут доктор повеселел, вспомнив былое. — Помню, в мои стародавние времена за такие запросы в бухгалтерию человек сразу попадал в немилость и осуждался на высшую по тем временам меру наказания — писал сотни сопроводительных писем!

— Это... ужасно! — Василиса побледнела, резко перестав плакать.

— О, это вы еще с описью вложения не сталкивались на старой почте. Были времена, да...

— Доктор, а вы тогда тоже просили вычет на ребенка?

— Нет, что вы, я не настолько смел. Я хотел пойти в отпуск. Да, помню, даже требовал себе выходные дни!

— И как вы решили этот вопрос? — поинтересовалась девушка.

— Очень просто, — доктор очень по-доброму улыбнулся. — Перестал ходить в отпуск. Довольно элегантное решение, если задуматься, не правда ли?

Ученые Вайтпилла, если признаться, никогда всерьез не изучали гоблинов. Конечно, изучение любых живых существ — это вопрос несколько аморальный, но одновременно донельзя интересный и любознательный. А так как в Вайтпилле, как мы уже знаем, не приживалась (а если и приживалась, то тут же истреблялась) любая религия, то моральные нормы формулировались только в законодательных нормативных актах отдельного города страны. И многие законы поощряли ученые разработки, государственная казна финансировала местные научные университеты, а быть нынче ученым так же почетно, как и магом в стародавние времена.

С гоблинами, правда, постоянно возникали неувязки. Будучи крайне агрессивным племенным народом, который не давался никому без боя, гоблины доходили до исследователей только после крупной заварушки — обычно мертвыми. Да и не все стремились изучать столь мерзких вонючих созданий, потому что, признаемся себе честно, кому они нужны?

Лишь некоторые фанатичные ученые, преданные идее, что все в мире требует тщательного изучения — от навозных куч до космических просторов, — пришли к некоторым интересным выводам касательно образа жизни гоблинов, строения их тела, а также их магического происхождения. К сожалению, многие из этих исследований нынче утрачены (украдены?), а в современном мире из-за лоббирования толерантных организаций, имеющих влияние на правителей городов, на очередном Совете Городов было постановлено особое отношение к гоблинской расе. Теперь зеленокожим ублю... гуманоидам давались определенные преференции, поблажки, предоставлялись

государственные дотации — в общем, люди скрипели зубами, но ничего поделывать не могли, приходилось выносить соседство не только с эльфами, орками, дворфами, вампирами и прочими-прочими, но и с гоблинами. И дружба с последними давалась людям ой как не просто.

Если сегодня любопытный гоблинский исследователь решит серьезно изучить наших современных зеленокожих собратьев, то непременно натолкнется на череду запретов, ограничений и прочих сковывающих движение и свободу мысли государственных костылей. Удивит современного исследователя и ограниченность людских познаний касательно гоблинов — ведь эти засранцы существуют со дня сотворения мира, и никто о них ничего не ведаёт!

На самом деле знания тщательно скрываются властями — по непонятной многим причине. Лишь в Библиотеках некоторых эльфов, Хранителей Знаний, можно найти заветные фолианты, посвященные гоблинской проблеме. Если бы, к примеру, Илларион поделился с вами такой книжкой, то из нее (если знаете старозельфский, конечно) вы бы узнали некоторые примечательные факты.

Например, у гоблинов по неизвестной миру мистической причине никогда не рождаются девочки. В принципе, это доступное простому народу знание, ведь гоблинок и правда не существует, но в книге довольно подробно объясняется, что здесь замешана магия, причем первородная, или, как ее называют эльфы, истинная. И с помощью этой самой истинной магии гоблинская сперма обладает поистине чудодейственным свойством — какую бы женскую особь они ни оплодотворили, всегда рождается гоблин мужского пола. В книге также указываются примеры, когда гоблины осеменяли признанную бесплодной женщину, а ребенок все равно зарождался в ее утробе.

Таким образом, гоблины являются неким вместилищем истинной магии, которая может проявляться в самых неожиданных формах. И если задуматься о том, что гоблины и эльфы имеют схожие...

Похоже, стучат. Пора закрываться. А книгу пока спрячем, подальше от чужих глаз.

Эльза очень нежно и мягко растолкала Коса.

— Может, кофе выпьешь?

— А... чо? — Кос осоловелыми бестолковыми глазами осмотрел помещение, глупо воззрился на эльфийку, не понимая, что от него хотят.

— Опять всю ночь работал?

— Я не работаю, — Кос резко помотал головой, отчего вокруг него запрыгали кузнечики и разноцветные звездочки. — Я маюсь дурью.

— Это и означает работать, — сказала Эльза на бегу, устремившись к кипящему чайнику.

— На хуй такую работу...

Кос потянулся, как сонный, разморенный жизнью кот, а затем принялся аккуратно складывать в стопочки накопившиеся у него на столе бумаги.

— Ты знаешь, — задумчиво произнесла Эльза, наливая ему кофе, — я сначала думала, что искатели приключений — это... ну, про приключения? А оказалось...

— Бумажки, чтоб их побрал, — Кос засунул себе в рот тонкую самокрутку, — ебаные бумажки, изо всех щелей прут. Вася объяснил, что так всегда. Потом должно стать повеселее. Или не станет. Хуй знает, Эльза.

— Ты говорил, что тебе сегодня нужна будет какая-то помощь, — напомнила ему Эльза, усаживаясь в мягкое кресло напротив его стола.

— Ну да, — Кос отхлебнул очень крепкого кофе из чашки и поморщился. — Сегодня должен один новый сотрудник прийти. На собеседование, чтоб его.

— Собеседование, — глаза у эльфийки загорелись. — Правда? Правда-правда? Я обожаю собеседования!

— Ну вот видишь, как нам повезло. Это будет гоблин, кстати.

— О.

— Ненавижу гоблинов!

В дверном проеме кабинета, где они сидели, вдруг материализовался Вася, держащий в руках какой-то спортивный тяжелый снаряд, в очертаниях которого угадывалась чайная кружка.

— И все же, — шелестящий голос Великого Бухгалтера влился в уши Коса и Эльзы, — если мы найдем представителя бенефициарной расы, то репутация нашей фирмы возрастет. Возможно, что налоговая даже простит нам парочку огрехов в отчетности.

— Налоговая будет закрывать глаза на ошибки из-за... гоблина? — не поняла Эльза.

— Именно, — подтвердил Вася. — Это новая государственная политика.

— Политика всего ебаного мира, блядь, — выругался Кос. — Налоговики же надо всеми...

— Говорят, что да, — уклончиво ответил Вася. — Пока что это неофициальное распоряжение, но мне недавно пришло письмо счастья от нашей местной инспекции, где они намекают... довольно прозрачно намекают, если вы понимаете, о чем я.

— А на эти письма можно ответить? — спросила Эльза. — Извините за глупый вопрос.

— Любой вопрос касательно бухгалтерии не может быть глупым, а лишь любознательным. Бухгалтерия — это наша жизнь, Эльза. Так вот, на рассылки от надзорных органов отвечать не рекомендуется, но, насколько я слышал, опять-таки согласно слухам, им можно звонить.

— Звонить? Чо, блядь? У них телефоны есть? — возмутился Кос.

— Конечно. Это же государственный контролирующий орган. У них есть все.

— Суки, на наши налоги...

— Даже в самых современных больницах нет телефонов, — нахмурилась Эльза.

— Угу. Твари, — высказался Кос. — Слушай, Вася, а эти телефоны дорогие?

— Очень, — Вася назвал примерную сумму, и Эльза аж на стуле подпрыгнула. — Целое состояние стоят.

— Давай купим, чо. Сможем оприходовать?

— Конечно. Как основное средство. Амортизацию заодно начислим.

— Кос, зачем нам телефон? — ужаснулась Эльза. — Ты же не собираешься звонить *им*?

— Да пусть будет! — Кос отмахнулся. — Надо идти в ногу со временем, все такое... А чо? Пусть будет...

И он задумчиво закурил, поэтому друзья сразу поняли, что это решение окончательное и тут нет места для споров и возражений.

Госпожа Хомяковна отошла на обед. Была там всего-то каких-то двадцать минут. В последнее время в местной столовке стало невозможно адекватно питаться — порции не докладывали, суп был переперчен, а иногда и очень сурово пересолен, в булочках было больше жира, чем мяса, рис скрежетал на зубах, а от рыбы не пахло и разгрызть ее не представлялось никакой возможности.

В животе у госпожи Хомяковны бурчало, когда она возвращалась в свой кабинет, прихватив с собой пакетик с вкусно пахнущими булочками, которые она прикупила в соседнем магазинчике.

В смежном кабинете она заметила Рунную, которая, видимо, вышла на работу в середине дня. Лицо у замученного бухгалтера было бледным, руки тряслись, все тело было преисполнено мышечными спазмами, которые напоминали непрерывную череду нервных тиков.

Может быть, на нее наорал Директор? Совершенно не исключено.

— Здравствуйте, — поприветствовала госпожа Хомяковна свою коллегу.

— Добрый день, — скривилась главный бухгалтер № 2.

Госпожа Хомяковна быстро просеменила к своему кабинету, где застала еще один очаг конфликта, на этот раз исходящий от Бегетты. И судя по злобному взгляду главного бухгалтера, конфликт намеревался вскоре разыграться.

— Ну и где ты шмялась? — сразу взяла с места в карьер Бегетта.

— Обедала, — госпожа Хомяковна нахмурилась, она не любила, когда ее ругали. — А что? Меня не было всего полчаса.

— Все эти полчаса трезвонил этот проклятый аппарат и действовал мне на нервы! — Бегетта указала на телефон, который был погребен под залежами бумаг на столе у госпожи Хомяковны.

Менеджеры и закупщики решили элегантно отомстить бухгалтерии и упростили Директора поставить один из телефонов в кабинет Бегетты. Объяснили ситуацию тем, что у них не хватает сил отвечать всем клиентам подряд, поэтому...

— Какого черта? — возмущалась Бегетта в кабинете у Директора пару дней назад. — Мы не менеджеры! Мы что, теперь их работу должны делать?

— Именно, — мягко проговорил Рыбкин, давний враг Бегетты.

Господин Рыбкин служил в компании со дня ее основания, был давним знакомым Директора, а среди персонала звался Коммерческим. Он и пара его верных менеджеров имели огромную власть в этой маленькой уютной фирмочке, но проявлял он свое участие в офисных войнах нечасто — обычно по приглашению и всегда далеко не бесплатно.

— Все ты, сука? — прошипела Бегетта, с ненавистью смотря на Арбайтовну, которая сидела рядом с Рыбкиным и очень мило улыбалась.

— Ну что ты, моя дорогая Бегетта. Кто на что учился, да? Хи-хи.

Рыбкин мягко погладил коленку Арбайтовны, проведя своим наждачным языком по своим слипшимся засохшим противным губам. Он всегда получал желаемое.

— В общем, в чем вопрос? — сурово спросил всех Директор. — За что я вам всем плачу? Все решили? Вот и хорошо. Все свободны.

В тот день Бегетте пришлось признать свое поражение. Поэтому она отчаянно искала, на ком спустить пар. Вчера ей удалось избить в уборной одну помощницу менеджера за то, что она осмелилась попросить выплатить ей больничные.

— Больничные... — пыхтя, произнесла Бегетта, обрабатывая сотрудницу ершиком для унитаза. — Засунь себе

в жопу эти больничные, ты поняла?!

Сотрудница плакала, отбивалась, но Бегетта была сильнее.

Но этого было мало. И сегодня настал черед госпожи Хомяковны расплачиваться за победу отдела закупок над бухгалтерией.

— Так сама бы и взяла телефон, — спокойно сказала госпожа Хомяковна своей начальнице, что было, несомненно, ошибкой.

— Чего-о? — возмутилась главная бухгалтер, вся пунцовая от негодования. — Что ты себе возомнила? Я должна отвечать на звонки клиентов? Я?

— А я что, обедать не должна, так, что ли? — госпожа Хомяковна начала огрызаться — голодное настроение давало о себе знать.

— Так, блядь, не обедай! Жри здесь!

— У меня есть час на обед! Целый час!

— Ты права покачать решила, а? Сучка эдакая. Ты из-за меня тут сидишь, поняла? Час у нее есть... у тебя ничего нет, поняла? Будешь вякать — вылетишь отсюда!

Госпожа Хомяковна поникла. Села и пригорюнилась. Она не представляла, как найдет работу в ее возрасте. Сейчас всем тяжело...

— Ты поняла?!

— Да, — тихо проронила госпожа Хомяковна.

Но Бегетте, еще не отошедшей от унижения, которое ей доставила Арбайтовна, было мало. Она привстала, наклонилась к столу своей помощницы и впечатала голову госпожи Хомяковны в груды бумаг на столе.

— Работай и не вякай! — закричала Бегетта.

И госпожа Хомяковна принялась за работу.

Проверила акты сверки. Оприходовала несколько документов. Пробежалась по оборотке. Разложила все документы на столе аккуратно по папочкам. Внесла новые договоры в соответствующий реестр.

А потом, когда Бегетта и остальные ушли из офиса, то вдоволь наплакалась. И решила не возвращаться домой. Там опять ее будут ругать Голоса, которые всегда знают, что с ней случилось. Конечно, дома беспорядок, но... обождет.

Да, обождет. Лучше поработать. Это же на благо.

Она достала из-под стола пакет и вынула из него слегка зачерствелые булочки. Поставила чайник, который потом весело засвистел, напоминая о самом главном в жизни любого бухгалтера.

О чае. Госпожа Хомяковна зажмурилась. Чай — это жизнь. Чай и какое-то занятие. А чем можно заняться глубокой ночью?

Госпожа Хомяковна пошарила взглядом по кабинету. Папочки... нет... отчеты... не по ее душу... комплектации... не сегодня... почта...

Да. Почта. Почта — это тоже жизнь. Обратная сторона чая. Квинтэссенция бухгалтерской энергии. Это у главных бухгалтеров в голове всякие отчеты, налоговая, баланс... а настоящая бухгалтерия начинается с самых азов. С чая и почты.

И никаких телефонов. Госпожа Хомяковна с отвращением посмотрела на злосчастный аппарат. И какой идиот его придумал? Зачем все эти нововведения, если они только усложняют жизнь?

Сегодня она не вернется домой. Поспит за столом. Она не выдержит новой порции Голосов, которые будут требовать ее увольнения. Куда ей увольняться? Куда идти? Правильно — некуда. Ее место здесь. Вот за этим самым столом.

За этим столом она пьет чай.

За этим столом она работает.

За этим столом и умрет.

Все просто. Зачем вечно все усложнять?

Госпожа Хомяковна принялась за работу.

Этот гоблин был... модным. Насколько только это можно сказать про гоблина. А еще он был довольно маленького роста, моложав и чрезвычайно интеллигентен на вид. Опять-таки, для гоблина.

Для гоблина любой шаг вперед к цивилизованности — это как для человечества покорение новых научных вершин. Все уже привыкли видеть этих зеленокожих засранцев как... ну, засранцев. Когда на темной дороге или в темном переулке на тебя выскакивает парочка ушастых бандитов, которые прекрасно видят в темноте, то становится как-то неуютно. Человечество сделало немало попыток приучить гоблинов к культурной жизни, но пока все выглядело так, что именно культура гоблинов жестоко доминировала там, где люди были чересчур вежливыми.

Приверженцы Черного мировоззрения не раз говорили, что задабривание варваров ни к чему хорошему не

приведет, но решение властей было непоколебимым — времена сейчас толерантные, поэтому все гуманоидные расы заслуживают уважения. Проблема состояла в том, что гоблины как-то забыли испытывать уважение к другим расам — не научили их этому.

— Хм-м... — задумчиво пробормотал Кос, недовольно косясь на яркого представителя гоблинской молодежи. — Ты пришел, значит, работать...

— Да, сэр, — жестко и резко ответил гоблин.

Они всегда общаются в такой манере — кажется, что они грубят. Или они на самом деле грубят. Гоблинский матерный язык слыл в Вайтпилле самым изощренным, а гоблинскую своеобразную интонацию никто не мог спародировать успешно. Зеленокожий мог рассказать очень смешной анекдот, поведать о погоде, поделиться знаниями о самых интересных растениях, а слушателю казалось бы, что его либо оскорбляют, либо ему угрожают.

Гоблины не умели иначе — вся их варварская культура была основана на вечной непрекращающейся вражде с окружающим их миром.

— Хм-м... ясненько... — Кос закурил и устремил взгляд в потолок, чтобы только не смотреть на ненавистную ему персону.

В глазах у молодого проскочила искорка ярости, но он быстро оправился. Папа рассказывал ему, что современные кабанчики, то есть работодатели, обожали унижать своих подчиненных, ни во что их не ставили. Сын пытался объяснить отцу, что надо бороться с трудовым беззаконием, что необходимо вступать в профсоюзы, но отец не хотел и слушать. В его мире слабые подчинялись сильным, таков был Регламент. А Регламент определяет Порядок.

Молодой гоблин был с этим категорически не согласен. По его мнению, Порядок определяет Справедливость.

— А вы принесли с собой Резюме? У вас, вообще, есть опыт работы? — вежливо спросила красивая эльфийка, сидящая напротив него.

Отец объяснил молодому гоблину, что эльфам доверять нельзя. Согласно его словам, они «были теми еще мразями, сынок». Гоблину казалось, что это пережиток прошлого, что народы должны жить дружно.

Но эта эльфийка, судя по всему, была эйчаром. А все эйчары действительно были теми еще мразями, тут гоблин уже не смел спорить. Именно из-за них начиналось нарушение трудовых прав.

— Нет, ни разу не работал, — гоблин помотал головой.

— А сколько вам лет?

— Не ваше дело.

Эльза насупилась.

— Боюсь, что...

— Статья третья Трудового Кодекса — на собеседовании при устройстве гражданина на работу запрещено опрашивать гражданина касательно сфер, которые могут дискриминировать его права на труд, а также личное достоинство. К дискриминационным вопросам можно отнести интерес работодателя касательно возраста нанимаемого, его расы, также нельзя опрашивать о семейном положении и о планировании такого положения на будущее, сексуальной ориентации, политических убеждениях, мировоззрении и так далее.

В кабинете на мгновение воцарилась тишина. А затем Кос рассмеялся.

— Блядь, Эльза... он нас уел, а?

Бледное прекрасное лицо эльфийки начало пунцоветь.

— Слышь, ты, гоблин хренов! Ты про закон-то не затирай, самый умный, что ли? — Эльза стукнула кулачками по столу.

— Это закон, я его всего лишь процитировал, — гоблин был поистине невозмутим.

— Я тебе сейчас процитирую, иди-ка сюда!

— Эльза-Эльза... — Кос попытался успокоить подругу. — Давай лучше вернемся к цивилизованному разговору.

— Да этот хер бесит!

— Так это ж гоблин. Это их работа, — Кос пожал плечами, а затем обратился к гоблину. — Слушай, не знаю, как тебя там зовут, и даже знать не хочу, но так дело не пойдет. Мы имеем право тебя не нанимать, понимаешь? Более того, мы не хотим тебя нанимать, потому что гоблины нас вымораживают, понимаешь?

— То есть вы расисты? — молодой гоблин подозрительно прищурился.

— Блядь, да! Еще какие! — закричала Эльза. — И что ты дальше попросишь? Социальный пакет?

Индексирование зарплаты каждый квартал?

— Конечно, — гоблин непонимающим взором посмотрел на эльфийку. — Это же в законе прописано.

— Милый мой, но это не выполняется! Я уже сто лет прожила, из них проработала более восьмидесяти, и ты знаешь, сколько раз я была в отпуске за счет фирмы? Один! Один, блядь!

— Хуя себе. Ты мне это не рассказывала, — сильно удивился Кос.

— А что, жаловаться на каждом шагу? Я привыкла! А тут этот выскочка хочет по закону... хуй тебе за щеку, страдай как все!

— Вообще, новое поколение должно жить лучше прежнего... — начал было гоблин.

— На хуй иди! — в сердцах закричала на него Эльза.

— Ладно-ладно, ребят, успокаиваемся. У всех тут большие темы свои, не нужно разгонять скандал. На, Эльза, передохни, — он передал эльфийке косяк, который она выдула за один присест.

— Сука... — погрозила миру Эльза, оседая на стуле.

— И все же, если мне можно сказать, я считаю, что в Законе нет ничего плохого, — попытался урезонить своих потенциальных работодателей молодой гоблин.

— Это правда, — согласился Кос. — В буквах на бумаге нет ничего плохого. Можно сверху них написать заглавными «САМЫЙ ЗАЕБАТЫЙ ЗАКОН ИЗ ВСЕХ ЗАКОНОВ», правда? А можно «САМАЯ ОХУЕНН ПОВАРЕННАЯ КНИГА». Вот только все ли будут читать подобную макулатуру?

— Но Закон... — гоблин задумался, — подразумевает, что он обязательный для прочтения.

— И где это написано? — поинтересовался Кос.

— Ну... в самом Законе.

— Замечательная самореклама, не находишь? — Кос широко улыбнулся. — Вот только разумный мир тут при чем? Настроили буковок, понимаешь... косяк будешь, кстати?

— Не курю. Категорически против. За здоровый образ жизни, — в жестком тоне возмутился гоблин.

— Так и напишем на твоём надгробии, хе-хе, — Кос с удовольствием затыкнулся. — В общем, Закон — это прям заебись. А вот ты не заебись. И если ты будешь нам морочить голову, то на какой хуй мы должны приглашать тебя в свою команду? Ну, подумай логически. Мы же не твои покровители, опекуны, подтиратели молодых жопок... мы просто тут тусим и веселимся. Вот и поведай нам — на какой ляд ты нам сдался?

Гоблин был готов к этому вопросу. Весь даже напыжился.

— Я могу своим трудом увеличить рыночную стоимость компании.

— Чо? — Кос моргнул, а потом снова зычно рассмеялся. — Ты где всего этого начитался?

— Ясно где, — встряла Эльза, которая уже оправилась от жутких воспоминаний о своем рабочем опыте. — В советах эйчаров, как надо отвечать на собеседованиях. Знаешь, когда задают тупые вопросы, а ты даешь тупые ответы...

— А зачем задавать эти тупые вопросы? — не понял Кос.

— Потому что работодатели тупые. Я-то откуда знаю? — Эльза пожала плечами.

— Так вы сами работодатели! — пришлось встрять в этот раз гоблину в разговор.

— Не, друг, мы не кабанчики, как говорит Игорь, — ответил Кос. — Мы — тусовка. Клуб по интересам. Мы тут веселимся. Вот скажи, на хуй нам задавать тупые вопросы? Нам делать, что ли, нечего? Или ты уже в нетерпении все ожидаешь главного вопроса дня: «Кем ты себя видишь через пять лет?».

— Я... ожидал подобного вопроса, — признался гоблин.

— Сука, подготавливают молодые кадры отвечать на тупые вопросы, а потом удивляются, почему страна в жопе, — Кос грустно вздохнул. — Ладно, малыш, можешь поискать работы в каком-то *формальном* месте. Где прям Регламент. И всякая подобная хуета.

— А что у вас вместо Регламента? — поинтересовался гоблин.

— Работа, друг мой. Работа.

У молодого все в голове перевернулось. Он изначально думал, что на работу ходят ради исполнения Регламента, но если на первое место поставить работу... ходить на работу ради работы... ради того, чтобы работать... это возможно?

— Я...

Гоблин не знал, что сказать. Поэтому друзья дали ему время подумать.

И он пришел на следующий день и признался, что очень хочет работать. Не ради Регламента, а для себя, просто так. Для удовольствия. Без далекоидущих целей.

Тогда у него спросили, что он будет делать, если работы не будет. Он ответил просто — читать. Он любил читать.

И назначили его курьером, потому что, кроме чтения, он любил еще ходить. И общаться с людьми, хотя людям казалось, что малыш над ними издевается.

Заодно он очень хотел повидать другие города. Вася даже схватился за голову — кто будет оформлять командировочные? Авансовые отчеты? Необходимость в помощнике назревала с каждым новым днем...

А когда в офис прибыли веселые менеджеры — Игорь и Пиксель, то они нарекли новичка Шнырем. Не очень галантно, но зато броско и по-гоблински. Конечно, настоящее имя для официального устройства на работу Вася взял из паспорта и потратил на переписывание информации целую ночь. Гоблины требовали, чтобы паспортные

данные записывались на их языке, который являлся очень сложным и гротескным. Бухгалтеры обычно переписывали (скорее, даже срисовывали) информацию с паспорта на отдельные листочки, а потом передавали в типографию — там уже делали оттиск. Потому что если вы каждый раз заново будете писать гоблинское имя на отчетном бланке для налоговой, то окончательно свихнетесь.

Толерантность — это хорошо. Но, признаемся себе честно, иногда она ставит нас не совсем в удобное положение.

Еще один рабочий день у госпожи Хомяковны начался с претензий со стороны начальства. Да, она опоздала. Но что она может поделать? Разрулить все пробки? Вставать пораньше? Она и так почти не спит...

Ей пришлось выдумать, что она была в больнице. Начала докапываться — в какой больнице, что она там делала...

— У вас все хорошо? Родители не болеют?

Это встряла Рунная. Она тоже хотела участвовать в руководительском процессе, потому что считала себя Главной (Бегетта частично смирилась с этим и размышляла, какую новую мину подложить своей коллеге), а раз подчиненных, кроме госпожи Хомяковны, в округе больше не было, то теперь бедной помощнице доставалось вдвое больше обычного.

— Все хорошо, — заверила она Рунную, хотя не совсем понимала, зачем она отчитывается не перед своим начальником.

Или теперь все были ее начальниками? Директор, Коммерческий, менеджеры, Арбайтовна, Бегетта, Рунная? Хотелось плакать. Но она не стала.

— Точно? — не унималась Рунная. — С родителями все хорошо? Где они работают?

Они в могиле, в могиле! Так хотелось закричать. Госпожа Хомяковна подняла свои усталые глаза и посмотрела на новую главбушку. У той было явное выражение помешанности, сумасбродства и повышенной неврастении. И почему ей так везет на сумасшедших? Или она сама такая? Эти Голоса...

— Все хорошо, — повторила госпожа Хомяковна.

Какие еще родители? Она же старше Рунной на десять лет минимум! Какое право она имеет спрашивать?

— Вы, если что, обращайтесь, — мягко посоветовала главбушка. — Мы тут все одна команда, все в одной лодке, правда, Бегетта?

— Угу, — буркнула Главная, с аппетитом поедая булочку. — Плыдем и не тонем.

— Как резиновые уточки, — Рунная захлопала в ладоши, подпрыгнула и истерично рассмеялась.

Госпожа Хомяковна тяжело вздохнула. У всех тут едет крыша.

— Давай, Хомяковна, пошустрее, — начала понукать Бегетта свою помощницу. — У нас закрытие квартала на носу, если ты еще помнишь.

— Но я еще не пила чай...

— Какой нахер чай? Работай давай. Чай — это для избранных, надо заслужить, ясно?

Рядом с ними вдруг раздался пакостливый смешок.

— И правда, — прошелестел Коммерческий, который словно нежданный мерзкий бледный вампир объявился в их кабинете. — Я так же всегда своим менеджерам говорю: «Кофе пьет тот, кто продает». Остальные недостойны, хе-хе.

Бегетта тяжелым хмурым взглядом воззрилась на Коммерческого. Его она особенно ненавидела. Но грубить ему тоже было нельзя.

— Чего угодно? — вальяжно спросила Главная у своего вечного врага.

— О, я тут по особо деликатному делу. Решил помочь развивать производство, хе-хе. Есть заказы, понимаете ли, — он хищно уставился на Главную. — А заказы требуют определенной решительности и поспешности.

— Так чего надо-то?

— Самую малость. Будем производить всякое, массово, а для этого нужны сотрудники. Новые сотрудники, хе-хе. Вот и решили нанять гоблинов...

— Гоблинов? — Бегетта аж раскрыла рот от удивления, но быстро оправилась. — Это как хотите. Только это не к нам — бухгалтер по производству в соседнем кабинете.

— А я нет! Я нет! — завелась Рунная, вбегая в их кабинет.

— Чего нет? — не поняла Бегетта, хмурия брови.

— Я нет! Я не могу! Уже говорила с Директором! И с Коммерческим...

Последнее слово она произнесла с особенной нежностью. Коммерческий также не остался в долгу и обхватил нового бухгалтера за талию. У Бегетты аж булка из рук выпала. Ах ты сучка!

— Поэтому столь доблестное дело по найму новых сотрудников мы передаем вам, — с улыбкой психопата заключил Коммерческий, протягивая огромную стопку бумаг Бегетте.

Но не тут-то было. Главная встала и одним резким движением выбила бумаги из рук Коммерческого, раскидав

их по полу. Рунная ахнула, прижимаясь к своему свежее испеченному офисному покровителю и защитнику.

— Это что за херня? Что это за херь, я спрашиваю?! — закричала Бегетта во всю глотку. — Я не буду этим заниматься!

— Что случилось? Что за крики? — вмешался в ситуацию Директор, протискиваясь сквозь людей, бумаги и напряженную атмосферу. — За что я вам плачу?

— Господин Директор, я не буду этим заниматься! Решительно! — заявила во всеулышание Бегетта. — Вы хоть понимаете, сколько времени нужно на оформление новых сотрудников, а это... гоблины! Гоблины! Я понятия не имею, как их оформлять!

— Ну так узнайте, в чем вопрос? За что я вам плачу? — невозмутимо сказал Директор. — Надо делать и все.

— У нас закрытие квартала на носу!

— В этом-то и дело, Бегетта, — в серьезном тоне начал объяснять Директор. — Мне один из моих старых друзей недавно сообщил, что малым фирмам даются налоговые поблажки при оформлении гоблинов. Так ведь?

— Так! — встряла Рунная, которой нравилось быть полезной руководству. — Все именно так!

— А налоги мы и так платим немалые! — возмутился Директор. — Уже сколько прошу тебя, Бегетта, оптимизировать налоговую базу, а в ответ слышу оправдания!

— Непрофессионализм... — еле слышно, но все же слышно прошептал Коммерческий, довольно улыбаясь.

— Тогда я увольняюсь, вы поняли! — закричала Бегетта. — Я все делаю ради фирмы, уже шесть лет! И вы мне говорите вот это? Что я ничего не делаю! Я уже составила целую кучу предложений-проектов об оптимизации налоговой базы! Вы их читали?

— Я? — удивился Директор. — Нет, конечно. У меня нет на это времени. Я занятой человек. Вы это знаете. Мне не нужны никакие предложения и проекты. Мне нужно решение. И если вы не можете это решение найти, то найду я.

— Да что мы так уж сэкономим на этих гоблинах?! — возопила Бегетта. — И даже если выиграем, то почему я должна заниматься этим? Новые сотрудники куда нужны? Правильно — на производство. Я тут при чем? Я на участке торговли работаю, все шесть лет тут работаю. У нас же был с вами разговор, господин Директор, что я производством не занимаюсь, я в этом ничего не понимаю. Вы даже наняли нового специалиста!

Слово «специалист» она произнесла с особым презрением, специально не называя имя нового главного бухгалтера.

— А я занята! У меня сейчас идет оформление давальческого сырья! — парировала Рунная, также на повышенных тонах.

— И что? Я тут при чем? — возмутилась Бегетта.

— Хватит орать! — прикрикнул на всех Директор. — За что я вам плачу?! Чтобы вы орали? Есть приказ, распоряжение... кто тут главный? Я главный! Чего вы тут сами распорядитесь? Я сказал — надо нанять гоблинов! Бегетта, ты этим займешься и точка, у меня нет времени для споров. Я занятой человек, ты знаешь.

— Я не буду этим заниматься! Только через мой труп!

— Уволим... — громким шепотом промурлыкал Коммерческий.

— Так увольняйте! Уйду сегодня же!

— Хватит орать! — заорал Директор. — Я тут главный! Вопрос сейчас решу. Если ты не можешь, Бегетта, поручим другим. У вас и так штат раздут, правда?

— Правда, — довольным голосом сказал Коммерческий. — Давно про это говорю.

— Да кто у нас в штате-то? Только я и Хомяковна? Недавно вон... специалиста наняли очень полезного... — прошипела Бегетта в сторону Рунной.

Рунная показала Главной язык, прижимаясь к Коммерческому.

— А Хомяковна что делает-то? А? — спросил Директор, пытаясь очень быстро найти хоть какое-то решение, чтобы от него отстали.

Наступило молчание. Довольно затянутое.

— Хомяковна?! — рявкнула Бегетта.

— А? Что? — госпожа Хомяковна суетливо задергалась и начала водить глазами из стороны в сторону.

— Ты что, спишь?!

На самом деле госпожа Хомяковна не спала. Просто когда вокруг нее начинала циркулировать агрессивная напряженная атмосфера, то она словно отключалась, уходя с головой в бумажки.

— Нет. А что случилось? — госпожа Хомяковна не понимала, почему вдруг внимание сосредоточилось на ней, если еще минуту назад вопрос касался исключительно руководства.

— Вот видите?! — возмутился Директор. — Нихера она не делает!

— Уволить... — снова завел старую пластинку Коммерческий.

— Она сегодня еще опоздала! — вставила свои пять монеток Рунная.

— Я... — начала было оправдываться госпожа Хомяковна, но ее перебили.

— Опоздала?! — Директор побагровел. — А почему я об этом не знаю?

— Я обычно задерживаюсь... — залепетала госпожа Хомяковна.

— И, значит, надо опаздывать? У нас тут что, бордель со свободным посещением? Что за блядство, я спрашиваю?

Директор перешел на мат, а это означало, что кому-то скоро не поздоровится.

— Объяснительную мне на стол, сейчас же!

Госпожа Хомяковна потупила голову.

— Бегетта, — не унимался Директор, — какого хрена твои сотрудники опаздывают? Она хотя бы работает? А?

— Ну... конечно, господин Директор, — в крайне спокойном тоне произнесла Главная. — Конечно, работает.

Как иначе?

— И что она делает за день? Я спрашиваю!!

— Хомяковна, хватит молчать! — приказала своей подчиненной Бегетта. — Меня позоришь! Давай рассказывай, что ты делаешь!

— Я... — у госпожи Хомяковны сердце ушло в пятки.

Она не знала, что надо отвечать, как надо отвечать и как себя защитить.

— Акты сверки сейчас делаю...

— На это сколько надо времени?! — гневно спросил Директор.

— Я...

— СКОЛЬКО?!!

— Десять минут, иногда меньше, — ответила за госпожу Хомяковну Бегетта.

— А дальше? Что она делает дальше? Чем занят весь ее день?!

— Уволить... — в унисон промурлыкали Рунная и Коммерческий, уже без стеснения целуясь в засос.

— Что за блядство?! — начал упрекать Директор Бегетту. — У тебя что, в отделе притон?

Бегетта, во все глаза смотря на целующуюся парочку, потеряла дар речи. Это у кого тут притон?

— Мне все это надоело! Я уже говорю с вами больше пятнадцати минут! А время деньги, вы все это знаете. Сегодня же чтобы объяснительная этой, — Директор указал пальцем на госпожу Хомяковну, — была на моем столе! И пусть она занимается гоблинами, раз все равно ни хера не делает! За что я плачу?!

И Директор в бешенстве выбежал из кабинета. Двое любовников предпочли ретироваться в переговорную, где продолжили жаркое обсуждение рабочих процессов, предварительно наглухо запершись.

— Я... я же не знаю кадрового учета... и мне еще сегодня банковские платежи делать... и почту... — заканючила госпожа Хомяковна.

— А что ты про платежи умолчала-то? А? — начала попрекать свою помощницу Главная. — Раньше надо было рот разевать. А сейчас-то что? Будешь делать гоблинов.

— Но я не знаю как...

— Изучишь. Мне всему тебя учить, что ли? Ты же профессионал, Хомяковна.

Госпожа Хомяковна, не выдержав всего этого, сбежала в туалет. Там она плакала. Долго плакала. Ее всхлипы и конвульсивные подергивания происходили синхронно со стонами и подергиваниями Рунной в переговорке.

Как любила говорить Арбайтовна — кто на что учился.

Маленького Шныря решено было отправить с рабочим поручением в Брентон, предварительно оформив командировку. Вася дал новоиспеченному сотруднику напутствие касательно сохранения всех чеков и прочих документов для правильного оформления авансовых отчетов после командировки, а Кос дал гоблину пинка, чтобы тот поскорее убирался из офиса.

Поэтому, между делом, гоблин Шнырь решил навестить своего отца, который батрачил на одном из заводских предприятий, коих было немислимое количество в окрестностях знаменитого индустриально-научного города.

— Здравствуй, отец, — поздоровался маленький гоблин, входя в цеховую раздевалку.

— Сын! — старший гоблин радостно обнял своего единственного ребенка. — Как все прошло?

— Вроде нормально, — Шнырь на мгновение нахмурился. — Я не знаю. Сказали, что скоро оформят.

Бухгалтер попросил подождать немного, какие-то трудности с оформлением...

— Это нормально, — отмахнулся гоблин-отец, облегченно вздыхая. — Обычное дело среди людей. Они называют это «испытательным сроком». Меня вообще три года не оформляли, представляешь? Но я доказал им, что могу быть достойным тружеником!

— Пап, ты не понял. Меня оформляют. Без всяких испытательных сроков.

— Значит, ты им очень сильно понравился, — отец снова тепло и крепко обнял своего ребенка. — Я тобой горжусь, сын!

— Угу... нечем дышать, пап! — Шнырь постарался перевести дух. — Ты представляешь — у них главным

бухгалтером числится настоящий древний вампир!

— Это хорошо, — успокоил своего сына старший гоблин. — Значит, он долго будет работать, никуда не потеряет твои документы. И пенсию правильно начислит.

— Пап, пенсия — это сказки! — Шнырь скривил лицо.

— Но мы должны в них верить! Если мы хотим стать настоящими людьми, то нам стоит горячо поддерживать их традиции, а значит, придется поверить и в пенсию! Многие люди в нее верят.

— Пап, люди глупы, ты же знаешь... а мы все больше уходим от своих корней...

— Корней, — старший гоблин миролюбиво потрепал сына по голове, а затем присел на скамейку, устало свесив голову. — Сынок, мы всеми силами должны отрешиться от этих корней. Если я бы остался жить в своем племени, то ты бы не получил образование, понимаешь? Ты бы сейчас прислуживал гоблинам-альфачам, выполнял все их прихоти...

— Я и так буду прислуживать альфачам, только людям! Как будто это не унижение!

— Ты не знаешь, что такое унижение, сын! — резко сказал гоблин-отец. — Не знаешь! Ты не разбираешь дерьмо, я пытался вытащить тебя из всего этого!

— Папа...

— Извини... просто... ты не понимаешь. Люди дали нам шанс. Они принимают нас. И нам стоит показать себя достойно. Понимаю, что ты корчишься, у тебя гонор в крови — это от матери... Но ты тоже должен стать достойным членом людского общества! Я так старался...

— Я стану, отец. Хотя, если честно, мне все это противно.

Гоблин-отец попытался улыбнуться.

— Лучше быть с победителями, чем всю жизнь жить в канаве, сынок. У нас... у тебя будет крыша над головой, будет занятие, будет будущее. Я считаю, что это всяко лучше, чем есть грязь каждый день.

Шнырь подошел к отцу, сел рядом на лавочку и прислонил голову к усталому плечу своего родителя.

— Я знаю. Прости, пап. Просто все это меня выбешивает. Эта работа... она тупая...

— Значит, будем тупыми! — весело произнес гоблин-отец. — Будем как все! Зато будем живы, будем сыты... а там, в будущем, — возможно, что боги принесут нам хорошие вести.

— Боги... — Шнырь цинично хмыкнул. — И кто говорил, что уходит от корней? У людей нет богов, пап. Они запрещены.

— Знаю. Но я уже стар, мне тяжело забыть своих покровителей. А ты постарайся вытряхнуть всю эту дурь из башки — если люди сказали, что богов нет, то пусть так и будет! Молодежи легче быть атеистами, чем нам, старикам...

— Пап...

— Чего, сынок?

— А мы сходим на могилу к маме?

— Да. Через неделю возьму получку и можем сбежать. На выходных. Ты еще будешь здесь?

— Да. У меня командировка. И первое задание.

— Вот молодец! Уже в командировки едешь! Совсем человеком становишься!

— Пап, хватит... меня просто курьером взяли, чего ты начинаешь...

— Сынок, запомни, нет работы лучше, чем курьер. Вдали от начальства, ближе к земле. И ты полезен. Ты же всегда хотел быть полезным, правда?

— Да, папа. Я тебя люблю.

— Я тебя тоже, сынок, — гоблин-отец ласково погладил сына по голове. — Я тебя тоже.

— А кто у нас делает почту? — нагло спросила Рунная, вбегая в соседний кабинет.

— А что случилось? — спросила госпожа Хомяковна, с ненавистью смотря на свою вторую начальницу.

Конечно, жутко было представлять Рунную своей начальницей, но теперь она стала любовницей Коммерческого, а согласно Регламенту это считается несомненным повышением в статусе.

— Да хотела выяснить — а почему мы не делаем сопроводительные к письмам? — невинно хлопая глазами, спросила Рунная.

— Сопроводительные? — усмехнулась Бегетта, поедая уже десятую булочку за день. — А зачем нам это нужно? Чай не громадный бизнес тут...

— Ну, я недавно поговорила с Коммерческим, — последнее слово Рунная произнесла с томным придыханием, — и мы решили, что фирма нуждается в развитии. Понимаете, девочки?

«Мы решили?» — подумала про себя госпожа Хомяковна.

— Так что? — не унималась Рунная. — Кто у нас занимается почтой?

— Хомяковна, что молчишь? — раздраженно спросила у своей подчиненной Бегетта. — Или ты уже не занимаешься почтой?

— Занимаюсь, — сухо произнесла госпожа Хомяковна. — Много чем занимаюсь!

— Ты мне еще подерзи, — прошипела Главная, уничтожая уже двенадцатую булку за день.

— А, ну хорошо, — обрадовалась Рунная, хлопая в ладоши словно маленькая девочка. — Значит, ты и будешь делать сопроводительные, Хомяковна, ладно? Это ради развития, мы же одна команда, да?

— А зачем эти сопроводительные? — не поняла госпожа Хомяковна.

— Ради приличия, а как иначе? — Рунная всплеснула руками, словно удивляясь непроходимой тупости помощницы бухгалтера. — В приличных фирмах к исходящей корреспонденции прикладывают вежливую сопроводительную с приветственным посланием, описью вложения, пожеланием хорошего дня... Хомяковна, ты чего, ты откуда родом? С родителями все хорошо?

— Ладно... — сдалась Хомяковна. — Но это же займет время. Остальные дела...

— Ты также обязана будешь успевать, — закончила за свою подчиненную Бегетта. — А как иначе? Кому сейчас легко? Думаешь, у нас с Рунной работы мало? Ты чего, Хомяковна?

Госпожа Хомяковна затихла. Ей почему-то стало совсем грустно. Не то чтобы хотелось плакать, не то чтобы хотелось причитать и жаловаться. Просто она почувствовала себя неожиданно... одинокой и брошенной.

— И, кстати... — Рунная явно не собиралась заканчивать разговор. — Я видела реестр исходящих писем...

— Да, — поникшим голосом произнесла госпожа Хомяковна. — Я его тоже делаю.

— А входящие? Входящую корреспонденцию кто разбирает?

— Тоже я.

— А реестра почему нет? Я недавно интересовалась — а не приходил ли мне нужный договор? И я даже не знаю... где взять информацию?

— Так можно посмотреть в папке с договорами... — осторожно предложила госпожа Хомяковна.

— Мне? — удивилась Рунная. — Мне? Смотреть? В папку? Ты меня за кого принимаешь? Я вообще-то главная и...

Тут она поймала на себя взгляд Бегетты. Очень тяжелый взгляд.

— *Точнее*, не только я, — Рунная мило улыбнулась и сделала извинительный реверанс в сторону Бегетты. — И даже если ты предлагаешь смотреть в папочки, Хомяковна... хотя такое даже предлагать стыдно, это твоя обязанность! Но все же... если смотреть... то должен быть реестр договоров, правда?

— И сколько еще реестров вам нужно? — терпение госпожи Хомяковны явно начало подходить к концу.

Рунная, наверное, почувствовала, что скоро будет взрыв, поэтому поспешила ретироваться к своему столу.

— Приступайте к работе, — напоследок бросила она, убегая.

Госпожа Хомяковна тихо выругалась.

— Главная она... ишь ты... — прошипела Бегетта. — Главной может быть только один бухгалтер, и сегодня это я! Поняла, Хомяковна? Не смей ей подлизывать и строить глазки!

Госпожа Хомяковна кивнула.

— И ты платежки подготовила? Завтра в банк идти, — напомнила своей подчиненной Главная.

— Я хотела сегодня почитать про трудоустройство гоблинов...

— Вот чего! Вечером считаешь или даже ночью! Это не мой участок, поняла? Ты сначала сделай мои дела, а потом уже, в свободное от работы время, делай другую работу. Гоблинов она читать вознамерилась, видите ли... платежки делай!

— Ладно.

В печатной ничем не пахло. В принципе, ничего удивительно, но Шнырь очень надеялся хоть на какие-то запахи. Сырость, легкая кислинка на кончике языка, спертый воздух... хоть что-то.

Но в печатной вообще ничего не ощущалось. Будто все вымерло.

— Чего тебе? — грубо рявкнул пожилой дворф, отирая щербатое лицо от слез тыльной стороной ладони. — Пришел позлорадствовать?

— Нет, — покачал головой Шнырь, осматриваясь.

Вроде успели. Городские говорили, что владелец «Вестей Брентона» обанкротился, а теперь собирается распродавать все имущество с молотка. К счастью, печатные станки все еще стояли на месте. И даже бумага присутствовала. Очень много бумаги.

— Продаете? — уточнил гоблин у хозяина.

— А тебе какое дело? Чего пришел? Не продаю я нихера... кому нужна такая рухлядь...

Дворф вновь заплакал. Рядом с ним выставились в бесконечный ряд пустые пивные банки, которых все равно не хватало, чтобы затушить пламя горечи от потерянного бизнеса.

— А я пришел купить.

— Чего? — не понял дворф. — Купить? Ты?

— Не совсем я, — маленький гоблин передал дюжему старику небольшую бумажку. — Я лишь курьер.

Дворф мельком взглянул на бумагу, а его лицо моментально сменило окрас на бледно-розовый.

— Это...

— Это покупка вашего бизнеса, сэр. Сдавайтесь.

На стол госпожи Хомяковны полетели бумаги. Множество бумаг.

— Разбери, дорогуша, — фамильярно приказала ей Рунная.

Госпожа Хомяковна поморщилась, будто ей вlepили сильную мерзкую пощечину. Она быстрым профессиональным взором оглядела бумаги — они были совсем не отсортированы.

— Она совершенно обнаглела! — возмущенно пискнула госпожа Хомяковна.

— Это да, — согласилась Бегетта, уничтожая сочный эклер. — Ну а что делать? В закупках сказали, что она спит уже и с Директором.

— Так это проституция! — горячо возмутилась госпожа Хомяковна.

— Это карьерный рост, будь он проклят. Теперь ее уже так просто не выдавишь. Но ничего... посмотрим...

В голове у Бегетты активно шуршали винтики. Вчера ночью она не могла заснуть — размышляла, как подставить Рунную.

— Коллеги, сегодня прекрасный день, правда? Солнце светит! — Рунная заглянула в их кабинет и внимательно просканировала сидевших там женщин.

— Не то слово! — Бегетта подняла кружку чая, словно провозглашая добрый славный тост. — Вот бы сейчас погулять...

— А мне гулять не хочется! — завопила Рунная на весь офис. — Мне здесь хорошо!! Работаю в самой лучшей фирме!!

— Тоже верно, — согласилась с ней Бегетта, широко улыбаясь.

Рунная еще немного потопталась у порога, а затем отошла. Но Бегетта все равно почувствовала, что она тусуется неподалеку, подслушивает.

Главная бухгалтер достала из-под стола миниатюрный плакатик, на котором было написано: «СУКА».

— Это точно, — поддакнула начальнице госпожа Хомяковна.

— Что же делать, что же делать...

— А давай чаю!

— Давай. И думай, Хомяковна, думай. Наш уютный бухгалтерский мирок нарушили сраные карьеристы. Что же делать...

В дверь Коса постучали.

— Да не надо стучать, просто входи... кто бы ты ни был!

Шнырь вошел. Вежливо потоптался на пороге.

— Я тут почту забрал, — произнес маленький гоблин.

— Заебись. Четко сработал.

— А куда ее положить?

— Да выброси ее нахуй! Какие-то писульки...

— Э-э-э...

— Васе отдай, малыш. Все бумажки сдавай в бухгалтерию — не ошибешься.

— А нужно делать реестр?

— Чо? — Кос слегка даже охренел. — Какой еще реестр?

— Реестр входящей корреспонденции. Я читал, что в солидных фирмах так делают.

— Где читал? На заборе что ль? — Кос усмехнулся. — Блядь, малыш, у нас тут главбухом сидит человек, если его можно так называть, который старше тебя на до хуя лет. Который, может, даже сотворение мира видел, блядь. Сечешь? Ты думаешь, ему нужен какой-то сраный реестр? Ты думаешь, что он может потерять хоть один документ?

— Наверное, нет, — признал гоблин. — Наверное, вы правы.

— Я всегда прав! — Кос засмеялся, от души затягиваясь. — И, кстати, хоть раз назовешь нашу фирму «солидной» — уши тебе надеру! Я не хочу иметь ничего общего с этим поганым рыночком!

— Но вы же часть этого рынка...

— Это правда. Но каждая часть хочет почувствовать себя немного уникальной. Молодежные амбиции, понимаешь?

— Да, сэр. Спасибо вам за разъяснения.

Госпожа Хомяковна сегодня решила снова задержаться на работе. Голоса дома стали совсем невыносимы, они буквально приказывали ей уволиться. А куда ей увольняться? Разве где-то будет лучше?

Вдруг затрезвонил телефон, очень требовательно. Госпожа Хомяковна даже вздрогнула — она никак не ожидала услышать звонок в 11 часов вечера. Осторожно взяла трубку, будто боясь, что та взорвется, и еле слышно

произнесла:

— Да?

— Вы на работе?! — прокричала Рунная. — Да?!

— Да.

— Я просто проверяю! Всего хорошего! — Рунная резко прервала связь.

Какой кошмар, подумала госпожа Хомяковна. Зачем эта сумасшедшая звонит в такой поздний час? Она что, наблюдает за ней? Или ей заняться нечем?

Зато у госпожи Хомяковны скопилась целая куча дел — было чем заняться. Рассортировать бумаги по папкам. Подготовить пару платежей на завтра. Проверить особенно зловредные акты сверки. И пробежаться по оборотке, ведь скоро закрытие бухгалтерского квартала...

И гоблины. Как она могла про них забыть? Совершенно не хотелось про них ничего читать, ибо в кадровом учете госпожа Хомяковна не разбиралась, но раз начальство приказало... разве можно ослушаться начальства?

Поделав немного того, немного сего, госпожа Хомяковна открыла справочные материалы по трудоустройству зеленокожих толерантных созданий природы. Почитала... зевнула... почитала...

И заснула. Крепким сладким сном. Чтобы утром проснуться и не пойти на работу. Потому что она уже была на работе.

Разве это не прекрасно?

— Эльза! — закричал Кос. — Эльза, мать твою, где ты?

— Чо случилось? — эльфийка, зевая, зашла к нему в кабинет. — Я Васе помогаю, завал у него.

— Ты в бухгалтерии стала разбираться шоль?

— Не. Просто делать не хер. Скучно!

— Ща будет тебе чем заняться. Нашел я тебе работу!

— Правда? — Эльза вся воспрянула и даже перестала зевать. — Настоящую-пренастоящую работу? Я смогу наконец что-то поделать?

— А то! Назревает приключение. Пришел к нам недавно один заказик...

— Давай! — Эльза бросилась к его столу и вырвала конверт из рук Коса. — Ух ты!

— Угу, — Кос удовлетворенно закурил. — Самое то.

— Я уж перестала верить, что мы когда-то будем заниматься таким... одни бумажки какие-то...

— А что ты хотела? Это бизнес, такие правила. Но иногда, кроме бюрократии, можно и делом заняться.

— Просим разобраться с особо опасной и зловредной для общественного благополучия группой кровожадных культистов, — начала читать Эльза. — Блин, Кос, это еще и государственный заказ!

— Ну, я говорю. Мы не лыком шиты. Настоящий приключенческий заказ от государства.

— Культисты! — Эльза аж зажмурилась от удовольствия. — Мерзкие кровавые ритуалы...

— Ну так, — по-доброму улыбнулся Кос.

— Приступаю немедленно!

— Э... чо? Ты сдурела? Дилана хотя бы подожди.

— Не хочу! Не буду! Надоело уже ждать, Кос! Целыми днями торчу в офисе и... пью чай. Чай, Кос! Меня уже тошнит от него! Я же не бухгалтер, я... искатель приключений!

— Да ну?

— Именно! Я решила! Подала заявление Васе именно на эту должность! Он сказал, что я буду первым искателем приключений за долгое время!

— Не, ну хорош, Эльза. Давай обождем...

— С чем? С вступлением в должность? — обиженно насупилась эльфийка.

— Да не, похуй на должность. Подожди с заказом, у нас группы нет.

— Все есть — я возьму Игоря!

— Ты же его ненавидишь! — Кос чуть не выронил косячок от удивления. — Ты чего, Эльз?

— Это работа, Кос, сейчас не время пережевывать наши разногласия. Работать надо! Прямо сегодня приступаю!

— И что, только ты и Игорь?

— Согласна, для бедных культистов это чересчур. Только меня хватило бы с лихвой. Но мне будет скучно одной, Кос. Не беспокойся, выедем мы твоих культистов! — Эльза лучезарно улыбнулась, как донельзя довольный ребенок.

— Э-э-э... Эльза, я просто напомню. Это убийцы, которые приносят жертвы своим темным богам, вооруженные с ног до головы...

— Ага! Приключение на пару часов. Вошли и вышли. Ну как, есть у тебя координаты?

У госпожи Хомяковны было свое приключение — надо было выбить себе подотчетные деньги для почты.

Раньше касса для мелких нужд хранилась у Бегетты, но недавно Директор переместил ее поближе к Рунной. Госпожа Хомяковна сначала подумала, что ее начальнице перестали доверять, но, увидев злобную ухмылочку на лице Главной, поняла, что Бегетта начала делать то, что она лучше всего умела, — спихивать работу на других. Бегетта это называла «разумным делегированием для благополучной протекции хрупкого бухгалтерского дела».

— Деньги, — хлопая глазами, удивленно спросила Рунная. — А зачем тебе деньги?

— Для почты, — спокойно начала объяснять госпожа Хомяковна. — Я отправляю почтовую корреспонденцию раз в неделю, для этого требуются деньги.

— Так заплати свои! А мы потом тебе... вернем...

— Нет.

Рунная нахмурилась.

— Что значит нет? Кто тут главный?!

— Это я! — закричала Бегетта из соседней комнаты.

— Ваша правда, госпожа Бегетта! — заискивающим тоном пропела Рунная, с ненавистью закатывая глаза, а затем снова обратилась к госпоже Хомяковне. — Слушай, я занята, у меня много дел, закрытие квартала на носу. Подойди попозже, хорошо?

— Хорошо, — твердым голосом произнесла госпожа Хомяковна. — Но тогда почту я пока что отправлять не буду.

— Это что еще за своеволие? Ультиматумы мне решила ставить?!

— Что стряслось? — заворчал Директор, заходя в бухгалтерию. — Что за крики? За что я вам плачу? Почему у меня такой раздутый штат?

— Господин Директор, Хомяковна не хочет почту отправлять, — елеиным мерзким голосом пожаловалась работодателю Рунная.

— Правда? Так надо ее уволить. И так штат раздут, — решил Директор, уже собираясь уходить.

— Она хочет денег из кассы! — прокричала Бегетта, которая явно не собиралась вставать со своего удобного кресла. — Мы всегда отправляем почту, беря подотчетные заранее!

— Ну и что? — заворчал Директор. — В кассе денег, что ли, нет? Я только вчера пополнял.

— Есть... — Рунная на мгновение опешила, не зная, что сказать. — Но...

— Ну так выдайте, блядь! Я должен тут ходить и каждому жопу подтирать? Я не понимаю, тут профессионалы сидят или что? Что за детский сад?

— Хорошо, — поджав губы, ровным голосом произнесла Рунная, отсчитывая монетки госпоже Хомяковне.

— На, держи, — Рунная бросила деньги прямо в лицо госпоже Хомяковне. — Только после почты я жду отчет, понятно? И сопроводительные не забудь!

— Какой отчет? — не поняла госпожа Хомяковна. — Не было же раньше никаких отчетов...

— А теперь есть! Все, иди работай, не мешайся под ногами!

И госпожа Хомяковна просеменила к своему рабочему месту.

Может, уволиться? Нет... Регламент ведь без нее не может... а как же фирма без нее?

— Давай, Игорь, шевелись! — понукала своего боевого товарища Эльза. — Шевели булками.

— Чот очко мое чует недоброе... На кой ляд мы идем туда? Нас всего двое...

— А ты как хотел? Мы искатели приключений, Игорь! Мы с тобой как целая армия сегодня!

— Чот приключений я не заказывал. Может, домой пойдем?

— Только вперед!

— Пиздарики... — Игорь понял, что эльфийку не переубедить, и обреченно потопал дальше.

Эльза тщательно подготовилась к заданию. Надела тонкий кожаный нагрудник, облачилась в удобнейшие походные штаны, припасла всякого скрытного снаряжения. А Игорь ничего с собой не взял — он вообще не хотел выполнять никаких заданий.

— А Пиксель где? — спросила у своего друга Эльза.

— Он сказал, чтобы я пошел на «уии» со своими культистами-хуистами.

— Не мог он такого сказать! Он джентльмен! — возмутилась Эльза.

— А он сказал очень так по-джентльменски, вежливо так. Как будто не на хуй послал, а доброго дня пожелал.

— Ну и ладно, — обиделась Эльза. — Тоже мне друг, называется! Сами справимся, верно?

— Я хочу домой...

— Топаи давай. Домой он хочет. Работать надо!

Вскоре они вышли на условленную локацию, которую им на карте обозначили следопыты города Колосик, состоявшие на государственной службе. Игорь обычно называл их «ебливыми дармоедами», но очень тихо, чтобы никто не услышал. Это только на фэнтезийных картинках следопытов рисуют высокими, жилистыми и тощими. В реальности это обычно суровые мощные мужики, размером с двойной шкаф, которые, конечно, умеют и с лука

стрелять, но обычно стрелы им без надобности — того же медведя они могут разорвать надвое и голыми руками.

Неподалеку виднелся вход в пещеру, который охраняли двое мрачных дюжих культистов. Прислужники Зла заметили коммерческих героев и стали посылать недобрые Знаки.

— Смотри, Игорь, они уже нас проклинаят!

— По-моему, просто средний палец показывают. Я тоже так могу, смотри, — Игорь решил не оставаться внакладе.

Культисты побагровели от гнева и стали сурово надвигаться на искателей приключений. В руках у них были нехилые дубины, вызывающие уважение. Видимо, магия и правда умерла, и приспешники Тьмы стали прибегать к проверенным народным средствам.

— Убирайтесь отсюда! — закричали культисты на Игоря.

Но Игорь уже вошел в раж, поэтому он тоже на них прикрикнул, а также решил показать свою голую жопу. От такого представления мужчины в красных балахонах совсем спятили и с криками и бранью бросились на Игоря, видимо, чтобы отстоять честь Темных Богов, которых оскорбили столь непристойным еретическим поведением.

К сожалению, из-за подобной провокации бедные культисты напрочь забыли про эльфийку, которая сумела забраться им за спины и отточенными медицинскими движениями, выработавшимися у нее за многолетнюю рабочую практику, вонзила в бугаев шприцы с сонным раствором.

Культисты грузно осели, а затем от их тел разнесся звучный храп.

— Видел, как я их? — Эльза широко улыбалась, довольная собой. — Прямо как в книге «Рога наносят ответный удар»!

— Ага. Только я теперь срать хочу... они меня чуть не убили...

— Блин, Игорь, нет! Только не...

На мгновение повисло напряженное молчание.

— Игорь, блядь, какого хера ты насрал на культистов?

— Блядь, ну получилось так... природа взяла свое, все такое...

— Мы же оскорбили их веру, их чувства, Игорь! Они проснутся все в говне!

— Ну а чо. Жизнь у них такая, говнястая. Я-то тут при чем?

— Да при том, что я намеревалась переодеться в их балахоны и проникнуть в пещеру!

— А что нам мешает? — искренне удивился Игорь.

— Так мы теперь будем вонять! Игорь, чтоб тебя!

— А что я? Я тебе изначально говорил, что от всех этих ритуалов дурно пахнет...

Арбайтовна гордо зашла в бухгалтерию. Ей разрешалось это делать без стука.

— И какой сегодня день? — пропела она в веселом тоне.

— Сука... — прошипела Бегетта, на мгновение скривив лицо. — Чему радуетесь?

— Так вы что? — сильно удивилась начальница отдела закупок. — Сегодня же мой день рождения! Ура!

— Ура-а-а!! — Рунная вбежала в кабинет Бегетты и повисла на Арбайтовне, как старая подружка.

— Сволочи... — очень-очень тихо и злобно прошипела Бегетта, но виду не подала. — Правда? Какая новость!

Арбайтовна церемонно поклонилась окружающей публике и торжественным жестом указала на дверь:

— Прощу! Стол уже накрыт! Все в переговорку!

— Ура-а! — Рунная, словно маленькая девочка, закружилась на месте и начала осыпать все пространство вокруг себя белесой слюной.

«Радуетесь халявной еде», — подумала госпожа Хомяковна, которая в этот момент боролась с особенно зловредным актом сверки.

— Давайте, давайте, девочки! — начала понукать всех Арбайтовна. — Вы на кого учились? Давайте, пойдёмте, все уже ждут.

Рунная бегом устремилась трапезничать. Бегетта грузно встала, вздохнула и тяжелым шагом направилась в переговорную.

— Пошли, Хомяковна, поточим зубы. Смотри только чтобы яду эта крыса нам не подсыпала, — Бегетта подмигнула своей помощнице.

Госпожа Хомяковна еще буквально минуту повозилась с документом, а затем резко встала, начала бегать туда-сюда, засуетилась, смела кучу бумаг на своем столе, нагнулась, встала и побежала ко всем. Но уже у входа в переговорную почувствовала резкий толчок.

— Ой, — сказала госпожа Хомяковна, потирая плечо.

На входе в обширный кабинет, где уже столпились все коллеги госпожи Хомяковны, стояла Рунная, искривив свое лицо мерзопакостной улыбкой.

— Заходите, давайте, шустрой! — приказал им Директор. — Сколько ждать можно?

— О, сейчас! Просто столько дел и даже... неотложных! — Рунная потрясла стопкой бумаг, оправдываясь

сю. — Вот недавно нам Претензию прислали, я уже ответ написала, а также договор с правками...

— Ну и что? — забурчал Директор.

— Да я к тому, что это надо срочнейшим образом отправить по почте — скорым письмом! Дело правда неотложное!

— Ну так отправляйте, блядь, — выругался Директор. — Давайте начнем уже, жрать хочу.

— Конечно-конечно! — приятным сладострастным голосом успокоила Рунная Директора, а затем грубо всунула госпоже Хомяковне бумаги. — Отправь. Сейчас же.

— Но... — залепетала госпожа Хомяковна. — Праздник...

— А тебя на него не приглашали, понятно? — Рунная ехидно усмехнулась. — Иди отправляй письма. И чтобы с описью да с сопроводительными. И не смей возвращаться до конца пиршества, поняла?

Рунная вдруг резко наклонилась к госпоже Хомяковне, что последняя почувствовала дыхание главбушки на своем лице.

— Я тебя сгною, ты поняла? — угрожающе прошипела Рунная. — Это только вопрос времени. А пока иди работай, тварь.

Госпожа Хомяковна вернулась к своему рабочему месту. Может, уже пора увольняться?

Нет... ведь Регламент...

Она села и покорно принялась оформлять скорые письма.

Они вошли в темный, усеянный мириадами свечей зал, в центре которого возвышался кровавый алтарь...

— Ебануться, — прошептал Игорь.

— Готишненько, — согласилась Эльза. — Так, Игорь, давай вести себя интеллигентно.

— Это как?

— Ну, не как мы себя обычно ведем...

— Блядь, а как еще?

— Господа, вы опаздываете! — сурово отчитал их один седой служитель, который подошел к ним.

— Каемся, падаем ниц! — прокричал Игорь визгливо.

— Чего? — культист нахмурился. — А это, что, *женщина*?

— Ага. Подружку свою привел. Всегда мечтала посмотреть на культы всякие, понимаете?

— Брат мой, мы тут собираемся ради познания Высшего, а не для праздного шатания... госпожа, вам придется покинуть место проведения ритуала, немедленно.

— Но, брат мой, разве не сказано в скрижалях, что любопытство и стремление к Знаниям есть не праздность, а великое качество человеческой души? — пропела Эльза, строя глазки культисту.

— Э-э... — опешил приспешник Тьмы. — Наверное...

— И разве мы вправе ограждать страждущих от тяги к познанию этого мира? Разве это не будет считаться преступлением, которое может прогневать древние силы?

Культист, ошарашенный, покачал головой и поспешил ретироваться.

— Хуя себе, чо выдала, — похвалил свою подругу Игорь.

— Какую-то хуйню сморозила, если честно, — призналась Эльза. — Поживешь с Илларионом — еще не так запоешь.

— Интеллигентной скоро станешь!

— Надеюсь, что нет. Так и подохнуть можно от большого ума.

Друзья присели на лавочку в ожидании представления. На алтаре они заметили корчившегося мужчину, рот которого заткнули белым кляпом.

— Жертву готовят, — прошептал Игорь.

— Ага. Романтичненько.

— А спасать мы его будем?

— А нам оно надо?

— Солидарен. Мы ж интеллигенты, народ вумный. Мир много потеряет, если мы кончим плохо...

— Ты умнеешь прямо на глазах, Игорь!

— Атмосфера тут просто... академическая такая...

— Это же зал для жертвоприношений!

— Ну я и говорю. Меня товарищи по настолке пригласили один раз в местный научный институт... точь-в-точь, очком моим клянусь...

Тут на постамент рядом с алтарем взошел один солидного вида мужчина, который призвал всех к тишине.

— И этот хмырь выглядит очень уж академически, — громко прошептал Игорь, на которого никогда благотворно не действовали просьбы и приказы замолчать.

— Угу. Ученый-моченый, весь из себя, — признала Эльза.

— Все эти интеллихенты опасны... опыты свои ставят...

— ВЫ МОЖЕТЕ ЗАТКНУТЬСЯ ТАМ? — заорал на них мужчина, который никак не мог начать свою речь.

— Извините, — пискнул Игорь. — Вы там продолжайте, колдуйте себе на здоровье...

— Придурки, — прошипел культист, а затем зычно прокашлялся. — Друзья мои, сегодня мы собрались в этом зале, чтобы снова познать величие нашей Природы. В наши дни люди позабыли о былом величии...

— А пожрать дадут? Банкет там, застолье... — Игорь все не унимался.

— Не знаю. Ты видишь тут столы? — Эльза оглянулась.

— Блядь, и как они проводят эти ритуалы на пустой желудок?

— Вы можете заткнуться уже?! — горе-оратор был уже вне себя от бешенства.

— Реально заебали, вы чего? — зашушукали на героев со всех сторон.

Эльза примирительно подняла руки и красочно жестами показала, что зашивает себе рот, а также своему другу.

— И чего так воняет? — спросил один культист.

— Несет прямо, — выругался другой. — Как будто говно...

— Говно не то слово... — прошептал Игорь, весь из себя довольный. — А я после того, как посру, очень хочу жрать...

— Вечный цикл Природы, — согласилась со своим другом Эльза. — Тоже захомячила бы сейчас что-нибудь.

— ХВАТИТ УЖЕ ПИЗДЕТЬ!!! — культист на постаменте начал размахивать руками из стороны в сторону негодуя, что на него не обращают внимания.

Одним таким размашистым неаккуратным движением он сдвинул кляп у своей жертвы, чем та и воспользовалась.

— Это они! — закричала жертва.

— Кто они? — культисты непонимающе зашушукались.

— Вы не поняли, идиоты? Вас всех надули! Вы хотели меня убить, а вас уже выследили! Это Высшие Альфахи!

— Где? — все начали озираться, оборачиваться, а потом разом устремили свои взоры на Игоря и Эльзу.

— Блядь, — громко выругался Игорь.

— Это что еще за хмырь? — не поняла Эльза.

— Да это тот мужик, что предлагал нам задание на шкуры волков, помнишь?

— Ну...

— А Кос сказал отказаться. Ну мы и отказались. А он был в бешенстве... тогда Пиксель решил его послать пожестче...

— О нет, — Эльза поднесла руку ко рту. — Пиксель не мог...

— О, еще как мог. Очком своим клянусь. Послал очень жестко. А этот хмырь, значит, обиделся, обиду затаил...

— Игорь, ты и правду стал разговаривать нормально.

— Говорю ж, атмосфера тут академическая. Я ж, енто, вомбат...

— Кто?

— Ну, вомбат. Или эмпат, хуй разберешь...

— А-а.

Культисты очень долго с ненавистью в глазах смотрели на них. А затем все разом достали из-под своих балахонов ручные заряженные арбалеты.

— Бля-я-я-я... — прошептала Эльза.

— Ага. А откуда они достали арбалеты-то? Из жопы?

— Высшие Альфахи, вы окружены! — заорал мужик с «алтарной трибуны».

— Это мы уже поняли, — тяжело вздохнул Игорь. — В общем, енто конец.

— Угу. Я люблю тебя, Игорь.

— И я тебя, Эльза. Жаль, что мы так часто ссорились.

— Что было, то было. Прощай, Игорь.

— Прощай, Эльза.

Кто-то выстрелил. Арбалетная стрела устремилась прямо к ним...

— А ты куда собралась? — поинтересовалась Рунная у госпожи Хомяковны.

Вечерело. А госпожа Хомяковна как раз направлялась к зубному, у которого уже очень давно не была.

— Домой... — госпожа Хомяковна застыла на выходе.

— И какой же сейчас час, позволю себе спросить? — яда в голосе главбушки было столько, что хватило бы на смазку всех мечей приключенцев в небольшом отряде.

— Восемь.

— Правильно. Восемь. А рабочий день у тебя до десяти, дорогая.

— Но как? — госпожа Хомяковна аж раскрыла рот от удивления. — Я и так задерживаюсь, а работать надо до шести...

— Работать надо столько, сколько я скажу, поняла? Марш за свой стол!

— Это же нарушение Трудового Кодекса... Регламент...

В косяк двери, у которого она стояла, вонзилась заточенная острая распрямленная скрепка. Еще немного, и металл мог прошить глаз госпоже Хомяковне.

— Сядь. За. Свое. Место, — речитативом выплюнула Рунная. — Живо! Ты смеешь мне перечить, тварь?!

— Нет... — госпожа Хомяковна замотала головой и еле улыбнулась. — Нет, простите...

— Сгинь с глаз долой, тварь. Еще раз посмеешь уйти раньше меня, и я брошу в тебя степлер. И на этот раз я не промахнусь.

Стрела чиркнула пространство около головы Игоря и полетела дальше.

— Вы можете прекратить уже пиздеть?! — закричал главный культист.

— Это они, это Высшие! Вам надо хмххфхх... — последние слова мужика на алтаре уже никто не услышал, потому что кляп водрузили на место.

— Что вы тут делаете, Высшие? — сурово спросил у Эльзы и Игоря культист.

— Нам квест выдали! — радостно заявила Эльза.

— Замечательно, барышня. Мы-то тут при чем?

— Ну, типа, мы должны вас всех убить, — признался Игорь. — Государство такой заказ дало.

— Замечательно! — культист рассмеялся. — Теперь государство открыто и без лишнего лицемерия заявляет о своих кровожадных намерениях! Чудесно!

— Простите меня великодушно, господа, но кто бы говорил о своих кровожадных намерениях, м-м? — урезонила собравшихся мужчин эльфийка.

— А чем наши намерения вам не нравятся? Мы никого в жизни не убили!

— Ага! Рассказывайте! — возмутилась Эльза. — Вы же культисты сраные, а это что, как не алтарь для жертв?

Наступило тягостное молчание.

— Госпожа, — робко произнес один из сраных культистов. — Похоже, образовалось недопонимание. Мы ученые, а это не алтарь, как вы выразились, а стол для аккумуляции магической энергии...

— Во! Я ж говорил! Атмосфера такая академическая! Интеллихенты гребаные... — Игорь ликовал.

— Нам вообще-то государство сообщило, что вы убийцы и насильники! — отчитала собравшийся ученый симпозиум Эльза.

— И кому вы верите? — рассмеялся главный культист-ученый. — Тем, кто собирает с вас налоги? Кто не выполняет своих обещаний?

— Ну, енто он верно базарит... — невольно пришлось согласиться Игорю.

— Позволю себе также обозначить вам, — продолжал не-культист, — что именно государство воспрепятствовало нашим ученым разработкам в сфере магических исследований! Они явно что-то скрывают!

— Вообще-то, государство всегда радело за науку, — поспорила Эльза.

Практически все в зале громко рассмеялись.

— Да, точно, а наши увольнения и преследования — это для нашего собственного блага, — с иронией заметил один из ученых. — Все мои разработки были уничтожены, стерты!

— И мои! — согласился с ним его коллега.

— А мои вообще украдены! Суки! — возмущению умных людей не было предела.

— Ладно, а это что тогда? — Эльза показала на алтарь. — Кража людей, связывание, пытки...

— Да какие пытки, — отмахнулся от них главный ученый. — Просто проводим опыты.

— Вот! Злые ученые опыты!

— Опыты — это опыты, госпожа. Они не могут быть злыми. К тому же этот человек — злостный коррупционер, а также браконьер, у которого есть связи в городской администрации. И мы его не убьем. Мы вообще никого не убиваем.

— А я бы убил! — закричал Игорь. — На костре бы сжег!

Некоторые в зале даже заплодировали идее Игоря.

— Мы не варвары, госпожа, — продолжал ученый рядом с не-алтарем. — Просто хотим провести в свободное от работы время свои личные исследования. Мы не портим никому жизнь.

— Ну, хорошо, — начала уступать Эльза. — А все эти одеяния? Нахера наряжаться как культисты?

— Нам понравился стиль прошлого, — признался ученый. — Так раньше одевались в знаменитом Ордене, который был впоследствии уничтожен паладинами. Да, в Ордене не все были добропорядочными... даже стоит

признаться себе, что *большинство* в Ордене были крайне злыми, хитрыми и кровожадными магами... но нам понравился стиль и только! Мы не собираемся перенимать традиции прошлых веков!

— Ага-ага, знаю я вас, — в саркастическом тоне произнесла Эльза. — Сегодня не собираетесь, а завтра мы все уже на операционном столе. И что вы вообще изучаете?

— Магию, госпожа.

— Но она же умерла... точнее, ее не существует!

— Это да. Но...

— Что «но»?

— А так ли это?

В кабинет бухгалтерии вбежал запыхавшийся менеджер.

— Скорее! — с заметной одышкой прокричал он. — Новый тендер...

Рунная, которая в этот момент сидела в квадратных жутковатых очках, уничижительным взором осмотрела коммерсанта.

— У нас закрытие квартала, молодой человек.

— Какое нахуй закрытие, ты о чем? — менеджер покрутил у виска. — Тендер!

— Я очень вас *попрошу* не выражаться в присутствии дам, а также я не давала вам никакого права называть меня на «ты»! Совсем страх потеряли?

— Я пойду жаловаться... аргххх!

Тело незадачливого менеджера грузным кулем упало на пол, и он, задыхаясь, дергался в конвульсиях, держась за шею.

— Неплохое попадание, — похвалила свою коллегу Бегетта, заходя в смежный кабинет. — Очень недурственно — степлером да в сам кадык! Я, правда, всегда предпочитала метить в сонную артерию, но это уже сугубо личные пристрастия...

— Неужели они не понимают, что нам нельзя мешать, Бегетта?! — возмутилась Рунная. — Мы тут работаем!

— Они тоже, — пожала плечами Главная. — Просто по-своему.

Она со всей силы наступила на горло менеджеру, а затем пнула того в пах. Бедняга возопил от боли.

— У каждого свои методы работы, — улыбнувшись, Бегетта стала наливать себе в чашку воду из чайника, но почему-то промахнулась и обжигающий кипяток сейчас заливал лицо менеджера. — И каждый защищает свои интересы.

— Это верно! — поддакнула Рунная.

Они еще немного мило поворковали, потом еще немного поистязали менеджера, попинали его еле дышащее тело, а затем вернулись к работе. Предстояло еще сдать множество отчетов...

Тут в кабинет вошла госпожа Хомяковна, неся с собой небольшой пакетик с булочками.

— Ой! — она нечаянно наступила на менеджера, который уже не подавал признаков жизни.

— Хомяковна, где ты была?! — начала с места в карьер Рунная.

— Обедала... — пролепетала госпожа Хомяковна, зная, что сейчас начнется очередная взбучка.

— Обед лично у тебя я постановила не более получаса. Я засекала — прошло уже тридцать пять минут. Что ты делала в свое рабочее время?

— Я еще в туалет ходила...

— И что там делала? По-маленькому или по-большому?

— Я...

— Чтобы в следующий раз говорила мне, если идешь в туалет, поняла? И чтобы ходила не более двух раз в день! Копи говно в себе, а потом выпускай, ясно?

— Да, — госпожа Хомяковна потупила голову.

— Свободна! — Рунная презрительно махнула рукой, отпуская младшего бухгалтера.

Госпожа Хомяковна села за свой стол, распаковала пакетик с булочками, а потом обиженно, со слезами на глазах, посмотрела на свою начальницу.

— Чего ты? — спросила удивленно Бегетта. — Мучает тебя?

— Почему ты меня не защищаешь? Почему?

— А я тут при чем, Хомяковна? У меня свои заботы, у тебя — свои. Думаешь, мне она нравится? Но если я буду за тобой бегать, тебя утешать, то у меня не будет сил ее сместить... а час расплаты наступит скоро, ты бы знала... работай, Хомяковна, работай спокойно, скоро все станет по-прежнему. А на ее место найдем какого-нибудь лоха, тебя разгрузим.

— Правда? — госпожа Хомяковна воспрянула духом. — Найдем того, кто будет мне помогать?

— Ну да. Какого-нибудь лошка-парня, на кого все сбросим, а ему нальем в уши, что он Главный. Легче всего в этом мире манипулировать мужчинами, запомни это, Хомяковна. А с женщинами надо поостроже и... хитрее...

Бегетта мечтательно закатила глаза и хищно ослабилась.

Эльза бросила светящуюся руну на стол Коса.

— Квест окончен! Экспа получена, сокровище залутали!

— Чо? — Кос слегка прихренел. — Попонятнее можно?

— Да это из серии книг «Лолодин и Рога». Ну, типа, всех замочили, всех победили, сундуки вскрыли, артефакты получили.

— Кого вы замочили-то?

— Нас, — вперед выступил главный ученый. — Точнее, госпожа Эльза нас не била, и мы ее также не обижали. Меня зовут Эдвард, я родом из Кэпстоуна.

— О, портовый город, — невольно присвистнул Кос. — Далековато забрались, однако.

— Я ученый... бывший, правда. Раньше меня шпыняли из города в город — руководству не нравились мои исследования.

— А чо изучали-то хоть?

— Магию.

При этом слове руна ярко засветилась. Кос выронил ее из рук, словно ошпаренный.

— Епт. Предупреждать надо, — пожаловался директор.

— Эта вещичка не опасна, господин. Это руна притяжения — аккумулирует частички заряженной магической энергии, а затем выпускает их в световом излучении. Надо признаться, что в этом здании поразительное количество рассеянной магии...

— Ну а то... — Кос задумчиво покрутил светящуюся побрякушку в руках. — Мы тут все немного ебанутые...

— Госпожа Эльза также сказала, что к вам можно обратиться касательно трудоустройства...

— А. Да. Это ко мне. Я тут ваще всех трудоустраиваю, как пулемет. Скоро каждый бомж в городе будет в моей фирме, так мне кажется.

— Это хорошо. Потому что я не совсем один.

— Сколько вас? — поинтересовался Кос.

— Еще трое, кроме меня.

— Блядь!

— Именно, господин.

— Эльза, твою мать, сколько еще бомжей-убийц мы оформим?

— Кос, ну ты же сам хотел развиваться... — закончила эльфийка, заламывая руки. — Расширяться... они такие милые ребята, и Игорю понравились... давай устроим их, а?

— Позволю себе заметить, — вставил Эдвард, — что мы определенно вам пригодимся. Я уверен, что искатели приключений еще не раз столкнутся с магическими феноменами...

— Хуеноминами, — парировал Кос, перебивая ученого. — Нахуя нам столько рыл?

— Мы будем работать за МРОТ, господин.

— Это, это уже ближе к делу. Только я не видел ни одного человека, кто бы прожил на минималку. Даже бомжи получают больше с милостыни!

— Кос, ну давай их устроим! Позызя, — снова начала упрашивать Эльза словно маленькая девочка.

— Ну ладно, — уступил ей Кос. — Будет у нас куча бомжей. Точнее, ученых. Надо же показать государству наши громадные отчисления в социальные фонды...

— Отчисления? — непонимающим взором уставился на Коса ученый.

— Ну да. А как еще? Официальное оформление, все дела...

— Официальное? — Эдвард весь затрясся.

— Дядь, ты чего?

Бедный ученый рухнул, обессиленный от душевных мук, на кресло. Эльза бросилась к нему, опасаясь худшего. Померила пульс...

— Все хорошо, все хорошо, — друзья заметили на глазах у Эдварда слезы. — Просто... я никогда не был оформлен официально. Это... такая честь...

— Чи-го-о? — Кос охренел. — Ты же на государство работал, забыл?

— Да... но... ученых не особо любят, особенно тех, кто не старается угодить начальству. Поэтому меня оформляли на фирмы-однодневки коммерческие... по крайней мере, так мне сказали... а потом я получил справки от налоговой и оказалось, что я ни дня не проработал «по белой»...

Эдвард сокрушенно плакал, заливался слезами, а Эльза обнимала его, похлопывая по спине.

— Ну-ну... — утешала она нового сотрудника.

— Дела... — проговорил потрясенный Кос. — Чо творится в мире, а? И иногда думаешь — а на каких монстров стоит охотиться?

Директор даже не вбежал в бухгалтерию, а именно что влетел. Как смерч. Как ураган. Взметая все на своем пути.

Директор сегодня жаждал крови.

— Я не понял! Что это, блядь, такое?! — он с яростью бросил на стол Рунной кипу бумаг.

— Простите... — Рунная вся задрожала и попыталась взять одну из бумажек, чтобы прочитать, но Директор выхватил листок из ее рук.

— Ты, блядь, что наделала?! — Директор со всего размаху отвесил бухгалтеру звонкую пощечину. — Ты все испортила!!

— Простите, но я не понимаю...

— Не понимает она. Не понимает! Я тебе покажу, как не понимать! Я лишился из-за тебя внушительной суммы денег! Сука, тварь, ебланка тупая! Кто мне теперь возместит мои монетки?!

Он еще раз изо всех сил ударил Рунную.

— Я...

— Тупая шмара! Ненавижу! Бегетта, иди сюда! — позвал Директор Главную.

— А я уже здесь, — Бегетта, ехидно улыбаясь, стояла в дверном проеме, который соединял два смежных бухгалтерских кабинета.

— Твоя помощница серьезно накосячила, Бегетта. Твои оправдания?

— О, все просто, господин Директор, это не моя помощница. Это главный бухгалтер отдельных фирм, вы сами так сказали.

— Я тебе сейчас руку сломаю, Бегетта, — прошипел Директор, который был вне себя от злости.

— Попробуйте, — милостиво разрешила своему начальнику Бегетта. — Попробуйте, господин Директор. Но в итоге вы окажетесь сами без руки, а я солью все ваши финансовые манипуляции в соответствующие органы.

Директор злобно выдохнул.

— Ладно, — он еще раз ударил Рунную. — Прости меня, Бегетта, был не прав. Мужчина не должен так разговаривать с женщиной.

Он еще три раза ударил Рунную, а затем столкнул ее со стула.

— Мерзкая тварь... — прошипел галантный владелец фирмы.

— А что случилось? — как будто ничего не зная, невинным чистым ангельским голосом спросила Бегетта.

— Что случилось? Мы потеряли один из самых крупных тендерных контрактов в нашей жизни, Бегетта. Таких денег нашему расчетному счету в банке никогда не снилось.

— Правда? — Бегетта поднесла руку ко рту, чтобы скрыть улыбку. — Да вы что?! Какая досада...

— Досада, блядь. Все из-за нее! — Директор указал на Рунную. — Это она должна была отправить соответствующие отчеты в органы по сделке!

— Я все отправляла... — попыталась оправдаться Рунная, которая вся в крови лежала у стены, тяжело дыша. — Я все отправляла...

— А это тогда что?! — возопил Директор, тряся бумагами. — Какого хуя я получаю одновременно претензию от клиента о неисполнении договорных обязательств, а также требование из налоговой с повинной явкой! Я пойду в налоговую, сука, ты понимаешь?! Да там с меня шкуру сдерут!

— Я пойду с вами, господин Директор. Вместе мы обязательно что-то придумаем, — елеинным голосом произнесла Главная.

— Спасибо, Бегетта. Ты настоящий друг. А эта...

— Каждый ошибается... возможно, еще дело поправимо...

— Бегетта, прошу, возьми этот тендер под свой контроль. Свяжись с менеджером. Он сейчас в тяжелом состоянии, сказал, что его избили... каждый день новая беда!

— Справимся, господин Директор. Все будет хорошо, — успокоила своего начальника Бегетта.

— Здорово. А на эту тварь подготовь документы об увольнении. Чтобы сегодня после обеда ее тут не было, ясно?

И он вышел. Так же быстро, как и зашел.

— Я... не понимаю... — Рунная попыталась встать, опираясь на стол.

— А что тут не понимать, моя дорогая? — довольным голосом пропела Бегетта, которая уже готова была раскрыть все свои тайные карты, снять завесу паутины с глаз незадачливой главбушки. — Ты думала, что ты можешь прийти и сразу же навести тут свой порядок? Ты думала, что можешь сместить меня, которая работает тут уже не первый год? О, моя дорогая, как же ты ошиблась!

— Я все рассчитала...

— Ты ничего не рассчитала, дура! Все тут ходят подо мной, пусть этого и не заметно невооруженным глазом, пусть для того, чтобы это заметить, надо включать мозг! Изначально ты наделала столько ошибок, что твое

увязание в корпоративном болоте не заставило себя ждать...

— Я...

— Давай начнем, моя дорогая. Хотя бы с недавних событий. Помнишь, ты избила менеджера, который как раз принес с собой вести о крупном тендерном контракте? Ты, наверное, думала, что если я веду себя так вальяжно с отделом продаж, то и тебе это допустимо? Но, дурочка ты моя ненаглядная, в отличие от тебя, я *изучаю* все сделки. Я контролирую их! И заворачиваю контракт лишь тогда, когда буду уверена, что ко мне не придут! А ты профукала самую крупную сделку в истории фирмы!

— Но я изучала историю денежных поступлений... самые крупные сделки осуществлялись на твои фирмы...

— Это правда. Но ты думаешь, я не могу создать *свою* сделку?

Рунная тупо уставилась в пространство.

— Свою... сделку?

— Какая же ты глупая! Молодая и наивная! Да, дорогая моя, свою сделку! Ты, со своим ограниченным кругозором, полагаешь, что весь мир крутится вокруг одной только этой фирмы? Но бизнесов множество, моя дорогая, великое множество! И давно всем известно, что наш Директор не умеет нанимать сильных менеджеров, поэтому этим занимается Коммерческий, а он берет в свою команду лишь откровенных слабаков, которые либо будут ему подлизывать и помогать с его клиентами, либо будут наработывать свою клиентскую базу, которую Коммерческий заберет себе после их увольнения.

— Но... свою сделку...

— А что тут такого? У меня есть друзья и в более крупных фирмах. Я встретила на выходных с одним, он мой старый должник, а он за пару мгновений нашел паршивенького клиента... по его мнению паршивенького! А для нас это настоящее сокровище, настолько тот менеджер силен!

— Но почему ты не делала так раньше... ради блага фирмы...

Бегетта громко засмеялась.

— Благо фирмы? Я? Ты за кого меня принимаешь, дорогуша? Да пусть эта фирма катится к чертям собачим! Я думаю лишь о себе... о себе, ты поняла? И не в моих интересах, чтобы фирма, где я работаю, зарабатывала много, ведь, как известно, большие обороты приносят много работы бухгалтерии. Мы держимся на плаву, кое-как выживаем, не развиваемся — и за этим я четко слежу!

— Это...

— Плохо? Кошунственно? Это жизнь, детка! Ты еще многого не понимаешь, — Бегетта сочувственно покачала головой. — Но давай продолжим. Итак, наш менеджер принес в своем унылом клювике сделку, которая на самом деле была *моей* сделкой, а ты разыграла партию именно так, как я и рассчитывала. Профукала все на свете!

— Но я... отправляла отчеты...

— Правда? А что, если в отчеты закрались *маленькие* ошибочки? — Бегетта ехидно усмехнулась.

— Ты не могла! Это нарушение бухгалтерской профессиональной этики!

— Да брось ты! У меня даже бухгалтерского образования нет, куда мне до этой вшивой этики! Но самое замечательное, где ты прокололась, не это... а твое упование на Коммерческого!

— Есть еще надежда... я ему позвоню и...

— И услышишь гудки, моя милая, — рассмеялась Бегетта. — Ведь, дурочка ты моя ненаглядная, Коммерческий на самом деле спит с Арбайтовной, моей старой подругой, а тебя он просто использовал как подстилку! И когда ты начала говорить ему про развитие... о, это было началом конца. Развитие в этой фирме? Только через мой труп!

— Я думала, что ему интересно развитие... я думала, что он меня любит...

— Милая моя, профессиональные менеджеры не любят никого и ничего, кроме денег. И также они ненавидят развитие. Ведь развитие равносильно уважению и улыбкам, предназначенным новоприбывшим специалистам, также необходимо вливание инвестиций... и в конечном итоге доходы Коммерческого упадут. Рунная, дурочка ты моя, ты перешагнула дорогу сразу мне, Коммерческому и Арбайтовне... ты думала, что это могло долго продолжаться?

Рунная не дослушала. Еще до окончания последнего слова она бросилась на Главную, держа в руке острый нож. Да, это было явным нарушением офисного боевого Регламента, но Рунная жаждала мести. Ее обставили, унизили, а теперь она вынуждена будет искать новую работу. Но прежде...

Бегетта не успела вернуться и удачно перехватить удар — Рунная была закаленным сильным офисным бойцом. Главная выхватила папку, приняла удар ножа на корешок, но этот маневр обошелся ей дорого — она грузно повалилась на пол и не успела даже выдохнуть, как на нее взгромоздилась Рунная, метя острым клинком в шею Главной.

Госпожа Хомяковна, которая тихонько сидела за своим столом, тут же вскочила и устремилась к дверному проему. Она быстро оценила ситуацию — дела были крайне плохи. Бегетта из последних сил сдерживала клинок

обеими руками, который сантиметр за сантиметром приближался к ее обширной пульсирующей от нервов шее.

— Хомяковна... — прокряхтела Главная. — Помоги...

— Не стоит помогать, Хомяковна, — жестким голосом сказала Рунная. — Да, ты меня ненавидишь, но я уже уволена. Я уйду. И заберу с собой и ее. Ты останешься одна, Хомяковна. Может быть, сама станешь Главной. Не мешай.

— Хомя... — у Бегетты уже не оставалось сил.

Что же делать? Госпожа Хомяковна лихорадочно принялась думать.

Ее начальницу скоро убьют. Другую начальницу скоро уволят. Вроде все хорошо? Можно будет немного отдохнуть, пока не найдут следующего ее мучителя? Но... Регламент...

Да, Регламент. Именно он. Помощники должны стоять за своих начальников. А как иначе? Зачем работать, если не любишь и не уважаешь своего босса?

Госпожа Хомяковна приняла решение и ринулась спасать Бегетту.

Великий Бухгалтер сухо откашлялся.

— Да, Вась. Заболел? — участливо спросил Кос.

— Нет. Просто обозначил свое присутствие.

— А. Это тоже здорово. Чо надо-то?

Кос внимательно посмотрел на своего крайне бледного главбуха.

— Точно не заболел?

— Вампиры не болеют, Кос. Я просто немного устал. Совсем немного.

— Ну а чо, столько дел наворотили! Куча сотрудников, обособленное печатное подразделение, выпускающее нашу собственную газету, тендерные контракты, ученый-моченый департамент... и это только начало!

— Жутко даже представить, — Вася натянуто улыбнулся. — И все же я устаю. Годы берут свое.

— Да брось ты! — Кос отмахнулся. — Ты же молод! Сколько тебе сейчас? Пару тысяч лет?

Повисло неловкое молчание.

— Больше, что ли? — удивился Кос.

— Не важно. Мне очень нужен помощник.

— А. Ну чо. Давай. А как же Пиксель?

— Боюсь, что он отказался. Если приводить его цитату, уж прости меня за прямые кавычки, «ебал я эту вашу бухгалтерию».

— Чего? — у Коса глаза расширились от удивления. — Не может быть! Это же Пиксель! Единственный гремли-нджентльмен в мире!

— Боюсь, что дружба с Игорем несколько подпортила его манеры.

— Вот уж Игорь! А еще называют его дураком, — Кос рассмеялся. — Он мир под себя меняет...

— Наверное. Разместишь вакансию, пожалуйста?

— Конечно. А какой чувачок нужен? Опытный? Умный? Красивый? Четкий?

— В моей нынешней ситуации, Кос, мне пригодится любой, как ты выразился, «чувачок». Лишь бы работать хотел.

— Не, ну я знаю вас! Сначала любой, а потом пошло нытье. Короче, я лично займусь поиском, лады? Потерпишь?

— Постараюсь.

— Наладим твой отдел, а потом в отпуск сходишь. А, какво?

Снова повисло неловкое молчание.

— Что? — Кос нахмурился.

— Что такое отпуск?

Госпожа Хомяковна очнулась. Голова очень сильно болела, раскалывалась, виски ломило, а хвост и вовсе поломался. Хотя... какой еще хвост? Она сошла с ума?

— Какой сейчас год? — усталым голосом спросила она у врача, который сидел рядом с ней и читал газету.

— Успокойтесь, дорогая. Не нужно суетиться, я вам как врач говорю.

— Но... я всегда суечусь, — у госпожи Хомяковны закружилась голова. — Всегда... много работы. Точно, работа! Закрытие квартала!

— Закроют и без вас, — доктор меланхолично перевернул страницу газеты. — Что вам, бухгалтерам, вечно не терпится, никак на месте не усидите? Помню, привезли недавно к нам одну, а у нее сотрясение мозга — на работе избили. А она все бормочет про какие-то требования, про налоговую...

— А она успела в итоге ответить на требование от налоговой? — поинтересовалась госпожа Хомяковна, начиная беспокоиться за свою бедную коллегу.

Врач устало вздохнул.

— Хватит. Отдохните. Не думайте больше про эти ваши цифры, отчетности, балансы. Возьмите отдых, отпуск.

— Так не дают отпусков! Сколько уже просила...

— Плохо просите, значит! — укорил ее доктор. — Вы вот хотя бы подлизываете начальству?

— Нет, что вы!

— А надо бы. Как еще отпуск получите? Я вот заведующему своему пожелаю каждый день доброго утра, кофе ему налью, хорошее слово скажу — он и раздобрееет. Поэтому и отпуск у меня есть, целых два дня в году! — похвалился врач.

— Это ужасно, — пробормотала усталая госпожа Хомяковна.

— Таков уж мир. Мы ничего с этим не можем поделать. Но иногда отдохнуть нам требуется, организм не может постоянно справляться с накопившимся стрессом на работе. Отдохните, прошу вас. Хотя бы недельку.

— А вы выпишете мне больничный? — попросила госпожа Хомяковна. — И сообщите на работу?

— Да, конечно, без проблем, — успокоил ее добрый врач. — Вот держите.

Он подал ей серенькую бумажку и ручку.

— Что это?

— Ордер на списание денежных средств с вашего счета в банке. А вы как думали? Что я бесплатно вам больничный оформлю? А как мне жить тогда?

Кони были холеными, кучер — вышколенным, а карета — просто фантастически прекрасной.

Чудесная резная черная дверца приоткрылась, и показался сам граф Марков.

Эльза подбежала к своему любимому другу и тепло его обняла.

— Ты добрался, — эльфийка прижалась к теплой обширной мощной груди графа.

— Да. Я снова с вами.

Эльза посмотрела на него снизу вверх, не разжимая своих крепких объятий, а по ее щекам струились добрые слезы.

— Я ждала!

— И не проводила времени зря, — граф одобрительно посмотрел на нее, вытирая слезы с ее щеки своим указательным пальцем. — Слышал, что ты расправилась с целым орденом злобных культистов.

— О... да! — Эльза смущенно зарделась. — Но, знаешь, они оказались очень милыми ребятами. А Эдвард... глава культистов... он очень умен!

Она постеснялась сказать, что он также и красив. Она никогда не видела живого ученого за сто лет своей жизни... точнее, видела, но все они были какими-то чудаковатыми, а Эдвард был просто великолепен.

— Я вижу, ты окружаешь себя достойными мужчинами, — засмеялся граф, еще больше вгоня эльфийку в краску.

— Да ну тебя! — Эльза шутливо оттолкнула Маркова. — Ни чуточки не изменился! А как там твой... процесс?

— Развод? Крайне неплохо идет, смею заметить. Она подала на алименты, а я — на моральный ущерб моему психическому здоровью. Недавно мои юристы состряпали бумаги, что она испражнялась в мою кровать.

— Правда? Она правда так делала? — у Эльзы глаза расширились от удивления.

— Да нет, конечно! — граф махнул рукой и улыбнулся. — И даже если бы и делала, то что, я не могу переселиться на другую кровать? В моем имении множество комнат, в некоторые я даже никогда не заходил.

— То есть это бюрократия...

— Это судебные тяжбы. Некий подвид интеллигентной дворянской войны. Была бы моя жена из простонародья, то, конечно, никакого бы суда и не было — я же не монстр. Но я и Мари... мы оба представители старинных родов. И я только сейчас понял, что в наше время таким родам лучше не объединяться.

— Подожди... до меня только сейчас доперло! У тебя есть ребенок, что ли? От прошлого брака...

— Нет! — граф замотал головой, словно услышал нечто недопустимое. — С ребенком все было бы куда сложнее. И так суд грозит затянуться на лет десять-двадцать, а с ребенком... нет, Эльза, я никогда не делил кровать с моей женой. Наш брак был... официальным. А потом она сошла с ума от одиночества...

— Бедняжка...

— Как сказать. У этой «бедняжки» есть средства, чтобы купить себе целый город, а также пару деревень в придачу. Просто она хотела любить, а наши семьи решили иначе.

— Так ты ей не разрешал изменять?

— Почему? Она вольна была делать, что захочет! Честно скажу, что последний год я ее и не видел. Видимо, такая свободная и вольготная жизнь совсем ее доконала...

— То есть ты не проявил патриархальных мужских качеств?

— Так в суде и говорят, да. Она очень обижена на меня, что я не смог ограничить ее свободу, воспитать ее... но мне было не до этого! А теперь расплачиваюсь... алименты на бывшую жену, кто знал, что я до этого докачусь, Эльза?

— И твой род теперь посрамлен?

— Нет, конечно, — граф мягко улыбнулся и взял эльфийку за руку. — Чтобы посрамить мой род, надо изрядно постараться. Даже если бы я устроил всемирный геноцид, то был бы прощен. А что делали мои предки... уму непостижимо! Тебе этого лучше не знать, плохо спать будешь. Аристократия — это не мягкие зверушки, Эльза, это прожженные ценители жизни.

— Пойдем покажу тебе наш новый офис, ценитель жизни ты хренов.

— Пойдем. С удовольствием осмотрюсь. Возможно, что и для меня найдется задача.

— Слушай... — Эльза нахмурилась. — А ты случайно не разбираешься в бухгалтерии? А то у нас завал под закрытие квартала...

— Случайно разбираюсь, — добродушно сказал граф. — Любой аристократ должен уметь управляться с цифрами. А также подделывать бумаги. В этом нам равных нет.

— Привет! Я пришла! — госпожа Хомяковна, вся довольная, влетела в офис и принялась со всеми ожесточенно здороваться.

Ей удалось полежать в палате лишь недельку — больше денег на бесплатную медицину у нее не было.

Она ураганом вторглась в бухгалтерию, тут же благодушно заценив пустой стол Рунной в первом кабинете.

— Ура! — возликовала госпожа Хомяковна.

Она прошла дальше, в кабинет Главной, поздоровалась с Бегеттой, которая посмотрела на свою помощницу каким-то странным взглядом, потом хотела уже сесть за свой любимый рабочий стол...

— А вы кто? — невинным голосом спросила девушка, которая сидела за ее столом.

— Это вы кто? — сурово спросила госпожа Хомяковна, впечатывая девушку в стул своим мощным бухгалтерским взглядом.

— А, Хомяковна. Привет-привет, — Бегетта вежливо поздоровалась. — За документами пришла?

— За какими документами? — не поняла госпожа Хомяковна. — Я пришла работать! Квартал уже закрыли? Все хорошо?

— А какая разница? — Бегетта флегматично пожала плечами. — Тебя это уже не касается, ты уже уволена.

— Как...

Госпожа Хомяковна вся обмякла и, обессиленная, рухнула на пол.

— Пол еще не мыли, — поморщилась Бегетта, вонзая свои острые зубы в булку. — Ладно. Уволили тебя, ты что, не в курсе? По статье, тебя же неделю не было.

— Так я болела... я же ударились тогда головой о шкаф, потеряла сознание! Бегетта... я же тебя спасала...

— А я тебя просила? — фыркнула Главная. — Все было под контролем. В общем, что тут говорить, уже все сделано. Документы забирать будешь? Справки всякие...

— Подожди... так я же в больнице была! Как меня можно уволить? — госпожа Хомяковна встала и гневно посмотрела на свою бывшую начальницу. — Как ты смела! У меня больничный!

— Ну и засунь его себе в жопу, — огрызнулась Бегетта. — Какие ко мне претензии? Думаешь, это было мое решение? Директору понадобилось трудоустроить своего родственника, нужно было освободить любое место.

Главная показала на девушку, которая сейчас сидела за столом госпожи Хомяковны и мило хлопала глазами.

— Я родственница, — словно глупенький робот произнесла новая сотрудница. — Я сижу тут. Мне так сказали.

— Это беспредел! — возопила госпожа Хомяковна. — А что если я пожалуюсь в трудовую инспекцию?

— Да куда хочешь жалуйся, — поморщилась Бегетта. — Только ко мне не приставай. Ты так на меня кричишь, будто я тут фирмой управляю. Будто от меня все зависит.

— Я отдала этой фирме пять лет!

— А я шесть. И что? Орден мне за это выдали? Хомяковна, ты пойми уже, что решают за нас. Мы просто делаем, что скажут. Еще раз спрашиваю — ты документы будешь забирать?

Граф зашел в просторное прохладное помещение. Без стука, как полагается спонсору, на чьи деньги и существует фирма.

Зашел и сразу же узрел бедовую ситуацию.

— Василий? — позвал он, пытаясь взглядом найти вампира среди белоснежных залежей.

Великий Бухгалтер не откликнулся. Может быть, умер? Для бухгалтеров это типично — они умирают прямо за рабочим столом, составляя очередной отчет или отвечая уже на миллионное требование от налоговой. Бухгалтеры не могут без работы, для них она составляет саму квинтэссенцию жизни.

Как тогда умирают вампиры? Марков никогда не интересовался подобным вопросом, высшая нежить нынче попадалась не часто. Возможно, он рассыпается в прах?

— Василий! — снова позвал граф бухгалтера.

Он нашел бедного Васю за столом — бледного, трясущегося, судорожно что-то пишущего на листке бумаги.

Граф осторожно потряс вампира за плечо.

— А? Что? — откликнулся Вася, смотря на графа совершенно рассеянным взглядом.

— Ты заработался. Отдохни.

— Было бы время... — Вася тяжело вздохнул и пошарил рукой по столу, пытаясь найти чай.

Кружка была пуста. Пустая кружка для бухгалтера — это сродни аномальной иссушающей жары для крестьянина, который сокрушенно наблюдает за гибелью своих посевов. Пустая кружка — это символ конца, краха. Это время, когда хочется плакать и биться в истерике.

— Время всегда есть, — спокойно произнес граф. — Или его можно купить, одолжить.

— Я не понимаю... — Вася обхватил голову руками. — Я думал, что я справлюсь. Раньше справлялся... столько отчетностей прошло через меня, я даже помогал сводить баланс в Грецине. Но теперь...

— В Грецине? — граф слегка нахмурился. — Такого города не существует...

— Это было еще до существования городов, — Вася махнул рукой. — Тогда все было проще. Реальнее. Сейчас же нужно учитывать слишком много факторов, слишком путано...

— Странно слышать это от тебя, ты как будто сдался, — Марков улыбнулся и присел на соседний стул рядом с Васей, предварительно столкнув на пол гору бумаг. — Ты же Великий Бухгалтер, Василий! Тебе все по плечу!

— Наверное, Кос прав. Это возраст...

— Какая чушь. Ты переживешь нас всех, — граф на секунду задумался. — Я так подумал... ты ведь действительно нас переживешь. Разве можно считать себя старым в таком случае? Просто современные бюрократы сделали твое поле деятельности невозможным для нормальной работы.

Вася печально покачал головой.

— Я...

— Почему ты решил стать бухгалтером? — резко сменил тему граф.

— Нужно было найти отдушину. Отвлечение, — Вася ударился в воспоминания, откинувшись на спинку стула. — Это нужно было для выживания. Те, кто не сопротивлялся Зову, становились его жертвами.

— Зову?

— Да. Зову Крови.

В комнате резко похолодало. Граф невозмутимо пожал плечами — и так всем известно, что не все вампиры являлись безобидными существами. И что с того? Зумбийский тигр также не пожалеет человека и разорвет его на части — такова была его природа.

— То есть твои собратья погибали от рук... людей? — решил уточнить граф.

— Не всегда. Чаще всего они погибали от собственного сумасбродства. Хотя я бы не называл их «собратьями», с твоего позволения. Это просто другие вампиры, решившие растлевать свою Темную Душу. Это... это все в прошлом...

— Поэтому ты и подсел на чай, — Марков добродушно рассмеялся. — Старая привычка.

— Может быть, — Вася слегка улыбнулся. — Это уже психологический вопрос, я не задумывался глубоко. Я просто знаю, что чай — это жизнь. А жизнь — это чай. Я не хочу задумываться о большем.

— А надо бы! — граф жестом окинул пространство вокруг себя. — Это же никуда не годится! Тебе срочно нужен помощник.

— Я просил... — Вася тяжело вздохнул. — Но пока не нашелся.

— Тогда мы подождем его вместе. А в его отсутствие помогу тебе я, — граф привстал, на ходу снимая свой сюртук и закатывая рукава.

— А ты знаешь высшую бухгалтерию? — удивился вампир.

— Я аристократ, Василий. Из древнего потомственного рода. Хотя для тебя, возможно, он и не покажется древним, ведь он начинается свою историю *всего лишь* с самого зарождения этой страны.

— Но...

— Аристократы должны знать все, что позволит им выжить, Василий. И если я жив, значит, умею управляться с цифрами. И не только. Знаешь, сколько раз меня пытались отравить — мои же родственники? Да, для тебя чай — это Жизнь, а для меня это один из способов отправиться в мир иной. И я, как никто другой, знаю цену хорошо составленным бумагам и идеально подбитому балансу. Ведь если дворянский отпрыск не увидит ошибки в расчетах — значит, он скоро будет разорен. Все хотели поставить мне подножку... но я еще жив, черт побери!

— А где же эти пакостники? Те, что с жизненными подножками?

— Горбатого лишь могила исправит, — граф холодно улыбнулся. — А теперь давай за работу, у нас куча дел. И на время забудь про чай, пора переходить на кофе.

— Кофе? — ужаснулся вампир. — Но это же крайняя мера!

— А это что? — Марков сурово указал Васе на горы неразобранных бумаг. — Это разве не кризисная ситуация?

— Ты прав, — Вася застонал. — Я не хотел... действительно не хотел. Но ты должен понять — после кофе уже не будет пути назад. Мы будем работать как проклятые. Мы будем есть здесь, спать здесь, работа станет частью нас самих. Мы можем неожиданно... слиться с работой.

— Это риск, я понимаю, — согласился граф, кивая. — Но это наш долг, мой друг, наша миссия. Мы не будем ничего есть, мы не сомкнем глаз, мы будем работать с утра до ночи, пока каждая бумага не станет на свое место!

— Разве это в человеческих силах? — забеспокоился Вася.

— Нет. Но я не человек. Я — аристократ. Мы стоим выше рода людского. Мы истинные интеллектуальные работяги, патриоты своего дела. А теперь за работу!

У госпожи Хомяковны пела душа. Она была счастлива.

— Так хорошо, правда? — сказала она громко вслух.

Никто не ответил, но это было и не важно. Ей просто хотелось это сказать.

Она сидела одна в своей квартирке, где несколько дней после увольнения тщательно прибиралась, мыла, чистила, драила — в общем, наводила генеральный маршфет. Раньше у нее не было сил заправить кровать и помыть посуду, а теперь она даже начала готовить.

Своя домашняя стряпня! Да, госпожа Хомяковна обладала поистине чудесными кулинарными навыками, которыми из-за плотного рабочего графика практически никогда не пользовалась. Только сейчас она поняла, что еда из столовой была чересчур переперчена, пересолена, пережарена — в общем, из-за нее развились нешуточные желудочные болезни! А еще этот спертый воздух в сжатом офисном пространстве... она сидела в кабинете без единого окна! Из-за этого у нее появилась неожиданная прогрессирующая мигрень, хотя раньше госпожа Хомяковна никогда не жаловалась на здоровье.

Теперь она сидела в своей квартирке с постоянно открытым окном. На плите готовился шикарный суп, в духовке румянилась шарлотка... госпоже Хомяковне захотелось заплакать от счастья.

— Ты был прав! — в слезах закричала она. — Надо было увольняться! Уже давно надо было...

Что-то одобрительно зашуршало. Госпожа Хомяковна решила не обращать на это внимание — возможно, это огромные тараканы или даже крысы, которых она теперь старательно выводила, после долгого своего отсутствия у себя дома.

— И запустила же я себя, знаешь! — госпожа Хомяковна продолжила говорить сама с собой. — Надо обязательно начать делать зарядку. И скоро пойду искать новую работу!

Что-то зашуршало слегка негативно.

— Думаешь, повременить? Да, значка есть, это правда. Но как я без работы? А вдруг мне слишком понравится лентяйничать, привыкну? Нет, еще недельку и баста! Буду искать. Думаешь, найду?

Что-то зашуршало немного загадочно.

— Обязательно найду, а как иначе? У меня же опыт работы есть! Правда, он нынче никому и не нужен, как и мое бухгалтерское образование, — всех по связям берут. Видишь, в какой я ситуации, словно и зря жила, да? Думала, что буду приносить обществу пользу, а времена изменились... но ничего! Я настроена оптимистически! Так...

Госпожа Хомяковна потыкала ножом вкусно пахнущую шарлотку.

— Есть будешь, кстати?

Что-то очень-очень одобрительно зашуршало.

— Надо мне перестать говорить сама с собой, — устало вздохнула госпожа Хомяковна. — Просто я чувствую себя немного одиноко теперь, вот, наверное, и завела себе воображаемого друга... ха-ха!

Воображаемый друг крайне невоображаемо зашуршал.

— Ладно. Все равно спасибо тебе. Оставлю тебе кусочек.

Вскоре госпожа Хомяковна заснула. А оставленный кусочек шарлотки мистическим образом исчез — и шуршащее накормленное нечто также пошло на боковую.

— Шнырь, а ну мигом за кофе! — приказал Кос, нервно бегая по офису.

Гоблин убежал в магазин на другом конце города. Ближайшие ларьки, бутики и продуктовые они уже опустошили.

Все были при деле. Игорь и Пиксель варили тонны свежайшего крепкого кофе, а Илларион проверял его качество, ведь кофе готовился по его рецепту, который он открыл в какой-то из своих старинных книг. Это был практически бесперебойный цех подачи топлива, хотя Игорь уже все чаще жаловался на немеющие руки, а шерсть у Пикселя побледнела от бессонных ночей — никто не спал уже трое суток.

Вася с графом Марковым работали на передовой, в бухгалтерской кофейно-бумажной геенне. Их тела уже покрылись черными коростами, сердца готовы были разорваться от психического напряжения и кофейной интоксикации, но они готовы были положить жизнь во имя бухгалтерии. Все, что им нужно было теперь, — это бесконечная подача кофе, чтобы он никогда не кончался, чтобы черная жидкость лилась рекой.

Граф не обманул — он действительно показывал себя молодцом. Вася не понимал, как Марков еще дышит, и не раз просил его остановиться, но граф был непреклонен — они либо сдадут отчет налоговой, либо сдохнут, иного не дано.

— Заказ застрял на Брентонской границе! — закричала Эльза, отрываясь от телефона. — Говорят, что проблема с таможенной. Они интересуются, почему мы скупили весь кофе в городе.

— Ебанный хрен... — проворчал Кос. — Дай им взятку какую-то.

— Окей.

В офис вбежал Эдвард, лихорадочно оглядываясь.

— Звали?

— Да, — отозвался Кос. — У нас тут пожар. Нужен весь твой ученый-моченый отдел.

— К вашим услугам, господин Кос.

— Ситуация экстренная. Нужно варить кофе. Много кофе.

— Что?

— Блядь, кофе нужен, понимаешь?! — нервным истошным голосом завопил Кос. — У меня уже психика начинает ломаться от этого пиздеца...

— Успокойтесь, пожалуйста. Вам нужен кофе, я понял. Какой крепости?

— Покрепче! — закричала Эльза из соседнего кабинета.

Она уже звонила в Кэпстоун — пусть зафрахтуют целое судно из Зумбии. Там особенно черные люди варят особенно черный кофе.

— Хорошо. Будем думать. Сегодня же вечером предложим действующий проект, хорошо?

— Ваще не понимаю, о каком проекте-хуекте ты говоришь, — раздраженно пробормотал Кос. — Мне просто нужен кофе.

— Тут можно разместить кофейные установки?

— Чо? Где здесь?

— В вашем кабинете?

— Ну... да. А чо? Чем этот кабинет отличается от другого?

— Тут сидите вы.

— Блядь, у нас нет времени для царского режима. У нас тут ЧП. БЛЯДЬ, ЭЛЬЗА!

Эльфийка быстро подошла к директору и вылила на его голову ушат обжигающе ледяной воды.

— Полегче? — участливо спросила она.

— Да. Голова просто раскалывается. Хочется бегать туда-сюда. Косяки даже, блядь, не помогают, понимаешь?

— Это бизнес... — мечтательно закатив глаза, произнесла Эльза. — Об этом мы и мечтали.

— Короче, можешь здесь хоть завод поставить, где хочешь, — снова обратился Кос к Эдварду. — А чо ты хочешь сделать-то?

— Магические кофеварки. Давно думал над этим проектом.

— Чо? Какие нахуй магические? Магии же не существует!

— А это тогда что? — Эдвард указал на дымящуюся руну на столе у директора.

— Блядь, Эльза! Стол уже горит! — возмутился Кос.

— Тут зашкаливающее количество магически заряженных частиц. Я это и раньше заметил, — Эдвард задумчиво почесал подбородок. — Даже не знаю, с чем связан этот феномен...

— Хуемен. Работаем мы тут. Вот и электризуется все, — буркнул Кос. — Какая, блядь, разница?! Я нервничаю! Мы сроки по сдаче отчетности уже нарушили, налоговики грозят прийти с проверкой!

Эдвард побелел.

— Я... не знал...

— Во-во, — Кос откинулся на спинку своего директорского кресла и закурил. — Понимаешь, какая жопа? Мы теперь тут работаем не то что сверхурочно — мы отсюда просто не вылезаем!

— Налоговики... — тихо проговорил Эдвард, весь дрожа. — Я один раз видел в одном НИИ, как они пришли. Тогда проверяли утечку налоговых поступлений... всю верхушку вырезали... я...

— Такая хуйня, Эдвард. Нам дали три дня на все про все. Если не справимся, то...

Но Эдвард уже не слышал. Он убежал в свою лабораторию творить. В этом мире еще не была изобретена кофейная машина, но сегодня ей суждено было появиться. Причем за каких-то три часа. Ничто не мотивирует человека трудиться лучше, чем налоговая инспекция.

Госпожа Хомяковна решила побалдеть подольше, поэтому еще пару недель работу не искала. Занималась собой и домом — гуляла, прибиралась, встречалась с подружками, коих не видела уже пять лет. Она удивилась, что подружки остались такими же глупыми, и огорчилась, что начала их понимать — на последней работе ее интеллект заметно деградировал. Она зашла в один известный в Брентоне книжный и прикупила там пару книг по

психологии. Из них она узнала, что она жертва, а все ее прошлые обидчики на профессиональном психологическом языке назывались арбузерами.

— Меня заарбузили, представляешь? — как-то вечером сказала сама себе госпожа Хомяковна, попивая чай у себя на кухне.

Нечто зашуршало непонимающе — похоже, ее невидимый собеседник совсем ничего не смыслил в психологии.

— А еще тут написано... ты послушай! «Пассивная токсичная агрессия, которая проникает под кожу, когда жертву арбузную ставят в неловкое положение от случая к случаю, чтобы заарбузить до неадекватного состояния, характеризующегося потерей контроля над реальностью». Да это же Бегетта! Точно она! Знаешь, как это называется в психологии? Пуклихтом! Слово-то какое придумали, однако!

Нечто попросило не шуметь так громко.

— Извини, увлеклась. Но ты подумай! Пуклихт! И вот в такой жопе я работала...

Госпожа Хомяковна задумалась, покачалась на стуле, а затем всплакнула для поддержания драматичности эффекта. Ей хотелось, чтобы кто-то ее утешил и обнял, но мужчины под кроватью не нашлось — она уже проверяла.

— В общем, что горевать! Заарбузили меня, но не убили же! Завтра же пойду искать работу.

Раздалось одобрительное шуршание. Перед сном госпожа Хомяковна еще пару раз процитировала современные психологические труды, ничего из написанного не поняла, раздражилась, побегала по квартире в возбужденном состоянии, потом начала танцевать, петь, крутиться вокруг своей оси, а затем, обессиленная, повалилась на кровать.

На следующее утро она встала в приподнятом настроении духа. Книжки по психологии куда-то пропали (наверное, их выбросили от греха подальше), а на маленьком столике на кухне теплится в вымытых чашках свежесваренный чай. Чашек было две, поэтому госпожа Хомяковна и выпила две чашки, не пропадать же добру.

Затем она отправилась в местный МФЦ (межгородской формализованный центр), где попросила у сотрудницы оформить ей талончик на звонок. Сотрудница предупредила, что очередь большая, все хотят позвонить своим родным, но госпожа Хомяковна была истинным бухгалтером — ждать для нее было не впервой. Она с благодарностью взяла талончик, а затем отправилась домой, где погрузилась в домашние дела.

Позвонить ей было нужно в Колосик, там какие-то альфаши искали себе бухгалтера, про это она прочитала в газете, которую получила от молодого гоблина на улице. Многих бы смутила подобная ситуация, но госпоже Хомяковне очень понравилось, что газета была бесплатной, гоблин вежливым, а также она выудила у курьера информацию, что альфаши владеют не только типографией, но и собственным бизнес-центром в Колосике. Что такое бизнес-центр, госпожа Хомяковна не поняла, но звучало солидно.

Также ей показалось солидным, что фирма имеет возможность купить телефон. Пусть на ее прошлой работе также был телефон, но так как госпожа Хомяковна теперь ненавидела свою прошлую работу, то она убедила себя, что телефона там никакого не было. А если и был, то явно был сворован. Когда очерняешь у себя в голове своего прошлого работодателя, то жить становится куда проще.

Через два дня она прибежала в МФЦ, подождала всего пять часов (пустяки для настоящего бухгалтера, особенно который работал в системе казначейства) и подошла наконец к заветному телефонному аппарату. Сотрудница центра с улыбкой пообещала госпоже Хомяковне, что скоро прогресс доберется и до жилых домов, что каждый гражданин Brentona будет иметь свой телефон. Госпожа Хомяковна покачала головой и подумала про себя, что такого бы ей не хотелось — и так за коммуналку платишь целое состояние, так еще и за телефон государство сдерет с тебя втридорога. Пока что можно и в очереди постоять. Да и если каждому поставить телефон, то люди перестанут встречаться друг с другом вживую, разве нет?

— Да? — ответил ей прокуренный голос с того конца провода.

И госпоже Хомяковне сразу же этот голос понравился. Этот голос явно принадлежал курильщику, а то и наркоману, который явно не страдал излишней формализованностью, а следовательно, не имел стремления закабалить своих сотрудников. Маргиналов госпожа Хомяковна уважала. Они были куда лучше главных бухгалтеров с инженерным образованием, куда лучше пигалиц, кто спит на работе со всеми подряд, куда лучше мужчин-директоров, кто поднимает руку на своих сотрудников.

И она так разговорилась, так оживилась, так растрещалась, что ее пухлые щеки покраснелись. Она поведала обо всех унижениях на прошлой работе, о том, как ее уволили по статье, рассказала и о психологических книжках, о беспорядке в своем доме, о своих глупых подружках, о том, как она плакала, запершись в уборной. Лишь потом она осознала, что явно сболтнула лишнего, но этот господин... Кос? Господин Кос *слушал* ее. Еще ни один собственник бизнеса ни разу не слушал ее. Некоторые даже не смотрели на госпожу Хомяковну, выражая тем самым крайнюю степень презрения. А Кос был очень свойским молодым человеком, ему сразу хотелось доверять, на него хотелось полагаться.

И с ним хотелось работать.

Договорились об очном собеседовании в Колосике. Конечно, госпоже Хомяковне не очень хотелось уезжать из родного города, снимать квартиру... но с квартирой Кос сказал, что можно решить, а родной город... Город, где она выучилась и где ее постоянно унижали на всех работах.

Так уж он ей родной? Или она живет в огромной стране, которая не заканчивается лишь на одном городе? Не пора ли... двигаться вперед?

Прочь от унижений. Прочь от дураков. Прочь от слез, горестей и вечных обид...

Не пора ли... начать жить?

Подвальное помещение являлось очень просторным, здесь было где потренироваться. Ликург в этот момент самозабвенно избивал ударный мешок, висевший на тяжелой железной цепи, а господин Ботреле приютился на спортивных матах с крайне угрюмым и печальным видом.

— У них получилось, — сказал Ликург одновременно с выдохом, не прекращая упражняться, — у них все получилось, а?

— Да, — пришлось признать свое поражение господину Ботреле.

Ликург закончил мугузить спортивный снаряд, снял с себя пропотевшую насквозь майку, обнажив свой мощный мускулистый торс, который опоясывал красный обруч-татуировка, и перешел к турнику, на котором повис.

Господин Ботреле с нескрываемой ненавистью смотрел на своего боевого товарища, благо Ликург не видел выражения на лице у своего друга — он висел спиной к нему. Но волчьи мохнатые ушки Ликурга все равно взволнованно задергались, будто чуя надвигающуюся беду, а по спине воина пробежал мерзостный холодок.

— Ты, надеюсь, не показываешь свое истинное обличье остальным? — в надменном тоне спросил господин Ботреле.

— Узнаю старину Ботреле, — усмехнулся ликан. — Когда сам облагается, то непременно начнет искать косяки у других.

— Я беспокоюсь за нашу рабочую конфиденциальность, — промолвил господин Ботреле ледяным голосом.

— Ха! — ловким движением Ликург слегка подтянулся, приподнялся, резко отпустил перекладину, а затем мгновенно повернулся и снова ухватился за металл. — Моих ушей не видела ни одна живая душа, не говоря уже об остальном. А вот ты... облажался конкретно.

— Это временный промах.

— Да ну? — ликан раскачался на перекладине, прыгнул и приземлился около господина Ботреле. — Ты уверен? Ты все еще надеешься на какие-то бумажки?

— Это документы, — сухо ответил господин Ботреле, смотря зверю прямо в глаза. — И это важно. Я не ожидал, что они найдут Великого Бухгалтера. Ты должен понимать, что сдать тот отчет невозможно.

— Но они его сдали! — зарычал ликан. — Сдали, мать твою! Я тебе уже сотню раз говорил, что эту твою гребаную бюрократию можно сломать!

— Один раз. Все возможно. Но я могу адаптироваться, вносить правки...

— А они подготовятся лучше. Твоя беда, что ты всегда играешь по правилам.

— Правила создают этот мир, Ликург. И я хотел бы, чтобы мир жил по *нашим* правилам.

— Мир всегда жил и будет жить по закону джунглей, — отрезал Ликург. — И никак иначе. Главное — это сила, она и определяет власть.

— Сила — это лишь кулак, который наносит удар. Это оружие правосудия. А без главенствующего порядка...

— Какого, к черту, порядка? Где ты нашел порядок в этом мире? Мы должны себе сами выгрызть место под солнцем, Ботреле. Хватит уже нянчиться с бумажками, пора уже действовать.

— Мне напомнить, что было, когда ты решил действовать, Ликург? Тот последний раз?

Ликан плотоядно осклабился. Он ждал этого вопроса.

— Я вырежу твое сердце, если ты будешь вспоминать мои неудачи, — доброжелательно пригрозил он мальчику.

— Мое сердце забрала злая ведьма, а я остался у нее в плену, пока не сдам годовой баланс, — господин Ботреле слегка улыбнулся. — Я немного сейчас занят, я могу недостаточно времени уделить этому вопросу. И я все еще не уверен, что он существенен...

— Эти Высшие Альфа-то? — ликан махнул лапой. — Плюнь на них. Мелюзга. Пусть копаются в своих бумажках.

— Но если они вдруг перейдут нам дорогу...

— То я тебе помогу, — волк обнажил свои острые зубы. — Бумаги бумагами, Ботреле. А я могу кусаться. Что сделает этот Великий Бухгалтер, оказавшись без головы?

До Колосика госпожа Хомяковна доехала на скором дилижансе. Сняла комнату в местной гостинице, денек

неспешно погуляла по городу, который, кстати, ей очень пришелся по душе — тут было тихо, спокойно и очень-очень чисто. Она понимала, что в Брентоне, городе технологий, где заправляли Черные, дворники убирались на славу, но все же производственно-индустриальный сектор давал о себе знать, да и люди попадались не всегда воспитанные, мусорили то тут, то там. А вот Колосик представлял из себя огромный ухоженный зеленый парк, где даже дышалось как-то по-другому. Вокруг города простирались бесконечные леса и поля, представлявшие собой огромный аграрный комплекс, а сам город был аккуратным, чистеньким и опрятным. И местные жители казались госпоже Хомяковне приветливыми, лучезарными, спокойными и благодушными. Даже небо выглядело пристойно — без копоти и черных облаков.

В общем, тут было чудесно. Госпоже Хомяковне даже захотелось переехать сюда не задумываясь. После кривой суеты огромного Брентона небольшой уютный Колосик казался раем. Конечно, молодежи тут, наверное, было скучновато, но госпоже Хомяковне было уже за пятьдесят — хотелось умиротворенной душевной жизни, а не вечной беготни за успешным успехом.

Офис альфачей госпоже Хомяковне также понравился с первого взгляда — мебель была дорогой и достойной, видно было, что здесь убирались (Эльза наострилась заказывать клининговую службу в офис, вдоволь напрактиковавшись с домом Иллариона), и даже домашние животные присутствовали — туда-сюда шнырял какой-то странный бесененок, который кричал «уиии!». Очень милый зверек, как показалось госпоже Хомяковне.

Директор сей прекрасной фирмы сразу и безоговорочно понравился госпоже Хомяковне. Он явно разбирался в бухгалтерии, понимал, о чем она говорит (не то, что другие директора, которые только деньги умели зарабатывать, но ненавидели бумаги и документы), слушал ее, общался просто и без высокомерных закидонов.

— В общем, думаю, что вы нам подойдете, но, как мне кажется, потребуется короткий период реабилитации, — сказал Кос, закуривая.

— Реабилитации? — госпожа Хомяковна округлила глаза.

— Ну а то. Вы же сами говорили, что вас обижали. Значит, остался осадочек. И его надо вытравить из себя, а то чо — приступать к работе с плохим настроением?

— Я уже чувствую себя лучше...

— Это вам так кажется. Это вы так себя убеждаете, хе-хех, — Кос хитро улыбнулся и подмигнул госпоже Хомяковне.

— И что мне тогда делать? У меня нет денег на психолога...

— А я, что ли, предлагал вам сходить к этим шарлатанам? Нет, у нас есть свой специалист. Пару недель, максимум месяц, и вы будете в строю. Конечно, придется нелегко, но... подумайте, короче. Без этого вы так и будете жить со скрытой в душе агрессией.

Госпожа Хомяковна была поражена, но все же поинтересовалась, в чем будет заключаться этот период реабилитации. Кос объяснил.

И тут госпожа Хомяковна на мгновение выпала из реальности, потеряла дар речи. Потом немного подумала. И неожиданно для себя согласилась.

Следующие несколько недель она провела на специальных тренировках Чед, который вытряхивал из нее все душевное говно. Она бегала, прыгала... что она только не делала! Иногда ей казалось, что она умрет... нет, даже сдохнет! Но рядом постоянно дежурила Эльза, которая также тренировалась, а заодно следила за состоянием здоровья госпожи Хомяковны.

Это был настоящий ад. Но день за днем... ночь за ночью... и ей действительно становилось лучше. Она будто перерождалась. Чед проводил с ней Тренировку Души, которая представляла собой небольшую разминку для адептов Храма Тела. Эта тренировка позволяла вобрать в себя положительную энергетику, подготовив свой дух для грядущих испытаний. Конечно, то, что разминка для опытных монахов, то одновременно настоящая физическая попытка для неподготовленного человека. Но Чед никогда не проявлял милосердия к своим ученикам — он знал, что каждый выдержит его занятия, а прогресс не заставит себя ждать.

Через месяц госпожа Хомяковна была готова. Она, под аплодисменты Пикселя и Коса, вошла в святая святых — в бухгалтерию.

И там она увидела Васю. А также кучу неразложенных бумаг. Кучу непроверенных актов сверок. И еще раз Васю. И еще раз завал из бумаг.

И она расплакалась. Как девчонка. Ибо она поняла, что она пришла туда, куда ей и нужно было прийти, что ее тут будут ценить, и никто никогда ее больше не обидит.

Она пришла туда, где она будет эффективна. Она умела обращаться с бумагами, а бумаги любили ее.

Она была счастлива. Первый раз за долгое время.

Граждане Вайтпилла, придерживающиеся Красного мировоззрения, называли себя воинами или, что бывало реже, альфачами средней руки. Они ратовали за мужественность, маскулинность, силу духа, смелость, решительность, одобряли лидерские качества в человеке, его умение постоять за себя. Ценились среди Красных не

пустобрехи, а честные мужи, отвечающие за свои слова, ценились те люди, которые признавали не только величие воинской души, но и красоту здорового мощного тела, выточенного через упорные изнуряющие тренировки.

Своеобразной столицей Красных можно считать военный город Ксаркс, который по своему прямому назначению пусть и простаивал (Вайтпиллу не с кем было воевать, это была единственная в мире страна, в которой царил мир), но именно там можно было найти истинных Мужчин, а иногда и целеустремленных Женщин, не уступающих по отваге и силушке другим воинам.

Символом Красных можно считать кровавый круг, который многие из воинов наносили на свое тело в виде татуировки.

Конечно, Красные страдали излишней бравадой, о чем им напоминали язвительные Черные — желательно по переписке, потому что высказаться в лицо воину не всегда безопасно.

Также Красных не очень любили представители других мировоззрений: Синие считали вояк излишне грубыми и прямолинейными, а также осуждали склонность Красных к излишней выпивке и постоянным дракам; Черные называли Красных не иначе как самовлюбленными кретинами, кого легко обмануть и увлечь куда не надо; а Фиолетовые, любящие тишину и спокойствие, чтобы вовсе предаться самозабвенной депрессии в компании с хорошим вином, недолюбливали Красных ввиду их излишней крикливости.

С другой стороны, обыватели, которые не придерживались какого-либо мировоззрения, относились к Красным крайне доброжелательно — им казалось, что эти воинственные мужи показывают хороший пример детям, прививая им любовь к физическим упражнениям и самоуважению, а также из Красных получались замечательные мужья, поэтому девицы Вайтпилла особенно благосклонно относились к своим воинственным кавалерам (Черные, правда, тут же вставляли свои язвительные пять монеток, что Красные, дескать, настолько тупы, что жenuшка могла сколько угодно им изменять и... а-а-а, не бейте!).

Кос почесал затылок и устало вздохнул. Да уж...

Ну и деньки задались...

Чудом им удалось выжить, сдать все отчеты и спасти себя от налоговой расправы. Их жизнь висела буквально на волоске, все пророчили им провал, а они справились.

А как же иначе? Кос усмехнулся. Они же Высшие Альфахи!

Надо бы подвести итоги...

Кос взял листок бумаги.

Итак, кто у них в штате?

Для начала Кос написал себя, подписал «директор» и обвел в кружок. Да, он главный. Он крутой. Он молодец. А как же иначе?

Дальше идет главный... нет, Великий Бухгалтер! Пусть по штатному расписанию он просто главный бухгалтер, но все знают, что никто другой, кроме Васи, не справился бы с такими сложнейшими отчетами!

Кос виновато скривился. Нельзя столько брать на себя в одном квартале — множество сотрудников, парочка обособленных подразделений, трудоустройство гоблина... надо было дробить, откладывать дела на будущие налоговые периоды. Ну да ладно, что было, то было, вот тебе и урок на будущее.

По основному виду деятельности далее идут искатели приключений. Их пока двое — Эльза и Дилан (он же граф Марков). Графу досталось особенно тяжело после сдачи квартальной отчетности, но он жив. Вроде как. Никакой обычный смертный не выдержал бы подобной кофейной интоксикации, это признавали все врачи в Колосике, но Марков выжил. И даже дышит, пусть и еле-еле. Его сердце чуть не разорвалось от перенапряжения, его еле откачали... все его тело покрылось черными пятнами, будто безобразные ожоги, но они постепенно сходят на нет. Что это? Как это возможно? Какая-то магия, честное слово.

Эльза тоже молодец, практически не покидает его. Полдня она на тренировках с Чедом, а вечером сидит с графом и читает ему какие-то бестолковые романы. Другой высокообразованный человек должен был уже умереть от передозировки книгами типа «Лолодин и Рога», но граф улыбается и постоянно просит добавки. Чудесная парочка, сдружились крепко.

Далее административный персонал под Васей. Пока там только госпожа Хомяковна, заместитель главного бухгалтера. Замечательное приобретение, ценный сотрудник, Вася чрезвычайно доволен.

Административный персонал в подчинении директора. Шнырь. Гоблин. Курьер. Также молодой просился попробовать распространять рекламные листовки, поэтому для него впоследствии можно сделать систему премирования.

Далее. Продажи. Это Игорь и Пиксель. На самом деле эти бестолковые менеджеры ничего не продают, да и в принципе абсолютно бесполезны, но фирма без Игоря — уже не фирма. Да и Пиксель являлся для них своеобразным талисманом. Оставалось надеяться, что они не распугают потенциальных клиентов.

Ах да. Как же он мог забыть партнеров по бизнесу, а также главных консультантов? Кос приписал справа и слева от себя тeneвых соучредителей, Чеда и Альфа. Они не были устроены в штат, но к их услугам можно было

прибегать. Чед обычно тренировал приключенцев, а Альф в последнее время засиживался в новообустроенной магической лаборатории у Эдварда.

Так... тогда стоит также еще раз вписать сверху главного спонсора — графа Маркова. Он одновременно и сотрудник, и главный инвестор, на средства которого и существует фирма. Он не просил возврата средств, это был своеобразный подарок, но Кос иногда раздумывал о дивидендах.

Ладно. Это потом. Дальше. Удаленка. Это Илларион, он же Хранитель Знаний. Его устроили в штаб архивариусом, то есть заведующим архивным бюро, где хранилась полезная информация. В будущем, когда бизнес будет работать в полную силу, этот мудрый молодой эльф будет крайне полезен.

Также у них совершенно неожиданно образовались два обособленных подразделения. Одно в Brentone — это была печатня, где пока что они оформили лишь начальника печатного производства, но в дальнейшем надо будет взять парочку работяг. Пока что у них затык с маркетинговым отделом... как оформить газету, чтобы она привлекала внимание? Как распространить ее не только в Brentone? Короче, инвестиции проделаны, а толку пока нет. Как всегда, впрочем.

Другая обособка расположилась на окраине Колосика. Они купили старое небольшое поместье с полуразрушенными постройками практически за бесценок, где и установили магическую лабораторию вдали от любопытных глаз. Эдварду, оформленному как заведующий научно-исследовательским отделом, очень понравилась площадка для исследований, он буквально влюбился в нее. На вопросы Коса типа «а ничо, что крыша протекает?» — Эдвард лишь рассмеялся — ему доводилось работать в условиях и похуже. Вместе с руководителем лаборатории оформили и троих научных сотрудников, которые также увлеклись магическими исследованиями.

Кос пока что не понимал, зачем он потратил столько денег на всякую ерунду, но почему-то он жопой чувствовал, что так надо было сделать. А жопа его редко подводила.

Очередной директор листал очередное резюме очередного кандидата на будущую эксплуатацию. Обычный день в славном городе Brentone.

— Вы говорите, что вас уволили, — пробормотал он, перебирая листики, исписанные мелким неровным бухгалтерским почерком.

— Да, — Рунная понурила голову и покраснела. — А перед увольнением избили. Я плохо себя вела.

— Плохая девочка, — нагло усмехнулся директор, плотоядно осматривая кандидата на незакрытую вакансию.

Он также недавно уволил своего бухгалтера и также избил. Эта дурочка побежала жаловаться в Инспекцию — только время напрасно теряла, у него все схвачено. А эта... эта особа, похоже, знает правила игры. С ней можно будет вдоволь нарезать.

— Вы понимаете, — завел он старую пластинку, — времена нынче тяжелые, можно даже сказать, кризисные. У нас довольно много долгов набралось...

— Да-да, кредиторка, — сочувственным проникновенным голосом произнесла Рунная.

— А также мы иногда задерживаем заработную плату. Это не мой выбор, таковы обстоятельства.

— Я понимаю, понимаю, — Рунная закивала так яростно, что ее голова расплылась в одно неясное мыльное пятно.

— Поэтому мы ищем человека, — тут директор усмехнулся, — кто влюбится в наш бизнес.

Рунная ахнула и покраснела. Она очень ждала этого момента.

— Я готова! Я уже влюбилась! По уши!

— Так быстро? — удивился директор. — Что ж...

Он встал и закрыл дверь в свой кабинет. На ключ. Сердце у Рунной забило часто-часто.

— Потребуется пройти небольшой предварительный тест... — сказал директор, снимая штаны. — Формальности, вы сами понимаете.

— О да!

Она не понимала, почему они сразу не могли приступить к этому. Штаны на ее новом директоре были явно лишними. Она и вовсе пришла на собеседование без трусов. Потому что она была профессионалом, всегда готовым на трудовые подвиги.

Рунная с вождением встала на колени перед святой святых. Директор обнажил перед ней Регламент.

— И еще, перед тем как начнем, — вдруг оборвал напряженную ситуацию Директор. — Я вынужден предупредить, что у нас три собственника. Вы готовы?

— Я готова, — с жарким придыханием в голосе произнесла Рунная и приступила к работе.

Директор застонал. Собеседование проходило просто потрясающе.

Я буду стараться, подумала Рунная, держа в своих руках Регламент. Я буду хорошей девочкой.

И больше никогда... никогда! Никогда не совершу прежней ошибки — спать надо не с Коммерческими, а с самим Директором. И сразу, не откладывая!

Рунная выучила свой жизненный урок. И она готова была полностью отдать себя новой работе. Все ради

Регламента.

В офис Высших Альфачей стекались сотрудники. Все учуяли запах дармовой выпивки, которую заблаговременно заготовили Альф с Чедом, в помещение пытались даже проникнуть случайные зеваки, которых с некоторым трудом выпроводили вон.

В воздухе царил атмосфера праздника — и немудрено. Ведь все важные отчеты были сданы, бизнес все еще функционировал и даже, что немаловажно, приносил доход и развивался. Все сотрудники были благополучно оформлены (кроме Чеда и Альфа, которые не любили светиться на официальных бумагах) — последним трудоустроился граф Марков, который решил не обременять Васю оформлением лишних бумаг в период сдачи отчетности. Граф сейчас был тут, его недавно выписали из больницы, лицо и тело его были смертельно бледны, сам он еле стоял на ногах, но дух этого достойного аристократа был не сломлен. Он улыбался, пил теплое душистое зумбийское вино и был донельзя горд собой — ведь именно благодаря ему эта чудесная фирма появилась на свет, и именно благодаря его помощи в сдаче бухгалтерских отчетностей эта фирма продолжала функционировать.

Кос тепло пожал своему благодетелю руку.

— Держитесь, граф? — усмехнулся директор.

— Конечно, — Марков слегка поморщился. — Только давай без формальностей, пожалуйста. Я уже на работе.

— Ладно-ладно, Дилан, просто прикалываюсь, — Кос хотел хлопнуть мужчину по плечу, но в последний момент благоразумно передумал, чтобы лишним движением не свалить графа наземь.

Вовремя подошедшая Эльза пододвинула Дилану стул, на который тот не совсем изящно плюхнулся. Лицо его было покрыто испариной.

— Так и ноги откажут, — буркнул он. — Совсем дела плохи.

— Да все замечательно, чего ты, — зашептала Эльза, ухаживая за своим любимым графом. — Ты уже стоишь целых две минуты! Это прогресс. И врачи возлагают большие надежды на твое скорейшее восстановление.

— Если так, то ладно, — граф натянуто улыбнулся Эльзе.

Кос отошел от закадычных друзей, окинул взором зал. В углу комнаты о чем-то своем перешептывались Пиксель с Игорем — наверное, затевали какую-то шалость. Игорь на корпоратив надел свой лучший костюм, поэтому сегодня он смахивал на откровенного дурака. Прекрасная маскировка, подумал Кос, ведь Игорь дураком явно не был.

Госпожа Хомяковна сидела за столом и мирно поедала торт, вкушала добрый ароматный чай, который услужливо подливала и Васе. Эти двое также спелись — новая сотрудница полюбила Великого Бухгалтера, никто лучше госпожи Хомяковны не раскладывал бумаги по папкам. Конечно, в актах сверки она частенько путалась, а в банковских платежках не всегда верно указывала получателя денежных средств, а при отправке почты марки иногда наклеивала *внутрь* конвертов... да и, если признаться честно, то раскладка по папочкам была идеальна ровно до той поры, пока ты не решился проверить, как она это сделала.

Но человеком госпожа Хомяковна была душевным. И это главное. Ведь в бухгалтере была важна не рабочая эффективность, а отзывчивость. А ошибки можно поправить, отправив корректировки.

Эдвард, глава ученого департамента, уже откровенно бухал с Чедом и Альфом. Вокруг них расположились в стельку пьяные научные сотрудники, мирно сопящие на столе, а главный ученый-моченый обсуждал с Высшими проект самогонного аппарата. Альф особенно заинтересовался автоматизированной системой выращивания винограда, а Чед просто вежливо слушал, он был простой парень — если есть выпивка, то он готов был поддержать беседу хоть о магически-теоретической физике.

Шнырь, гоблин-курьер, скромно тусовался около стола с закусками. Пить ему было нельзя, отец запретил, поэтому он старался ухватить со стола побольше, чтобы компенсировать свою трезвость обжорством. Кос ему не мешал — еды хватает на всех. К гоблину он уже вполне привык, хотя иногда эта зеленая морда его донельзя раздражала.

Илларион также посетил их скромное мероприятие. Он не хотел изначально приходить, так как не любил тратить свое драгоценное время на общение с людьми не «его уровня», но сегодня ему повезло — из Brentona приехал начальник печатного производства, солидный дворф, который оказался редким интеллектуалом. Ему перевалило уже за двести лет, и он не только помнил Старые Времена, но и принимал в их освещении активное участие — в качестве журналиста. Потом уже, на сэкономленные деньги, он открыл свою печатню, стараясь больше не гнаться за новостями, думая, что новости сами к нему придут. Но план оказался провальным — людям не хватало перчинки, газетные выпуски казались им пресными, поэтому пресса расходилась крайне плохо. Расшириться куда-либо, кроме Brentona, не получилось, лизинговые платежи за печатное оборудование съели все текущие денежные поступления, работники начали увольняться из-за задержки зарплаты, и дворфу-печатнику пришлось бы объявить себя банкротом... если бы его не спасли Высшие.

У Коса пока руки не доходили до печатного производства, но потенциал у этого подразделения был

огромный. Можно не заказывать рекламу у кого-то, а самим ее производить. Оставалось лишь найти литературных зумбийцев, кто будет писать бредовые тексты, которые почему-то нравятся обывателям.

Вдруг торжество остановилось, словно оборвалось. Вася вскрикнул от удивления.

Бывают просто неприятные люди, бывают откровенные мудаки, бывают энергетические вампиры, дальше идут просто вампиры, а также высшие вампиры и... древние вампиры. А Вася, в придачу ко всему этому, был также Великим Бухгалтером. И никто не ожидал, что он будет... кричать. И ахать. И удивляться. Чем вообще можно удивить человека, кто существует еще со дня основания Вайтпилла?

Кос порыскал взглядом по комнате и вскоре обнаружил причину чрезмерного удивления Васи.

В помещении стало тихо-тихо. Слышался только тихий храп в стельку пьяных научных сотрудников.

А потом тишину разрезал мужской голос. Конечно же, это был Игорь.

— А чо все молчат?

— Уии!

— Чо? Ничо не вижу. В глаза, что ли, все долбятся?

— Уииии!! — греmlin схватил своего незадачливого друга за руку, и Игорь прозрел.

— А, — словно очнулся он. — Заебок. А чо все так очко напрягли? Это же просто...

— Тихо! — властно приказал всем Вася.

— Не вижу, не вижу, — прошептала Эльза, шуря глаза в направлении, куда смотрели Кос, Вася, Игорь и госпожа Хомяковна.

Дилан также прищурился, вроде узнавая какие-то смутные очертания на центральном столе, но кофейная болезнь мешала ему сосредоточиться. Илларион все прекрасно видел, он насупил брови и даже надел очки, что он делал только в самых серьезных и официозных случаях.

Шнырь, как ни странно, тоже увидел внезапного пришельца. Человеческая мать гоблина была волшебницей, да и сами зеленокожие обладали сильнейшим магическим потенциалом.

— Это ты! Ты! — воскликнула госпожа Хомяковна недовольным голосом.

Альф и Чед продолжали спокойно бухать. Они видели, кто к ним пришел, и, похоже, понимали, что это за существо. Оно их никак не смущало.

Пиксель взял Игоря за руку, подошел к Эльзе с Диланом и жестом подозвал к себе старого дворфа, а также Эдварда, ученого-моченого, кто оказался откровенно слепым в сфере, где он старался развиваться, — в магии.

— Уииии! — закричал греmlin.

— Ну чо? Все видят? — спросил Кос, оглядываясь.

Все загалдели, соглашаясь.

— Заебок. Так, Вася, в чем сыр-бор?

— Вы все видите? И ты тоже? — несказанно удивился Великий Бухгалтер.

— Ну а чо. Видим. Сидит эта тварь и облизывается.

— Миленький, — промурлыкала Эльза. — А его можно за ушком почесать?

— За ушком?! — возмутился Вася. — За ушком?! Это же...

— Ты! Ты же у меня шуршал дома, разве нет? — закричала на пришельца госпожа Хомяковна, привставая с места.

Существо кивнуло, а потом продолжило умываться.

— Ты знакома с *ним*? — у Васи сегодня был явно непростой день.

— Ребят, это же просто ко... — хотел сказать Игорь, но его перебили.

— Не просто!! — закричал Вася на всех. — Вы что, не понимаете?! Это же...

— Поразительно, — пробормотал Эдвард, держась за мех греmlина. — Такая сильная магическая аура.

Недаром руна так живо откликнулась...

— А почему его нельзя погладить? — заканючила Эльза.

— Да, бля, послушайте, это же ко... — Игоря, к сожалению, снова перебили.

— А шарлотку ты тоже съел, признавайся?! — госпожа Хомяковна все не унималась.

— Дедушка рассказывал мне о таких, но... — начал было дворф-газетчик.

Чед громко рыгнул. Игорь перднул. Пиксель заверещал. Вася начал громко возмущаться. А у Коса, когда начиналась хаотическая какофония звуков, начинала сильно болеть голова.

— ЗАМОЛЧИТЕ, ЗАЕБАЛИ!!!

Все резко заткнулись. Даже Пиксель перестал прыгать на месте и застыл, а потом и вовсе испуганно прижался к Дилану.

— Вася, говори ты. Что это за чертовщина?

— Это... я не могу...

— Я скажу, — раздался громогласный рев Альфа, который встал с места.

Все обернулись к гиганту, которого многие одновременно и любили, и боялись.

— Это великий дух, — прогремел Альф. — Они населяли наши земли со дня сотворения мира, помогая первым людям. А затем внезапно пропали, словно их и не было. Магия исчезла, и считалось, что они исчезли вместе с ней.

— То есть это бог? — поинтересовалась Эльза.

— Нет, — покачал головой Альф. — Боги — это проекция надежд людей, поэтому их запретили, чтобы люди надеялись сами на себя. А духи реальны и крайне могущественны. Это порождения чистой первородной магии, из которой и создан был наш мир.

— Ну и ладно, — Кос достал из кармана косячок и закурил. — Дух и дух, чо тут все переполошились? Особенно ты, Вася, давно я тебя не видел таким. В чем проблема-то?

— Потому что духи бывают разные... — пробормотал Великий Бухгалтер.

— Ну да, и чо?

Кос, конечно же, понимал, что духи все разные, ибо и в его душе поселилась дух Природы, зеленокожая прекрасная дриада. Но почему Вася так перепугался?

— Какой же этот дух? — поинтересовался Кос.

Вася сделал глубокий вдох перед тем, как выдать ответ.

— Это дух... порядка. Баланса.

— Да, бля, ребят, ЭТО ПРОСТО КОТ! — Игорю удалось вырваться из рук своих друзей, поэтому он сразу принялся делать то, что умел лучше всего, — всех раздражать.

Игоря хотели снова связать, но Кос остановил инициативную группу. Он был согласен с Игорем.

— Так-то да. Просто кот. Просто он слегка... мерцает...

— Словно в нем защиты звезды Мироздания... — романтично пропела Эльза, закатывая глаза.

— Ну тип да. Гламурненький такой черный котике, — признал Кос. — Он разве опасен?

— Нет, — Вася замотал головой. — То есть да. То есть я не знаю... но он мой начальник...

— Вася, ты дубу дал? — Кос засмеялся, а затем рассмеялись и остальные. — Как этот котик может быть твоим начальником? Ты же древний вампир, старше нас всех на тысячи лет.

— А вы задумывались над тем, кто придумал бухгалтерский учет? — спросил у всех Вася важным голосом.

И все задумались. И посмотрели на кота. А кот посмотрел на всех.

— Это он, чо ли? — возмутился Игорь. — Вот сучара. Только жизнь всем испортил!

Сначала он был Шуршащим в Листве. Никто его не боялся, а он боялся всех. Каждое существо он признавал за опасность, а каждый звук — за сигнал к немедленному побегу.

Он рос шугливым, нервным, истеричным, крайне малодушным и трусливым.

Одним прекрасным днем он гулял вдоль речки, когда его настигла небольшая задорная волна. И день тут же превратился в мокрый, ненастный и противный.

— Какой же ты неряха! — засмеялась дух Реки, предстающая перед первыми людьми в виде прекрасной женщины.

— Отстань! — Шуршащий отряхнулся от налипшей к его шерсти воды и поковылял прочь, к лесу.

— Постой, дружок! Давай поболтаем. Вот Расскажи — почему ты такой никчемный?

— Отстань! — дух продолжал упорно плестись в сторону спасительной зелени, где мог найти укрытие благодаря своим незначительным размерам.

Дух реки захохотала, и новая волна подхватила Шуршащего и окунула в пучину воды. Вылез на поверхность котенок не скоро, ему тяжело было грести, он захлебывался, дрожал всем тельцем, а усы его жалко обвисли.

— И зачем ты живешь? — продолжала издеваться дух. — Ведь ты никому не надобен, никому не пригождаешься. И где твой хвостик, неряха? Я слышала, что его откусил у тебя дух Охоты, когда ты зашел на его территорию.

И она снова рассмеялась, топя несчастного котенка в своей обжигающе холодной воде.

— Нравится? — издеваясь, спросила дух Реки.

— Когда-то... — котенок был уже без сил, он не мог сопротивляться. — Когда-нибудь вы все исчезнете...

— Что? — удивилась дух Реки нахальству Шуршащего. — Чего ты там лепечешь? Мы будем царствовать на этой земле, а люди будут нам прислуживать. Идеальные рабы для идеального будущего.

— Люди... сильны... — прошептал котенок, окунаясь в черное забытье.

— Чего ты там мурлычешь, маленький? Жалко, что ты не можешь умереть... но я тебя помучаю, не беспокойся. Ты же совсем нам не нужен, понимаешь? Ты жалок. Мы обязательно придумаем, как от тебя избавиться...

И она принялась ожесточенно топить Шуршащего. Мучить его. Терзать.

Так делали и другие жестокие духи, кто находил этого маленького котенка. Первобытные духи признавали

лишь силу, а тех, кто был слишком слаб, они унижали.

Лишь дух Земли был милостиво настроен к Шуршащему, но разговаривали они не часто. Дух Земли сторонился разговоров, считая, что они приводят к разрушению энергии.

— Сколько звезд на небе, Шуршащий? — спросил он однажды у маленького духа.

Котенок посчитал и ответил.

— Ты это придумал? — спросил у котенка дух Земли.

— Нет. Посчитал, — уверенно и гордо ответил Шуршащий, ведь он и правда смог посчитать все звезды, которые были видны на небе в этом мире.

— Хм-м... — задумчиво прогудел дух Земли, закончив тем самым их короткий разговор.

Почему-то именно этот разговор всплыл в памяти Шуршащего, когда он тонул в речной пучине. Вскоре он отключился — перестал слышать злобный ужасный смех жестокой духа Реки, перестал чувствовать свои лапки, перестал дышать...

Дух Баланса и Порядка очнулся. Ему приснился плохой сон. Сон о Прошлом. О том Прошлом, которое он старался позабыть. Но, к сожалению, память постепенно возвращалась к нему.

Он сонно приоткрыл глаза, сладко потянулся, а затем только увидел перед собой наглую ухмыляющуюся мордочку гремлины.

— Уии! — заверещало мохнатое создание.

— Гы-гы, кошка! — поддакнул загадочный друг Пикселя, Игорь.

И шалуны стали показывать великому древнему духу средние пальцы, стали высовывать языки. Шуршащий слегка оторопел — неужели вернулись те старые времена, когда его обижали, гнобили и мучили?

Бессовестный Игорь уже хотел показать великому духу свою жопу, как в бухгалтерию вошел хмурый Вася, и проказников сдуло как ветром — никто не хотел попадать под горячую руку древнего могущественного вампира.

Вася нервно осмотрелся, затем подошел к своему начальнику, поправил у него подушку, помассировал ему уши и вернулся за свое рабочее место. Сегодня он не мог сосредоточиться на бухгалтерии, в голову лезли различные воспоминания, и он то и дело поглядывал на мерцающего магическим светом кота.

— Ты чо, курить начал? — удивился Кос, заставая Васю дымящим на улице.

— Я раньше курил, — горько признался Вася. — И курю, когда нервничаю.

— Нас недавно чуть не убила налоговая! — возмутился Кос. — И ты, блядь, вел здоровый, сука, образ жизни! А сейчас закурил, а?! Ты чо, Вась?

— Кос... давай потом. Прошу. Не сейчас...

— Ладно, старина. Не парься, не грузись, — Кос дружелюбно похлопал своего Великого Бухгалтера по плечу.

И все же Кос забеспокоился. Поэтому решил отправить в бухгалтерский кабинет Эльзу. Уж она достанет кого угодно, бестия с ушами.

— Какой котя! — милым голосом проговорила Эльза, почесывая у великого духа за ушком.

— Я думаю, не стоит!.. — запричитал Вася, но потом услышал довольное мурлыканье и успокоился.

— Ты смотри какой пушистенький, — засюсюкала Эльза, которая обожала котанов, но из-за работы ранее не могла завести себе зверушку. — Ты смотри какой мохнатенький...

И она бесцеремонно взяла великого духа на руки.

Вася весь побелел.

— А как же тебя назвать? — как ни в чем не бывало продолжала эльфийка. — Молочка будешь, кстати? Вася, он пьет молоко?

Вася ответил, что нет. Но дух тут же закивал своей пушистой мордочкой. Да! Да! Пью!

— Ты смотри, какой у тебя Вася строгий, не кормит, не поит! — Эльза погрозила вампиру пальцем. — А кто у нас такой голодненький? У-у-у!

Эльза пощекотала брюшко у котика, а потом пошла с ним в магазин закупаться молочком и всяким вкусеньким. Духу даже дали возможность самому выбрать себе вкусностей.

— Ты чего, совсем не ел в последнее время? — ужаснулась Эльза, наблюдая, как дух жадно уничтожает всю купленную ему еду.

Котик горестно покачал своей мордочкой, а затем с усами залез в мисочку с молоком, высасывая его как мощный промышленный насос.

— Фига се, — слегка прихренела Эльза. — А что будем на десерт?

Котик посмотрел на нее с обожанием во взгляде. Еще десерт? Может быть, он в раю?

Все стало налаживаться, когда люди нашли его в первый раз. То была маленькая девочка со светлыми волосами, которая пожалела молодого несчастного духа и отнесла его, бессознательного и измученного, к костру. Люди согрели кота, покормили и дали место для ночлега.

А ночью он подслушал их разговоры о грядущих опасностях, об их тяжелой жизни. Та девочка, его

спасительница, заплакала, он особенно запомнил ее плач. И почему-то он не захотел, чтобы эти люди умирали. Или чтобы стали рабами у других духов.

Поэтому он решил их спасти.

— Надо сначала спрашивать разрешения, малый дух, — пророкотал дух Земли, сурово смотря на котика.

— Это мое решение! Я так решил! А ты обязан мне помочь!

— И чем же я обязан?

— Потому что я не могу ничего! У меня лапки!

Дух Земли коротко рассмеялся и уступил своему младшему собрату, предоставив людям доступ в секретные тайные пещеры.

— Тут точно безопасно? — спросила у котика девочка.

Дух кивнул. Понадобилось несколько лет, чтобы убедить людей доверять ему, некоторых он не смог спасти, но для него было самым главным, что эта самая девочка была жива.

— Хорошо, — девочка в порыве благодарности принялась гладить и чесать котика. — Хорошо. Спасибо.

А потом влияние маленького духа стало расти. Даже чрезмерно быстро расти. Он этого очень не хотел, он понимал, что если станет слишком заметным, то его убьют, уничтожат, запрут в клетке, поэтому он был крайне осторожен. В свой духовный культ он принимал лишь избранных, а потом уже эти люди разносили его Знание по всему миру.

Дух верил, что люди могут управлять собой сами, без помощи других духов. Он верил, что эти земли принадлежали именно людям, а не духам, поэтому он всем своим небольшим влиянием старался портить планы великим духам.

А люди росли, крепили, размножались и... постепенно давали могущественным силам отпор. В стойкой последовательности людям не было равных, они готовы были идти до конца.

Но дух понимал, что люди слабы, что они постоянно будут искать высшие силы, чтобы им поклоняться. Если даже власть духов ослабнет, то люди станут чтить богов, строить им роскошные храмы, и кто знает, какую силу они притянут в свой мир?

Котик шевелил своими ушками, думал, размышлял, благо времени на это у него было очень много. Что дать людям вместо религии? Во что люди должны верить?

И озарение пришло само собой.

Лучше всего маленький дух умел считать. Он сосчитал не только все звезды на небе, но и все маленькие камушки в его земле, всех мух в его хибарке, а когда лил дождь, то он методично запоминал каждую капельку, оброненную с небес на землю. И тогда духа осенило. Он понял, что люди должны поклоняться... цифрам. Ведь в цифрах также заключена магия.

Первый бухгалтерский приход был оформлен после охоты. Мужчины и женщины пришли усталые под вечер и принесли с собой дичь. Это записали, отразили поступление на основном складе (пещере). Затем пошло списание — еду стали распределять между членами общины.

Но постойте. Мясо же поступало на стол не в сыром виде, правда? Сначала его надо было приготовить. Значит, в сыром виде мясо представляло собой сырье, а в готовом — готовый продукт. И цифры могли служить не только для отображения количества мяса (сырого и готового), но также цифры могли отображать и какую-то отдельную совокупность данных. Например, под единичкой мы запишем все сырье, а под двоечкой всю готовую продукцию.

Так и родился план счетов и учета материальных ценностей. Люди попросили духа о помощи в учете духовных ценностей, но дух признался, что не может оцифровать душу — человеческая душа была за пределами понимания даже самых могущественных духов.

Духу вспомнился и тот яркий праздничный момент, когда ему, в качестве дара, принесли первый Отчет. Да, он был неряшливый, с кучей ошибок, но все же это был Отчет. Настоящий Отчет с кучей циферок, с красивым и ярким оформлением... на такой, если слегка поправить, можно было даже молиться.

И люди стали поклоняться Отчетам. Не все, конечно, но наука о бухгалтерии распространялась по миру как лесной пожар.

Маленький дух надеялся, что бухгалтерский учет поможет людям перестать верить в злобных духов, поможет абстрагироваться от них. И это... действительно начало помогать. Цифры вскружили людям голову, они стали обретать веру в себя...

— Они ищут тебя, твои люди, — пророкотал дух Земли, смотря на котика, который пришел в его владения.

— Пусть ищут. Они теперь сами могут о себе позаботиться. Открой вход в ту самую пещеру, о которой мы с тобой говорили.

— Такого входа не существует, малыш.

— Существует. Я его высчитал.

— Хорошо, — дух Земли усмехнулся. — Ты хочешь уйти на покой? Ты думаешь, что люди не вернуться к старому?

— Я не знаю. Но я хочу в них верить. У них есть цифры. У них есть власть. Им больше не нужны мы.

— Могущественные духи коварны и сильны, мой маленький друг. Я слышал, как они решили поделиться с людьми частичкой своей силы. В удаленных землях появляются первые... маги. Ты слышал о таких?

— Да, — котик махнул своим хвостиком, словно отмечая все незначительное в этом мире. — Слышал. Но цифры в итоге победят.

— Ты знаешь, что будет, если ты победишь. Ты и проиграешь. Потому что магия уйдет из этого мира. Мы все умрем...

— Да, знаю. Поэтому я хочу умереть уже сейчас. Я не хочу ждать своей кончины. Магия должна уйти, а все, что останется на этой земле, — это люди и цифры. Открой тот вход, прошу тебя.

— Я открыл. Иди вперед, малыш. И... прощай. Я буду скучать.

— Я тоже. Спасибо тебе за все.

— А кто это у нас тут прикорнул, а? — Эльза сама заснула на лавочке под палящим солнцем, держа на руках мягкого котика.

Дух зевнул и, довольный, потянулся.

— Кто тут у нас такой сытый? — Эльза тоже сладко зевнула.

Котик посмотрел на свою любимую женщину. Воспоминания обжигали его нежное сознание, но он не хотел ничего вспоминать. Прошлое несло в себе горести, обиды и разочарования, а сегодня... сегодня ему было хорошо.

— Пойдем домой? — предложила Эльза. — Или зайдём по пути в магазин? Давай зайдём, конечно! У меня вот какао закончилось... ты пьешь какао?

Котик был готов пить что угодно и есть что угодно. Лишь бы это все было подарено с любовью. Первые месяцы, когда он только очнулся после тысячелетней спячки, он жутко страдал. Он забрался в дом женщины-бухгалтера, потому что учуял там знакомую атмосферу цифр и бухгалтерии, но умалишенная бедная женщина, которая страдала на работе, его не слушала, не понимала и очень редко кормила. Он никогда не думал, что люди, кто работает с цифрами, будут страдать.

Ведь цифры и порядок дарят наслаждение. Дух помнил, с каким невиданным удовольствием его «верующие» отправляли первую почтовую корреспонденцию, с каким наслаждением они раскладывали бумаги по папочкам, с каким волнением делали свои первые приходы и реализации. А что сегодня? Неужели люди страдают, когда работают в бухгалтерии? Но как? Это же должен быть рай...

— Знаешь, я подумала над твоим именем! — вдруг воскликнула Эльза, неторопливо шагая по направлению к продуктовому с черным котиком на плече. — Давай ты будешь Шуршунчиком. А, как тебе?

Котик умиротворенно мурлыкнул. Пусть будет Шуршунчик. Удивительно, но именно так назвала его та девочка, которая и спасла его. Она потом погибла от заразы, что наслал вредный дух Болезней, а цифры не смогли ее спасти...

Да, он Шуршунчик! Пусть будет так!

Он будет есть, пить, мурлыкать, сшибать все со столов. Поможет Васе и госпоже Хомяковне с порядком в бухгалтерии. Потом снова поест. Поспит.

А затем уже можно будет потихоньку разобраться, почему он не умер, как планировалось. И почему люди страдают от его замечательного изобретения, от великолепных цифр? И почему...

Почему все говорят, что магия ушла, но местами она проявляется?

И кто такой, черт возьми, этот надоедливый хамоватый греmlin? Пиксель, его вроде так зовут? Где-то он его уже видел... или показалось?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Здесь имеются в виду бухгалтерские расчеты по заработной плате, а также сдача ежемесячных и квартальных отчетов в контролирующие органы по всевозможным налоговым отчислениям, связанным с зарплатными начислениями сотрудникам фирмы.